1Б
30
К27

Карцов В.Г.
Очерки истории народов сев.-зап. Сибири
М. 1937 г.

ДБ
30 Сибпрб
К27

В.Г. КАРЦОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

СОЦЭКГИЗ 1937

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

ДБ
30 сибирь
К27

В. Г. КАРЦОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ НАРОДОВ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Абзац*	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
9	2	2—3	родственниками, в то же время	родственниками, то в то же время
36	3	1 и 2	колонизационной	колонизаторской
83		4 сверху	недостоверным	неверным
85	5	3	отброшенное	отмененное
90	2	7	безобидное	безбедное
99	1	2	ели кротов и варили их в котлах	варили кротов в котлах и ели их
119	1	6 снизу	«Для того	Для того
123	4	2	Смарове	Самарове
125	7	4 сверху	окраина России.	окраина России...
125		1 снизу	к источникам сыря.	к источникам сырья...
129	8	2	салымских хантэ. Все	салымских хантэ, все

В. Г. Карцов. Очерк истории народов северо-западной Сибири.

Государственное
Социально-экономическое издательство
Москва ★ 1937

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

ДБ
30 сибирб
К27

В. Г. КАРЦОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
193210.

Государственное
Социально-экономическое издательство
Москва ★ 1937

9 (57)
К 27 доб. 9 (47)

Работа В. Г. Карцова носит научно-популярный характер. Автором использованы большая литература и источники, относящиеся ко всей истории народов северо-западной Сибири — хантов, манси и ненцев, живущих ныне на территории национального Остяко-Вогульского округа РСФСР. Данная книга является сводной работой по истории этих народов.

Описание начинается с древнейшего периода истории народов северо-западной Сибири и доводится до наших дней. Однако главное место в книге занимают главы, в которых описываются наиболее важные и актуальные моменты истории указанных народов. Это — период завоевания их царской Россией и жизнь под эгидой самодержавия, а также советский период, когда эти, вымиравшие прежде, народы возродились и получили возможность быстрейшего и плодотворнейшего разностороннего экономического, политического и культурного развития.

Редактор *В. Малаховский*
Техред *О. Прохорова*
Корректор *В. Малкина*

Сдано в набор 21/II-37 г. Подписано в печать 27/VII-37 г. Тираж 10 000 экз. Формат бумаги 84×108 1/32. 8 1/4 п. л. 39 500 зн. в печ. листе. ОГИЗ № 1881. Заказ № 130. Уполн. Главлита № Б-24473.

17-я ф-ка нац. книги ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., 10.

Предисловие

Огромная территория, именуемая Сибирью, с древнейших времен была населена многочисленными народами.

В XVI—XVII веках происходит завоевание и колонизация этой страны русским царизмом. С этого времени Сибирь стала ареной открытого грабежа и жесточайшей эксплоатации трудящихся, оказавшихся под двойным гнетом, ложившимся на него как со стороны новых завоевателей, так и со стороны своей старой национальной знати, установившей прочный союз с самодержавием.

Великая пролетарская революция положила конец эксплоатации и национально-колониальному угнетению.

В результате осуществления сталинских пятилеток отсталая Сибирь начала превращаться во вторую каменноугольно-металлургическую, индустриальную базу СССР.

По полям и степям, по глухой тайге, по далекой тундре прокатилась волна коллективизации.

Выросли многочисленные гиганты промышленности. Они возникли там, где раньше шумела непроходимая тайга или рос чертополох, а ветер гонял дикое перекати-поле.

Каменноугольные шахты Кузнецкого бассейна, сталинские домны, кемеровские заводы, новосибирские комбинаты промышленного и сельскохозяйственного машиностроения, Анджеро-Судженские и Черемховские копи, Красноярский завод золотопромышленного машиностроения, новый полярный порт и крупный центр деревообрабатывающей промышленности, город Игарка, крупнейшая железнодорожная магистраль, связавшая Сибирь с Туркестаном, — Турксиб и множество других таких же славных названий, это — реальный факт.

Многочисленные народности, не имевшие даже своей азбуки, получили сейчас не только письменность, но и свои школы.

Там, где раньше колдуны-шаманы и монахи-миссионеры одурачивали народ, выросли мощные очаги национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Множество медицинских и ветеринарных пунктов возникло в тайге и тундре.

Победа пролетарской революции спасла народы севера от вымирания и гибели, и они, освобожденные от гнета, начали строить новую, социалистическую жизнь; они при поддержке передового русского пролетариата и под руководством его коммунистической партии включились в победное шествие социализма.

До сих пор буржуазные ученые превратно доказывали, что эти народы, не имевшие своей письменности, являются народами «бескультурными», народами «неисторическими».

Вместе с победой пролетарской революции было уничтожено национальное неравенство и все эти народы получили полную возможность всестороннего политического и культурного развития на равных со всеми другими народами СССР основаниях.

Настоящая работа является первой попыткой познакомить наших советских читателей с прошлым народов северо-западной Сибири — хантов (остяков), манси (вогулов) и ненцев (самоедов), выделенных в настоящее время в национальный Остяко-Вогульский округ [1].

[1] Народы северо-западной Сибири сами себя называют хантами, мансами и ненцами. Название остяки, вогулы и самоеды были даны русскими.

Древнейший период истории народов северо-западной Сибири

Наука до сих пор знает очень мало о древнейшем прошлом народов северо-западной Сибири.

Населяли ли они испокон веков занимаемую ими сейчас территорию или переселились сюда когда-либо из других мест — неизвестно.

Ни манси (вогулы), ни хантэ (остяки), ни ненцы (самоеды) до самой Великой Октябрьской революции не имели своей письменности, а русские источники, описывающие Сибирь, относятся сравнительно к позднему времени.

В них ненцы впервые упоминаются в XI в., манси — в конце XIV в., а хантэ—к началу XVI в. До этого времени русские называли оба последние народа «югрой», что значит на языке коми (зырян) — «дикие».

Но если и русские источники проливают мало света на древнейший период истории народов северо-западной Сибири, то все же это не значит, что историю этих народов нельзя восстановить хотя бы в общих чертах.

Передаваясь из поколения в поколение, дошли до нас некоторые старинные предания, сохранились различные старинные обычаи, позволяющие судить о прошлом.

Все народы первоначально находились на стадии первобытного коммунизма, следы которого сохранились и в северо-западной Сибири. Сначала люди не знали парной семьи, сменявшейся групповым браком. Группового брака у народов северо-западной Сибири уже давно нет, но указания на то, что он был распространен и у них, имеются.

Так например, в одной из сказок хантэ рассказывается о том, как одна женщина, являющаяся лесным духом, заманила к себе человека и хотела женить его на себе. Несчастный, попав в неволю, предался гореванию. Видя это, женщина-дух говорит ему: «Так не горюй, будем жить до

первого ребенка, а потом уйдешь домой, я поеду с тобой. Ты будешь жить со своей женой, а я с твоими братьями»[1].

К числу пережитков группового брака можно отнести и обычай хантэ, по которому муж, после смерти жены, женится на младшей сестре покойной, а младший брат женится на вдове старшего брата.

Переход от группового брака к парному обычно сопровождается запретами брачных отношений между отдельными группами людей, раньше имевшими право на половое общение.

Остатком подобных ограничений являются обычаи, запрещающие женщинам смотреть на некоторых мужчин — родственников мужа. Так, у хантэ женщинам запрещалось открывать лицо перед отцом своего мужа, перед дедом или зятем; жене младшего брата запрещалось смотреть на его старшего брата. При них женщина должна была опускать на лицо покрывало. Путем многочисленных запретов совершался переход от группового брака к парному, характерному для матриархального рода, т. е. такого рода, где счет родства велся по женской линии, а женщины пользовались большим почетом и равноправием.

Следы матриархата довольно долгое время сохранялись у народов северо-западной Сибири.

В прошлом у них также счет родства велся по женской линии, на что указывают некоторые предания хантэ и манси. Так, в одном из остяцких преданий рассказывается о подвигах богатырей, жителей древнего городка Тапарвош, которые происходили от «тяпарской женщины». Память этой родоначальницы чтилась местными жителями еще в конце XIX в.[2].

При матриархате, т. е. при наличии материнских родов, обычно возникает культ «женщины-матери».

У народов северо-западной Сибири пережитки этого материнского культа были, видимо, очень широко распространены вплоть до XVI—XVII вв., тогда как к позднейшему времени они исчезли. В древнерусских и главным образом в западноевропейских источниках этот культ известен под именем культа «золотой бабы». Этим именем европейцы называли идола, имевшего вид беременной женщины с ребенком, которому поклонялись древние хантэ и манси.

О «золотой бабе» впервые упоминается в древнерусской летописи под 1398 годом, где о северных приуральских на-

---

[1] Старцев, Остяки, стр. 142.

[2] Патканов. Тип остяцкого богатыря, стр. 5, 6, 43 и 54.

родах говорится, что они «молятся идолам, огню и воде, и камням, и золотой бабе, и волховам (колдунам), и деревьям».

О «золотой бабе» имеется довольно много известий. В этих известиях несомненно отразился широко распространенный в то время у народов северо-западной Сибири культ женского божества — культ «богини-матери».

Но если этот культ был распространен в XVI в., то уже к началу XVIII в. его следы значительно стерлись. В это время верования народов северо-западной Сибири были подробно описаны Гр. Новицким, рассказывающим о многих идолах, но ничего не говорящим о культе женского божества [1]. Очевидно к XVIII в. последние следы матриархата исчезли даже и в религии, а женское божество огня, божество домашнего очага — богиня Тарн стала представляться людям в виде злобного духа [2].

В быту народов северо-западной Сибири также надолго запечатлелись и многие следы первобытно-коммунистических отношений, следы родового строя.

Эти народы в основном занимались охотой и рыболовством, причем когда-то оба эти промысла велись коллективно.

Еще в 1613 г. известный ученый того времени И. Мегизер описывал морской промысел у ненцев:

«Человек 20 или 24 самоедов садятся в челн, имея канат длиною в 200 или 300 саженей, на конце которого укреплен крюк. С замечательной ловкостью бросают они его в кита, когда подойдут они к нему достаточно близко, а затем быстро гребут к берегу. Кит же, почувствовав, что он смертельно ранен, позволяет себя вести, следует за канатом и таким образом добровольно позволяет вытащить себя на берег; когда море отступит, они бьют его и стреляют в него до тех пор, пока он не издохнет, и разрезают его на части; когда же вновь набегает волна, укрепляют они оставшиеся части другими канатами, чтобы вместе с волной они не уплыли в море» [3].

Вот прекрасное описание коллективной охоты у ненцев в XVI—XVII вв.

Но коллективная охота была не только у ненцев. Имеется целый ряд указаний на ее распространение у хантэ и манси.

---

[1] Новицкий, Краткое описание о народе остяцком.

[2] Патканов, цит. соч., стр. 9.

[3] Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 272.

Каждый род имел свою строго определенную территорию, свои рыболовные и охотничьи угодья, являвшиеся запретными для всех посторонних и принадлежавшие всему роду в целом.

Путешественник Дж. Флетчер в XVII в. писал про ненцев, что они «ведут дикий образ жизни, переходя с места на место и не имея ни домов, ни земли, которые бы принадлежали кому-либо из них в отдельности» [1].

У хантэ в XVII в. охотничьи и рыболовные угодья находились также в общем владении.

Родовое земледелие у хантэ еще кое-где сохранилось вплоть до конца прошлого столетия.

Но род не только являлся хозяйственной ячейкой, а он объединял своих членов также и единством происхождения. По крайней мере сородичи считали себя происходящими от общего предка, считали себя кровными родственниками друг друга.

Чаще всего думали, что общим, легендарным предком рода является какое-нибудь животное. Такого воображаемого предка принято называть тотемом.

Вера в происхождение того или иного рода от того или другого тотема была повсеместно распространена у народов северо-западной Сибири.

Так например, сказания хантэ называют одного из своих богатырей, происходящего из городка Карыпоспата, «триста лет жившим детенышем малой гагары, детенышем большой гагары, гнилым богатырем-стариком» [2].

На р. Югане до последнего времени существовали роды, считавшие своим покровителем лося и горностая, а хантэ, живущие на р. Пиму, — росомаху [3].

Иртышские хантэ считают священными животными мамонта, гуся, лебедя, ворону, щуку, ястреба и сказочное водяное животное, называемое ими июр [4].

У ненцев также имеются роды тетерева, гуся, орла, песца, собаки, щуки и др.

Каждый род относится к своему тотему с особым почтением. Его нельзя было ни убивать, ни употреблять в пищу. Убивший тотемное животное приносил ему всевозможные

---

[1] Флетчер, О государстве русском, стр. 86—87.
[2] Патканов, цит. соч., стр. 11.
[3] Старцев, Остяки, стр. 55.
[4] Золотарев, Пережитки тотемизма у народов Сибири, стр. 28—31.

извинения и тем или иным способом очищался от совершенного им греха [1].

Каждый род имел свой общий родовой знак, так называемую тамгу. У хантэ еще в XVIII в. сородичи изображали тамгу у себя на теле: на руках, на груди или на ногах. Татуировка этих знаков производилась так: на коже делались уколы иглой и в ранки втирались сажа с различными примесями. Татуировались как мужчины, так и женщины. В то же время туземцы при заключении различных договоров с русскими вместо подписи ставили свою тамгу. В тамгах многих хантэ и теперь еще изображаются тотемные звери. Тамга прикладывалась на различных вещах, на лодке, на санях, а также и на оленях.

Но если род объединял в себе лиц кровнородственных друг другу или по крайней мере считавших себя родственниками, в то же время они могли принимать в свой состав и чужеродцев.

Так, по одному из преданий чиликанских хантэ (р. Малая Конда), они после отделения от них части рода, переселившейся в новые места, приняли к себе группу эмдерских хантэ (из б. Березовского округа), которые поселились с ними и вместе стали владеть землей [2].

Так как при родовом строе труд, хозяйство и собственность были общественными, то и сама домашняя жизнь сородичей носила общественный характер.

Члены одного рода обычно жили в одном или нескольких поселках, насчитывавших от 5 до 20 хижин. В летнее время жилищами служили шалаши, или чумы, сооруженные из жердей, поставленных конусом и сверху покрытых берестой или оленьими шкурами. У всего рода был общий очаг. Это отметил еще Дж. Мильтон, писавший в середине XVII в., что «кто-нибудь из самоедов приносит из ближайшего леса дрова, чтобы развести огонь, кругом которого остальные располагаются со своими шатрами» [3].

Зимой ненцы жили в землянках, которые соединялись ходами в одно целое [4].

Жилища хантэ имели вид большого деревянного дома, до половины своей высоты врытого в землю. В таком доме обычно жили по несколько семей, от 4 до 10 семейств. Все

---

[1] Старцев, Остяки, стр. 55.
[2] Патканов, цит. соч., стр. 20—21.
[3] Алексеев, цит. соч., стр. 297.
[4] Олеарий, Описание путешествия в Московию, стр. 168—169.

они имели один общий очаг и хозяйство. Вокруг общественного очага, расположенного в центре, находились отгороженные перегородками в виде стойл небольшие помещения для отдельных семей. Эти помещения целиком были заняты нарами и служили для спанья. Такой дом скупо освещался через маленькое оконце, затянутое налимьей кожей или закрытое вставленной вместо стекла льдиной [1].

Подобные большие дома, связанные с коллективным бытом, сохранялись в быту жителей Березовского и Обдорского районов еще в середине XVIII в. и даже в XIX в.

Все члены рода должны были защищать друг друга. У народов северо-западной Сибири существовал обычай кровной мести. Мстить за смерть сородичей считалось священным долгом. О кровной мести рассказывается в преданиях.

Как же управлялся такой род? Все важнейшие вопросы должны были решаться на общих родовых собраниях.

Эти собрания обычно сопровождались общим пиром и жертвоприношениями родовым божествам. О родовых собраниях мы знаем благодаря преданиям хантэ.

Для родовых собраний у хантэ строились специальные большие общественные здания.

На родовых советах особым авторитетом пользовались старейшие, наиболее опытные и знающие сородичи. Старейшины и вожди рода были выборными. Это отмечают предания. Так например, в одной из былин хантэ филин обращается к богатырю Ягу со словами: «Выбранный из среды 80 мужей с оленьими ногами, с отпущенными косами, косатый Яг» [2]. Исторически выборы старейшины, «князя», как его называют русские грамоты, происходили еще в 1598 г. у табаринских манси [3]. Несомненно, что наиболее опытными людьми были старики, почему в былинах, при описании родовых собраний, в большинстве случаев с речами выступают именно они. Понятно, что они должны были чаще всего занимать и должности старейшин.

Поэтому неудивительно, что этнограф XVIII в. Георги замечает про манси, что они «различаются между собою по поколениям, и всякая деревня состоит по большей части из одной только семьи, в которой старостой бывает тот, кто

---

[1] Георги, Описание всех народов, обитающих в Российском государстве, I, стр. 69; Абрамов, Описание Березовского края, стр. 331.

[2] Патканов, цит. соч., стр. 57.

[3] Русск. ист. библ., II № 62.

всех превосходит летами»[1]. Тот же писатель говорит о ненцах, что «у них не бывало никогда князьков, владельцев или иных каких судей, кроме старшин над поколениями».

На то же указывал еще в середине XVII в. и Дж. Мильтон, сообщавший, что ненцы «живут обществами миролюбиво и управляются несколькими из старейших между ними»[2].

Старейшины первоначально ничем не выделялись среди своих сородичей; они так же жили, так же одевались, так же трудились. Иногда русские называли таких старейшин князьями. Но исследователь XVIII в. Фишер, называя старейшин «князьями», оговаривается, что такой «князец владел не полновластно, ибо народ имел столь же великое право на него, как он на народ; однако власть его в решении спорных дел была больше, чем другого»[3].

Другой исследователь того же времени, Миллер, характеризует положение «князей» еще яснее, говоря:

«Я нарочно здесь не последую общему обычаю, когда такие люди, которые перед подлым народом преимущества имеют, князьцами называются. Однакож, когда я впредь это сделаю, тогда оное для краткости учинится. Ибо известно есть, что между ними и действительными князьями не находится никакого подобия. Все преимущество состоит в том, что перед прочими более богатства имеют или что они многоречивы и потому за умных почитаются и простые люди в происшедших между собою ссорах за судей и за посредников их принимают. Кроме сего никакой власти над народом не имели»[4].

Родовые старейшины являлись знатоками родовых традиций и обычаев. Поэтому они же должны были выполнять и религиозные обязанности. Они являлись главными руководителями различных родовых церемоний и празднеств.

У хантэ «всякой деревни старейшина, за неимением жреца, вступает в его должность и приносит жертву от своей деревни или семьи»,—сообщает Георги[5]. А Дж. Флетчер (1691 г.) говорит о ненцах, что «в каждом отряде (т. е. роде. — *В. К.*) начальники или правители у них попы или жрецы»[6].

Такова была организация древних родов у народов северо-западной Сибири.

---

[1] Георги, Описание всех народов, обитающих в Российском государстве, I, стр. 60.
[2] Алексеев, цит. сборн., стр. 297.
[3] Фишер, Сибирская история, стр. 132.
[4] Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 122—123.
[5] Георги, цит. соч., стр. 63.
[6] Флетчер, цит. соч., стр. 86.

Изменения в хозяйстве народов северо-западной Сибири, происшедшие к началу XVI в.

Пережитки родового строя сохранялись у народов северо-западной Сибири до очень позднего времени. Только благодаря этим многочисленным пережиткам ученые и могут восстановить картину древнего рода.

Но родовой строй у описываемых нами народов начал разлагаться уже очень давно.

Причиной распада первобытно-коммунистических общин являлся рост производительных сил, вызывавший и изменение производственных отношений.

Какие же изменения в хозяйстве народов северо-западной Сибири произошли к началу XVI в.?

Мы уже видели, что к этому времени почти совсем стерлись последние следы матриархата. Наукой установлено, что для эпохи материнского права является характерным употребление каменных орудий. Нахождение и применение металла является колоссальным двигателем для дальнейшего развития человеческого общества.

Каменные орудия в быту народов северо-западной Сибири, видимо, держались очень долго. Благодаря археологическим раскопкам, производившимся в южных районах Западной Сибири, удалось установить, что, по крайней мере в районе Томска, в Нарымском крае и по левобережным притокам Иртыша, каменные орудия перестали или почти перестали употребляться около времени начала н. э., т. е. примерно две тысячи лет назад; но зато далее к северу они несомненно употреблялись значительно дольше.

Древние русские летописи в конце XI в., впервые упоминающие северные зауральские народы, обращают внимание на то, что у них нет своих железных изделий, почему они «кажут на железо и помовают рукою, просяще железа» и выменивают его[1].

[1] Лаврентьевская летопись 1096 г.

Но на северо-западе Сибири железных изделий нехватало и в более позднее время, на что указывали западноевропейские писатели XVI и XVII вв., сообщавшие, что живущие там народы «не знают ни золота, ни серебра, ни других металлов» и делают орудия из камня: «к концу стрелы прикрепляют заостренные камни или кости, употребляемые также вместо иголок»[1].

А еще далее к северо-востоку, у авамских и хантейских ненцев на Таймырском полуострове, каменные орудия, по свидетельству этнографа Рычкова, изредка употреблялись даже еще в конце XIX в.[2].

В более южных районах каменные изделия должны были исчезнуть несколько раньше, но воспоминания о них, в начале XVIII в., сохранялись в религии манси, боготворивших копье и привязанное к нему «малое некое камение»[3].

Таким образом видно, что у народов северо-западной Сибири каменные орудия достаточно широко применялись по крайней мере еще в X—XV вв., сохраняясь на крайнем Севере до XVII в. включительно.

Одновременно с заменой каменных и костяных орудий железными распространялось и животноводство.

Первым животным, приручённым у народов северо-западной Сибири, была собака. Первоначально у них собака, наравне с другими животными, употреблялась в пищу.

В связи с использованием собак для охоты на них было наложено табу, т. е. запрет их убивать, запрет, сохранившийся и до нашего времени. Так, еще недавно обычай требовал, чтобы хантэ, убивший собаку, хотя бы случайно, принес искупительную жертву на месте убийства[4]. Благодаря применению собаки охота стала давать большую добычу.

Следом за применением собак в охоте, их также начали использовать и для перевозки тяжестей, при различных переездах и при перекочевках.

Значение собак для человека в этой новой роли было очень велико.

Арабский путешественник XIV в. Ибн-Батут, описывая «страну мрака», сообщает, что «путешествие туда совершается не иначе, как на маленьких повозках, которые возят большие собаки; ибо в этой пустыне везде лед... Путеводи-

---

[1] Исаак Масса (Алексеев В., цит. сборн., стр. 250).
[2] Рычков, Енисейские тунгусы. «Землеведение», 1918 г., кн. 1—2, стр. 56.
[3] Г. Новицкий, цит. соч., стр. 82.
[4] Старцев, Остяки, стр. 98.

тель в этой земле — собака... повозка прикрепляется к ее шее, вместе с нею припрягаются еще три собаки. Это — авангард, за которым следуют прочие собаки с повозками. Остановится он, и они останавливаются. Хозяин собаку и не бьет и не ругает. Когда подается корм, то он кормит собак раньше людей...» [1].

Также и итальянский путешественник конца XIII в. Марко Поло сообщал о северо-западной Сибири, которую он называл «страной царя Кончи», что езда там производится только на собаках [2].

О том же в 1410 г. говорил и Шильтбергер [3].

Таким образом наиболее ранние известия ничего не говорят об оленеводстве и сведения о нем начинают появляться все чаще и чаще только с XV в. С этого времени олень все более и более начинал заменять собаку.

Здесь интересно отметить, что все источники конца XV и всего XVI в., упоминая об оленеводстве, в то же время сообщают сведения и об использовании собак в качестве транспортных животных. И наоборот, отдельные авторы говорят о собаках, но не упоминают об оленеводстве. Таковы, например, известия Франческо-да-Колло (1519 г.) и Петра Петрея (1601—1610 гг.). Но зато у некоторых писателей XVII в. нередко можно прочесть подробные описания использования и разведения оленей, тогда как о собаках они уже не говорят ни слова. Таковы описания, даваемые Дж. Логаном (1612 г.), Менцером (1613 г.), Anonymus'ом (около 1616 г.), Олеарием (1647 г.) и Ламартиньером (1653 г.) [4].

Правда, мы знаем, что собаководство было широко распространено у всех народов северо-западной Сибири, включая и ненцев, на протяжении всего XVIII в. и даже окончательно не утратило своего значения и до настоящего времени. Но тем не менее тот факт, что отдельные авторы перестают упоминать о нем, несомненно говорит за то, что значение собаководства уже к XVII в. значительно сократилось.

Широкое применение оленей в хозяйстве очевидно началось очень поздно. К нашему времени ненцы, как известно, стали одним из типичнейших оленеводческих народов. Ненецкое оленеводство требовало постоянных перекочевок. Но еще

---

[1] Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся в истории Золотой орды, т. I.

[2] Алексеев, цит. сборн., стр. 35.

[3] Там же, стр. 53.

[4] Ср. свидетельства упомянутых авторов по цит. сборнику Алексеева.

в XVIII в. ненцы не были кочевниками; они в значительной степени занимались охотой и рыболовством и имели свои оседлые поселки с постоянными жилищами в виде землянок.

Следом за приручением оленей, т. е. вероятно около XIII—XVI вв., в южных районах северо-западной Сибири начали использоваться и другие виды домашних животных, а именно лошади и коровы.

Хантэ и манси заимствовали их от своих южных соседей — татар. Хантэ даже называют корову и быка татарскими словами «сагар» и «угес» [1]. Правда, иногда коров называют и местным, своим названием «мис», но оно, видимо, очень позднее, а возможно, что и тоже заимствованное из алтайского «мӱӱс».

Особого слова для обозначения «молока» в языке хантэ нет и оно называется «мисизинк», т. е. коровья вода (мис — корова; инк — вода) [2].

О заимствовании лошади от южных народов рассказывают некоторые предания хантэ. Так, в одной былине говорится о том, что трое жителей поселка Кары-поспат-урдатвош отправились в поход «на полуденную сторону» и привели оттуда по «славному крылоногому животному». Далее описывается, как они пустились на этих крылоногих животных настигать своих врагов, догнали их и изрубили. Здесь «крылоногие животные полуденной стороны» без сомнения — кони [3]. Также, по словам знатока северо-западной Сибири начала XVIII в., Гр. Новицкого, хантэ и манси заимствовали от татар и обычай жертвоприношения коня.

Южные группы хантэ и манси познакомились также и с земледелием, но тоже, видимо, очень поздно. Так, в конце XVI и начале XVII в., т. е. во время русского завоевания края, земледелием занимались, и то частично, отатарившиеся роды манси, жившие по берегам р. Тавды и Туры. В языке хантэ даже не создалось своего особого слова для обозначения понятия «хлеб». Словом «тант» обозначается хлеб в зерне и главным образом рожь. «Тант» — значит рыба, а равно и пища вообще. И здесь мы видим такую же замену старого понятия — новым. Основную пищу хантэ составляла рыба — «тант». Появившийся хлеб стал обозначаться тем же именем [4].

---

[1] Патканов, цит. соч., стр. 35.
[2] Абрамов, цит. соч., стр. 332.
[3] Патканов, цит. соч., стр. 35—36.
[4] Патканов, цит. соч., стр. 37.

Развитие обмена с соседними народами

Следствием приручения животных в человеческом обществе явилось первое крупное общественное разделение труда. Тогда «пастушеские племена выделились из остальной массы варваров... Это впервые сделало возможным регулярный обмен» [1].

Применение металлических орудий, различных силков и ловушек, искусно сделанных сетей и других рыболовных снарядов, собаки и оленя и т. п. значительно усложняло труд и в то же время сильно поднимало его производительность.

Таким образом следствием применения новых средств труда явилась и новая производительность труда.

Раньше люди должны были употреблять все добытые ими продукты для своего личного потребления, для того, чтобы хоть как-нибудь поддержать свое полуголодное существование.

С ростом производительных сил люди стали производить больше продуктов. То, что им удавалось добыть, хватало не только для них самих, для удовлетворения их насущных потребностей, но у них начинал оставаться и какой-то излишек, какой-то прибавочный продукт, который они могли выменять на что-нибудь такое, чего им нехватало.

Но с кем и на что они могли меняться? И ненцы, и хантэ, и манси имели продукты оленеводства, охоты и рыболовства, что тормозило развитие внутреннего обмена. Естественно, что они должны были меняться с какими-то другими народами, которые производили какие-то другие продукты, такие, которых у народов северо-западной Сибири или совсем не было или было недостаточно.

Тогда они и начали меняться с теми народами, которые жили к югу от них, в других природных условиях, и занимались другими отраслями хозяйства.

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 189. Партиздат. 1933 г.

На юге с хантэ и манси граничили различные, преимущественно тюркские, племена, уже издавна занимавшиеся скотоводством и земледелием и имевшие сравнительно широко развитое металлургическое производство.

Главным образом с ними и был начат обмен.

Раньше этот обмен не мог производиться систематически и в больших размерах потому, что у северных народов не было для обмена прибавочного продукта.

Когда, благодаря уже описанному нами росту производительных сил, у северных народностей стал оставаться какой-то прибавочный продукт, тогда, и только тогда, смог начать развиваться регулярный обмен.

О развитии этого обмена говорят многие исторические источники.

Уже историк готов Иордан, живший в VI в., упоминает прекрасные меха, замечательные своим «черным отблеском», которые вывозились из Югры.

По словам арабского путешественника X в. Ибн-Федлана[1], булгары, жившие в бассейне Волги и Камы, выменивали меха в стране, по имени Вису. Эта страна, где «ночь меньше часу», была расположена за булгарами, на расстоянии трех месяцев пути. Большинство ученых предполагает, что здесь идет речь о народах северного Урала.

Взамен мехов булгары давали железные изделия, которые они, по словам другого арабского писателя, Абу-Хамид-эль-Андалуси, покупали в исламских странах и затем ввозили в страну северного племени Юра (Югра), где на этот товар был хороший спрос.

Арабский же путешественник XIV в. Ибн-Батута довольно подробно описывает даже условия обмена в этой суровой «стране мрака». По его словам, «проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по 100 повозок или около того, нагруженных его съестным, напитками и дровами, так как там нет ни дерева, ни камня, ни мазанки». (Очевидно здесь речь идет о самом крайнем севере. — *В. К.*). «Путеводитель в этой земле — собака, которая побывала в ней уже много раз, цена ее доходит до 1 000 динаров или около того...».

«Совершив по этой пустыне 40 станций, путешественники делают привал «у мрака»... здесь «каждый из них оставляет товары, с которыми приехал, и возвращается в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова

[1] Тизенгаузен, цит. соч.

для осмотра своего товара и находят насупротив него известное количество соболей, белок и горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же недоволен им, то оставляет его. Те, т. е. жители «мрака», набавляют его (своего товара), часто же убирают свой товар, оставляя на месте товар купцов. Так происходит купля и продажа их. Те, которые ездят сюда, не знают, кто покупает у них и кто продает им...»[1].

На развитие такой примитивной, «немой» формы обмена указывает ряд и других источников.

Ценные меха, вывозимые таким образом с севера булгарскими купцами, при посредстве арабских торговцев распространялись в самые отдаленные страны. Об этом, в частности, говорит тот же Ибн-Батута: «Горностай — лучший сорт мехов. В индийских землях шуба из него стоит 1 000 динаров, т. е. по размену на наше золото 250 динаров. Он чрезвычайно бел и происходит от шкуры маленького животного, длиною в пядень. Хвост у него длинный, и его оставляют на шубе в своем виде. Соболь ниже его; шуба из него стоит 400 динаров и меньше того. Одна из особенностей этих шкур та, что в них не забираются вши. Эмиры и вельможи китайские сплошь покрывают свои шубы вокруг шеи одною шкурою его (соболя). Также поступают купцы Персии и обоих Иранов».

Все многочисленные известия о северной торговле арабских и булгарских купцов подтверждаются также и находками на территории северо-западной Сибири отдельных, явно завезенных ими вещей татарского, среднеазиатского или персидского происхождения.

Если одним арабским торговым путем на север был путь через Булгарское княжество по Волге и Каме к Уральским горам, то другой путь шел прямо с юга, из Средней Азии. На развитие обмена с таджикскими, бухарскими и другими купцами указывают многочисленные как русские, так и западноевропейские источники.

И здесь первоначально обмен носил ту же «немую» форму. Так, Герберштейн в 1549 г. сообщал, что в Сибирь с юга «приходят в весьма большом количестве черные люди, не владеющие общепонятной речью, и приносят с собою разнообразные товары, прежде всего жемчуга и драгоценные камни, которые покупают народы грустинцы и серпоновцы[2].

[1] Там же.

[2] Грустинцы и серпоновцы, как предполагают Лерберг и другие исследователи, жили в районе Томска.

Грустинцы и серпоновцы ведут необыкновенную и неизвестную в других странах торговлю. Именно, когда наступает установленное время... складывают товары на определенном месте; грустинцы и серпоновцы уносят их, оставив меж тем и свои товары по справедливому обмену; если те, возвратясь опять... увидят, что их товары увезены по слишком несправедливой оценке, то требуют их снова. От этого между ними возникают весьма частые споры и войны»[1].

На юге, рядом с хантэ и манси, жили различные татарские племена. В XIV в. они образовали довольно сильное государство. Это государство, называемое в истории Сибирским ханством, было расположено в бассейне р. Иртыша и его притоков. Главным городом, столицей, у иртышских татар был Искер или Сибирь, небольшой укрепленный поселок, находившийся недалеко от устья р. Тобола. Город Искер являлся не только политическим центром сильного татарского ханства, но он был и важным торговым пунктом, через который устанавливалась связь северо-западной Сибири с такими отдаленными странами, как Бухара, Киргизстан и другие среднеазиатские феодальные государства.

Сибирские ханы и мурзы постоянно нападали на своих северных соседей и, пользуясь своей силой, подчиняли своей власти южные племена хантэ и манси, облагая их ясаком (данью), который выплачивался в виде пушнины.

В XVI в. в зависимости от Сибирского хана Кучума находились племена, жившие по р. Туре, манси, обитавшие по нижнему течению р. Иртыша, хантэ, расселявшиеся по его притоку, р. Демьянке, но, видимо, в той или иной степени подчинения находились и другие племена Конды, Пелыма, Коды и даже Обдора.

---

[1] Герберштейн, Записки о московских делах, изд. 1908 г., стр. 129.

Завоевание северо-западной Сибири Новгородским княжеством

Но обмен развивался не только с далекими арабскими булгарскими и среднеазиатскими купцами и не только сибирские ханы стремились завоевать страну хантэ и манси.

Уже начиная с XI—XII вв. в северо-западную Сибирь стали проникать русские.

В 1096 г. новгородский купец Гюрята Рогович послал своих отроков в далекие северо-восточные страны. Не из любопытства, конечно, развязывал свою тугую мошну Гюрята Рогович, богатый гость, снаряжая эту экспедицию. Северо-восточные полуночные страны далеко были от Новгорода, но они зато были богаты пушниной, а пушнина, вывезенная оттуда, сулила купцу большой барыш.

Отроки, вернувшись из путешествия, рассказали своему хозяину много всяких диковинок о дальних народах — самоедах и югрях.

Гюрята Рогович передал их рассказ летописцу-монаху, который, сидя в тиши своей монастырской кельи, записал, что в суровой северной стране «суть горы заидуче в луку моря, им же высота, аки до небесе и в горах тех клич вели и говор», а сидят в тех горах народы «и секут гору, хотяще высячися и в горе тое просечено оконце мало и туде молвят и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помовают рукою просяще железа и аще кто даст им нож ли секиру ли и они дают скорую противу»[1].

Этот сказочный рассказ является первым русским известием о Сибири.

Много в этом рассказе прибавлено, много в этом рассказе прикрашено богатой фантазией и отроков, и купца и самого монаха, но есть в нем и зерно истины.

---

[1] Лаврентьевская летопись.

Несомненно здесь то, что, эти горы — Урал, а заключенные в них люди — зауральские народы. Из рассказа видно также, что они нуждались в железных изделиях, за которые давали в обмен, конечно, не что иное, как пушнину, т. е. те самые меха, в погоню за которыми и пускались предприимчивые новгородские купцы.

Страшны были северные страны, дики, труднодоступны и непонятны.

Вот какие слухи ходили о Сибири еще в XV веке: «Над морем живет иная Самоедь такова: линная словет; лета месяц живут в море, а на сухе не живут того деля: того месяца понеже тело на них трескается, и они тот месяц в воде лежат, а на берег не могут вылезти.

В той же стране, за теми людьми, над морем, есть иная Самоедь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх — как и прочии человеци. А ядь их рыба и мясо; а торг их соболи, да песцы, да пыжи, да оленьи кожи.

В той же стране, за теми людьми, над тем же морем, иная Самоедь такова: вверху рты, рот на темени, а не говорят; а видение в пошлину человеци; а коли едят, и они крошат мясо или рыбу да кладут под колпакы или под шапку, и как начнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз.

В той же стране, за теми людьми, есть иная Самоедь такова, как и прочии человеци; по зиме умирают на два месяца, умирают же тако: как где застанет который в те месяци, то тутo и сядет, а у него из носа вода изойдет, как от потока, да вымерзнет к земли; и кто человек иные земли неведанием то только отразит, у него спхнет с места, он умрет, то уже не оживет; а не спхнет с места, то той оживет и познает и речет ему: «О нем мя еси, брате, поуродовал?» А оживают, как солнце на лето поворотится. Такоже на всяк год оживают и умирают...» [1]

И здесь, и в этом древнем описании ненцев-самоедов причудливо мешается истина с досужим вымыслом.

Страшные страны, жуткие, непостижимые. Наверное в древней Руси, слушая подобные рассказы, не раз охали и осеняли себя крестным знаменем богобоязненные старушки, а пытливые юноши мечтали побывать в загадочной стране.

Далекий север пугал и манил.

Там была стужа, там были снега и вьюги, тяжелая зимняя ночь опускалась на мертвенные тундры, труднопроходима была заболоченная тайга, страшны были неведомые,

[1] «О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных» (Титов, Сибирь в XVII в., стр. 4—5).

«дивии» люди. Но там была пушнина, там золотистые соболи обещали богатую добычу, там по хрустящему снегу бегали горностаи, там можно было добыть меха серебристой лисицы, бобра и прочую «мягкую рухлядь».

В старину Новгород являлся крупным торговым центром. Новгородские купцы были широко известны по всей Европе. Пушной торг служил главной статьей их дохода. И они, ради пушнины, ради легкой наживы и обогащения, создавали свои вооруженные отряды и продвигались к востоку.

Ушкуйники, так назывались эти торговые дружины, заходили в самые отдаленные и глухие районы, то пробираясь по рекам, на лодках, то переходя от реки до реки волоком, перетаскивая в таких случаях и весь груз и лодки на руках.

Они не были мирными торговцами. Наоборот, там, где ушкуйники чувствовали свою силу, они вооруженной рукой нападали на туземное население, отбирали все, что было возможно и имело ценность, облагали побежденных данью-ясаком. Ясак выплачивался пушниной. Со своей добычей победители возвращались на родину и, получив в награду некоторую долю с трудом добытого меха, отдавали награбленное добро своим хозяевам, богатым новгородским купцам и боярам. Описания подобных походов нередко встречаются в старинных русских летописях.

Но набеги новгородских грабителей не всегда бывали удачными. Иногда туземцам удавалось объединиться, напасть на своего врага и нанести ему жестокое поражение.

В 1187 г. отправились новгородцы за данью в Пермь Великую, Печору и Югру. Туземные племена не выдержали непосильных поборов, возмутились и, напав на новгородское войско, перебили около 100 человек дружинников, количество по тому времени немалое [1].

Но и связанные с походами опасности не могли остановить алчных купцов, и они уже в 1193 году опять двинули свою рать в далекую Югорскую землю. 100 человек и из этого похода осталось лежать в холодных югорских лесах и болотах, только 80 воинам удалось вновь увидеть свою родину [2]. Да, некрепка и ненадежна была власть новгородская над богатой Югрой, но все же формально с 1265 г. Югра уже считалась новгородской волостью [3]. Время от времени, случай от случая собирали с нее новгородцы дань.

---

[1] Новгородская летопись.
[2] Полн. св. русск. лет. 1193 и 1194 гг.; Никоновская летопись, II.
[3] Собр. гос. грамот и договоров. М., 1813 г., ч. 1, № 1.

Социально-экономический строй народов северо-западной Сибири к началу XVI в.

В XI—XV вв. за время, пока шла борьба между народами северо-западной Сибири, с одной стороны, с татарами и русскими, с другой, изменился и быт и общественный строй у самих народов северо-западной Сибири.

Повсеместное распространение металлических изделий, развитие животноводства, несомненное наличие технических усовершенствований в охоте и рыболовстве (использование собаки, применение разнообразных ловушек и т. п.) создавали возможность для накапливания излишков, которые шли на обмен. С ростом производительных сил коллективный труд, а следом за ним и коллективная собственность, утрачивали свое былое значение.

Развивалась частная собственность.

Общественное хозяйство рода начинало разбиваться на хозяйства отдельных больших семей, живших обособленно друг от друга. Каждый поселок, юрт состоял из членов одной «сродной семьи», владевшей своим промысловым и прочим инвентарем. Охотничьи и рыболовные угодья в XVII в. оставались еще в собственности всех сородичей. Так например, даже в 1727 г. Темличеевой волости Чебыковых юрт ясачные остяки Иванко Чебыков «с товарищами» и все их «сродичи» заложили свою землю за 10 руб.[1]

Само собой разумеется, что с того момента, как начала возникать частная собственность, явились и возможности для развития имущественного и общественного неравенства. Одни семьи, в силу тех или иных причин, богатели, а другие, наоборот, беднели и разорялись.

Не имея средств к существованию, не имея необходимого инвентаря «и юртишек и заводу никакого», они должны

[1] Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества, стр. 23.

были «кормиться» при своих богатых сородичах, получая от них необходимое и работая на них. Так, правда, уже в XVII в. кодские «князья» посылали остяков «по годам человек по 30 по 40 на промысел в Ваховскую волость», причем снабжали их необходимым инвентарем и, в частности, «собаками добрыми звериными» [1].

Невыплата долга часто влекла за собой кабалу. Так например, известен случай, когда хантэ, по имени Тюляк, занял «на ссуду, чем калым (выкуп за невесту) заплатить, три лошади» и «теми лошадьми калым заплатил и девку за себя взял». После смерти Тюляка его вдова досталась другому остяку. Долг этим самым перешел на него, но он его не мог выплатить. Тогда заимодавцы Алачевы отобрали у него жену и продали ее за 10 руб. [2].

Передача жен и детей в рабство за долги была, видимо, достаточно частым явлением.

Так, с развитием частной собственности происходило разложение первобытно-коммунистического родового строя. К концу XVI—XVII вв. разложение рода наблюдалось у всех народов северо-западной Сибири, но у южных племен оно происходило и раньше и быстрее, чем у северных.

Это объясняется тем, что на юге общественное разделение труда было более заметно — здесь развивались и скотоводство, и земледелие, и охота, и рыболовство; это усиливало обмен и открывало большие возможности для накопления богатств.

Возникновение частной собственности имело еще и другое последствие.

Жажда обогащения, ненасытная алчность собственников, заставляла их с завистью смотреть на благополучие своих соседей, толкала их на использование права сильного, на грабеж и войну.

Между отдельными родами и племенами начались непрерывные войны.

Одним из поводов для ведения войны являлась борьба за угодья, обладание которыми сулило большие выгоды. Так, в XVII в. хантэ Лум-Пукольской волости сильно страдали от набегов своих нарымских соседей, которые постоянно вторгались в их угодья «лисиц гонять» и грабить «их годовой запас, рыбу и жир».

Иногда побежденным приходилось покидать свои хоро-

---

[1] Там же, стр. 54.
[2] Там же, стр. 24.

шие, насиженные места. Так, по преданиям, хантэ, живущие по берегам большого Ларьятского озера, переселились сюда с Оби, откуда их заставила уйти ссора со своими родичами из-за орлиных перьев, необходимых на стрелы [1].

Пришельцы хантэ на р. Вахе столкнулись с жившими здесь ранее ненцами. Завязалась борьба. «Долго воевали: три года и три дня» — говорится в предании — «хантэ до р. Сабуна доехали. Там у самоедов силы прибавилось, но и их победили. Ненцы отсюда перебрались на р. Таз и теперь там живут» [2].

Походы сопровождались грабежом и жестокостями. Победители оставляли после себя «площади, усеянные изрубленными телами мужей и жен».

Только тех, кто изъявлял свою покорность и униженно на коленях просил о пощаде, оставляли они в живых.

Ненцы, в свою очередь, тоже тревожили своими набегами земли хантэ и манси, спускаясь на лодках по р. Тап в область Конды и даже достигая низовьев Иртыша до р. Демьянки.

В результате войн и торговых сношений березовские хантэ в значительной степени подчинили своему влиянию не только соседнюю кунную и карачейскую самоядь, но даже самоядь мангазейскую, кочевавшую на реках Пуре и Тазе, а сургутские — самоядь асидскую и кунную, а также кузнецкую на Пур-Югане.

Много ненцев было в кабале и рабстве у «князьков» хантэ. Так, в XVII в. на Обдоре Гында Моликов держал у себя «в работе» 13 самоедов и всех их «приморил с голоду».

Вместе с развитием войн все более и более выделялись из среды сородичей военные вожди и дружины. Искусные и хорошо вооруженные воины, они вооруженной силой и богатствами, накопленными путем грабежа, начинали присваивать себе власть, противостоя старым родовым традициям.

Воины, вожди должны были все чаще и чаще переставать считаться с мнениями рода и даже с мнениями его старых руководителей — родовых старейшин. Одна из былин хантэ дает образец родового собрания этой эпохи:

«Княгини нашего города и князья [3] нашего города!» —

---

[1] Димитриев-Садовников, На Вахе («Ежегодник Тоб. музея, XXVI»), стр. 12—13.

[2] Старцев, Остяки, стр. 131.

[3] Слово «князь» — остяцкое «урт» — переводится также словом «богатырь».

начинают речь старики. — «На какой край земли сосредоточили вы ваше внимание, речи вашей начало, слова вашего начало, вы нам откройте, в какой край земли вы желаете направить воинов с остриженными головами?».

Младший муж (богатырь) отвечал: «Мы снаряжаемся в город кровного богатыря, старика Нангхуша...».

Многочисленные седоголовые старцы сказали: «В город кровавого богатыря старого Нангхуша отправлялось много мужей. Как они опрокинули свои грузные лодки с водяной кормой, в которых сидели, на вилковатые сучья, подобные ногам журавлей, так они и поросли оленьим мохом высотой в пядь».

Младший брат сказал:

«Мы же, сыновья Uabemma-Kemne-Хуш и тяпарской женщины, все-таки отправимся в город кровавого богатыря, старого Нангхуша...».

После этих слов богатыри, вопреки мнению родового совета, считают вопрос решенным и приступают к вербовке воинов [1].

Судя по позднейшим данным, «князья» оплачивали участников похода, выдавая им определенную «подмогу» и снабжая их необходимым оружием. Естественно, что львиная часть военной добычи должна была доставаться вождю.

Богатые воины надевали на себя кольчуги, называемые в былинах хантэ «внушающей страх одеждой из полотна многих земель». Кольчуги в древности привозились к манси и хантэ из земли булгар.

Вооружение состояло из мечей, луков и стрел, топоров и дубинок, сделанных из лиственничного или елового дерева.

Способы ведения войны были различны в зависимости от численности противников и от занимаемой ими позиции. На малочисленного врага обыкновенно нападали стремительно, осыпая его при этом тучами стрел. Вести бой правильным строем не умели и, сходясь врукопашную, боролась в одиночку, врассыпную. К сильному врагу подкрадывались осторожно, высылая вперед разведчиков, стараясь захватить противника врасплох.

Во время битвы хантэ с ненцами, если она происходила на воде, первые имели некоторое преимущество в том, что делали себе деревянные лодки, тогда как ненцы плавали на берестяных, которые остяки легко пробивали своими стрелами; зато при погоне самоеды могли передвигаться быстрее.

---

[1] Патканов, Тип остяцкого богатыря, стр. 42—43.

Именно в связи с развитием грабительских войн должен был измениться вид поселений. У хантэ и манси начали создаваться городки, укрепленные валами, рвами.

Под их прикрытием осажденные имели возможность отсиживаться от своих врагов.

Остатки этих древних укреплений, так называемые городища, сохранились до нашего времени и часто встречаются на территории Остяко-Вогульского национального округа. В пределах одного бывшего Березовского округа их известно более 40.

Захваченных в плен противников победители обращали в рабство, заставляя их на себя работать, беря их в свою частную собственность. Судя по былинам, первоначально рабство носило патриахальный характер, но, видимо, уже очень скоро к рабам начали относиться пренебрежительно, с презрением, как к людям низшим. Так например, жениться на рабыне считалось позором.

С убитых врагов, в качестве трофея, снимался скальп, т. е. срезалась с головы кожа с волосами.

Развитие обмена и войн между отдельными родами вызывало необходимость создания межродовых и племенных объединений, союзов. Былины хантэ нередко рассказывают о заключении таких союзов. Некоторое представление о характере подобных союзов дает позднейшая попытка к объединению, сделанная остяком Ермаком Мамруковым в 1662 г. По его инициативе должны были соединиться роды Ляпинской, Кодской, Сосвинской, Казымской, Куноватской, Естыльской и Подгордной волостей. Они думали избрать общего «начального человека», который возглавил бы союзный совет, составленный из представителей от всех волостей, т. е. родо-племенных групп [1].

Ко времени завоевания северо-западной Сибири русским царем здесь у хантэ и манси создалось уже несколько подобных объединений. Они являлись фактически первой ступенью в образовании государства. Древнерусские грамоты называли их «княжествами».

Одно из них, Кодское, объединяло 13 поселков. Его территория начиналась «в днище» от Березова и тянулась к югу по правому берегу р. Оби, приблизительно до устья р. Енидыра.

Ляпинское «княжество» объединяло шесть поселков, раз-

[1] Допол. к актам историч., IV, № 126; Бахрушин, цит. соч., стр. 66.

бросанных по рекам Сыгве, Сосве, Кунвати и Оби, в районе современного г. Березова.

Казымские остяки также имели свое объединение, состоявшее из трех поселков.

Объединялись и многочисленные городки, располагавшиеся в бассейне р. Сосвы.

Центром, видимо, 8 поселений являлся Белогорский городок, расположенный близ устья Иртыша.

Вероятно, недолгое время продержалось объединение остяко-вогульских родов на р. Демьянке и сургутских хантэ в Бардаковской волости.

Племенные союзы манси — на Конде, в Таборах и на Пелыме — группировались вокруг Пелымского городка, стоявшего при слиянии рек Пелыма и Тавды.

Общественная жизнь усложнялась.

Вместе с этим видоизменялась и культура и миросозерцание народов северо-западной Сибири.

В миросозерцании народов северо-западной Сибири очень долгое время сохранялись примитивные представления о мире, об окружающей природе. Подобные представления возникли, вероятно, в эпоху глубочайшей древности. Характерной чертой первобытного миросозерцания является одухотворение природы и ее явлений.

У хантэ и манси почитались священные деревья, а иногда даже и камни.

Таковыми были, например, священная лиственница пелымских вогуличей, близ г. Пельма. Еще в 1618 г. манси не только «у лиственницы молили в юртах», но и приносили ей иногда человеческие жертвы. У хантэ почитанием пользовался «молебный камень» на Шакве и другие.

Древние предания насыщены рассказами о говорящих птицах, главным образом филинах, о животных, превращающихся в людей, и наоборот, о людях, принимающих образ животных.

Тотемизм пустил настолько глубокие корни, что в быту всех трех народов до позднейшего времени сохранялись различные обряды, запреты и т. п., связанные с тем или иным видом животных. У всех народов севера особым почитанием пользовался медведь, в честь которого устраивались специальные родовые празднества. Именем медведя приносилась присяга или давалась клятва.

Каждый человек имел своих духов — покровителей в виде того или иного предмета, фетиша, в виде своего собственного домашнего идола. Ненцы хранили своих семейных идо-

лов в чуме и время от времени, после удачной охоты, мазали им губы кровью или оленьим жиром. Подобных же идолов ставили около силков и ловушек в целях, как они думали, обеспечения удачной охоты.

Если хозяина такого божка постигали неудачи, то он наказывал идола, бил его ремнем или топтал ногами.

У хантэ вдовы делали из дерева кумира и, надев на него одежду покойного мужа, сажали идола на его место, кормили эту куклу, намазывая ей рот пищей и даже клали с собой в постель.

Помимо таких индивидуальных фетишей, были общеродовые божества. Все религиозные церемонии в роде первоначально выполняли, вероятно, старейшины. Былины хантэ часто указывают на то, что богатыри в то же время являлись и «вещими людьми», т. е. являлись посредниками между духами и людьми. Видимо, пережитком этого единства духовной и светской власти, сосредоточивавшейся в одном лице, являлось в XVII в. господство шаманов среди сосвинских хантэ.

Шаманы встречались даже вплоть до начала социалистического строительства на севере. Так, исследователь хантэ, Старцев, описывает такого шамана, являвшегося отцом большой семьи, который сам охотился, изготовлял луки, стрелы, лодки и ничем не отличался от всех других членов семьи, причем и шаманил он исключительно для своих [1].

Несомненно следствием разложения рода, следствием роста межродовых и межплеменных связей, следствием возникающего классового расслоения, явилось и изменение религиозных представлений.

Угнетение одних людей другими нашло свое отражение в верованиях. Если первоначально человек относился к идолу, как к чему-то равноправному, — мы уже видели, что на долю таких божков выпадала подчас даже порка, — то с развитием господства и подчинения людей в жизни, это же явление запечатлелось и в религии.

Так же, как вожди присваивали себе власть над людьми, эти люди начинали создавать в своем представлении верховные божественные силы, управляющие миром.

Отдельные идолы начинали особенно почитаться. Идолы наиболее сильных родов превращались в племенных и даже межплеменных божеств. Начиналось массовое поклонение им.

---

[1] Старцев, Остяки, стр. 88.

Одним из наиболее почитаемых идолов являлся «Старик обский» у Белогорских хантэ. Это была «доска некая, нос аки труба жестяны, очи стекляны, роги на голове малые, покрыт различными рубищами, сверх одеян червленою одеждой с золотой трудью. Оружие — лук, стрелы, копье, панцыр и иная около него бяху положены»[1]. «Старик обский» являлся покровителем рыболовства. В честь него устраивались празднества и жертвоприношения при начале рыбного лова.

Не меньшей известностью пользовался и находившийся в Белогорских юртах изваянный из меди «Гусь» — бог водяных птиц, лебедей, гусей и т. п. В Шоркарском городке славился бог Ортик, а в капище близ с. Троицкого находился идол Мастерко — исцелитель больных.

Подобных, чтимых идолов известно довольно большое количество. Почти все они были сожжены во время насильственного крещения хантэ и манси в начале XVIII в.

Межплеменное значение этих божеств подтверждается в частности и тем, что один из них, при разрушении капищ, был перенесен из Белогорских юрт и скрыт совсем в другом районе, на Конде, где и продолжал почитаться остяками и вогулами[2]. У всех хантэ, манси и ненцев начало складываться и представление о верховном божестве Торыме или Нуме — творителе вселенной, с противостоящими ему злыми духами Лусом, Котедгеном (хантэ и манси) и Гыликой (ненцы).

Следствием усложнения религиозных представлений явилось выделение шаманства, как особой социальной группы. Новицкий, один из «ревностных» крестителей хантэ и манси в начале XVIII в., отмечал, что у них каждый, имеющий кумир, «то и жрец бывает», но «при славных же кумирах особ преодолительный и уставлены бываху всегдашним стражи и жрецы...»[3].

Уже жречество является их «профессией». Часть жертвоприношений они берут себе. Шаманские обязанности начали иногда закрепляться по наследству. Шаманы несомненно получали изрядные доходы, живя за счет населения, которое, по словам того же Новицкого, «сим частым жертвоприношением в премногую внеидоша нищету и разорение, яко чад и жен своих продают заимодавцам своим в работу».

---

[1] Новицкий, цит. соч., стр. 55—59.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 48.

Результатом роста социального расслоения и распространения рабовладения явился в религии хантэ и манси обычай человеческого жертвоприношения.

Так, в 1648 г. сосвинские остяки «убили на мольбище перед шайтаном (идолом) самоедского малого», причем предварительно «шаманили перед шайтанами сосвинские остяки Васька Автомов с товарищи, и шайтан-де сказал им, чтоб они по своей вере перед шайтаном на мольбище убили человека и у них-де в волости мору не будет, а в лесу зверя, а в воде рыбы много будет попрежнему» [1].

Еще в 1709 г. лялинские хантэ «отдали-де Чердынского уезда лосвинским остякам женку убить на жертву шайтану» [2].

Создававшаяся религия, исходившая из развивавшегося в туземном обществе социального неравенства, закрепляла его своим авторитетом. Вожди племен, начинавшие превращаться в князьков, стремились закрепить захваченную ими власть при помощи религии. Так, один из Кодских князей в XVII в., Онжа Юрьев, просил царское правительство возвратить ему отобранный «палтыш болван», т. е. идола, «которым он княжил и кодскими остяками владел» [3].

К XVI в., ко времени окончательного завоевания северо-западной Сибири Московским государством, у хантэ и манси социальное расслоение зашло уже очень далеко; среди этих народов начали складываться первые государства. Вожди вступали в открытую борьбу со старым родовым укладом. Они экономически резко выделялись из всей массы населения своим богатством, которое было присвоено или награблено ими при помощи эксплоатации чужого труда и военных набегов.

---

[1] Доп. к актам ист., IV. № 226 (II).
[2] Там же.
[3] Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 395.

Борьба Москвы с Новгородом за право колониального грабежа народов Сибири

С XIV в. начало расти значение Московского княжества, под самодержавной властью князей которого происходило объединение ранее раздробленных феодальных русских государств.

С завистью смотрели московские князья и бояре на богатые новгородские колонии, обещавшие хорошую поживу.

В лице Москвы Новгород имел страшного конкурента. Московские купцы все больше и больше начинали проникать на северо-восток, сталкиваясь здесь с новгородцами.

Крупнейшим феодалом и торговцем древней Руси была церковь. Ее монастыри, обнесенные неприступными зубчатыми крепостными стенами, хранили неисчерпаемые богатства. Там, откуда можно было ожидать получения выгоды, церковные агенты всегда были первыми. Митрополиты московские, владыки духовные всегда действовали заодно со своими покровителями, великими князьями. И вот, следом за купцами, потянулись в Приуралье церковные агенты. Первым из них, в 1370-х годах, был Стефан, который был назначен епископом пермским. Стефан, объявленный потом «святым», чувствовал себя полным и неограниченным хозяином Великой Пермии. Всеми силами старался он закрепить господство московских князей в этой стране, содействуя ее порабощению. Грозная сила могущественного Московского государства стояла за плечами «святого».

Сопротивление не могло быть успешным. Приходилось или покоряться насилию или оставлять привычные и насиженные места, бросать свои земли, звероловные угодья «ухожаи и тони» и отходить в глубину лесов, на восток, за Урал.

Среди некоторых родов хантэ долго сохранялись предания о том, что они перешли на Обь, спасаясь от тяжелой руки «святого» епископа [1].

[1] Абрамов, Описание Березовского края, стр. 346.

С этого времени между Москвой и Новгородом началась жестокая борьба за ограбление приуральских и сибирских народов.

Оба государства стремились упрочить свое положение на востоке.

И вот, в 1446 г. Новгород решил окончательно разделаться с непокорной югрой, закрепить над ней свое господство, опередить московских князей.

Сильное трехтысячное войско, разделенное на два отряда, двинулось в Сибирь. Воеводами шли Василий Шенкурский и Михайло Яковль. Новая грозовая, кровавая туча надвигалась на хантэ, манси и ненцев.

Сначала поход был удачен. Новгородское войско огнем и мечом карало поселки непокорной югры, всюду неся с собой разорение, смерть или плен.

Югре пришлось покориться. Она согласилась выплатить тяжелую дань и отдать новгородским промышленникам все свои лучшие промысловые угодья. Празднуя победу, Василий Шенкурский со своим отрядом приступил к постройке острога (крепости), сидя за крепкими стенами которого можно было упрочить свое господство в завоеванном крае. Между тем Михайло Яковль продолжал военные действия в другом районе.

Среди югры росло недовольство. Со всех сторон собирались воины для новой борьбы, готовясь напасть на острог.

«Когда Михайло приехал к Васильеву острогу, — рассказывает летопись, — виде острог разорен, а своих побитых, а иные разбегшися, и нача искати своих по реке, и скопишася к нему Василий с сыном и иные вси, и приехаша во свою землю» [1].

Так и этот большой новгородский поход и эта попытка освоить далекую колонию и закрепить в ней свое господство кончились для Новгорода неудачей.

Но на смену Новгородскому княжеству явилось Московское государство, вступившее на путь прямой борьбы со своим старым соперником.

Завоевание новгородских владений московское правительство начало с самой отдаленной и полузависевшей от Новгорода страны — «югорской».

В 1465 г. туда был послан устюжанин Василий Скряба «с охочими людьми», к которым присоединился вымский «князек» Василий Ермолич с вымечами и вычегжанами.

---

[1] IV Новгородская летопись.

Эта сборная рать выступила из Устюга 9 мая. Поход для нее был удачен и «югры» были разбиты. Среди своих многочисленных пленных двух из них русские признали за «князей» и отправили в Москву в качестве живого доказательства своей победы. С этого времени «югорская земля» была объявлена московским владением [1].

Все московские походы, так же как и новгородские, носили чисто грабительский характер. Их участники грабили не только побежденные народы, но даже и своих же, встречных купцов. Так, Андрей Мишнев, ходивший в 1481 г. с устюжанами под Чердынь, где он разбил манси, на обратном пути ограбил на Каме купеческий караван [2].

Но первый, действительно крупный поход московского войска в северо-западную Сибирь, в районы, заселенные манси и хантэ, был организован в 1483 г. Рать, под предводительством князя Федора Курбского и Ивана Травина, двигалась из Устюга, через Пермь, к устью р. Пелыма, откуда, спустившись по р. Тавде, вступила в Сибирскую землю, по дороге разбивая отряды манси и татар и громя их поселения.

Далее, миновав Сибирское царство, войска спустились по Иртышу и вошли в р. Обь, где «повоевали» хантэ, роды которых объединились в военный союз, возглавленный Молданом. Они оказали сопротивление пришедшим завоевателям, но были разбиты, а сам Молдан был захвачен в плен и доставлен в Москву. После пятимесячного похода победители возвратились в Устюг. В итоге этого похода южные манси, хантэ и частично сибирские татары были принуждены признать над собой власть московского великого князя. На следующий год их посольство, во главе с Лятиком, прибыло в Москву, где оно, от лица своих народов, было приведено к присяге и обязалось выплачивать дань [3].

Завоевав, по крайней мере официально, южные племена, московское правительство начало подготовлять поход для завоевания северных стран. Сюда войска были двинуты в 1499 г. [4].

Русская армия двигалась тремя отрядами. Первый из них, под командованием князя П. Ф. Ушатого, шел через Сев. Двину, Пинегу и другие реки на Печору; второй отряд,

---

[1] Архангельская летопись.
[2] Там же.
[3] Архангельская летопись.
[4] По некоторым данным, в 1501 г. Мало вероятно, чтобы здесь описывались два различные похода, так как все детали похода 1499 г. и 1501 г. во всех описаниях чрезвычайно сходны друг с другом.

во главе со старшим воеводой князем С. Ф. Курбским, направлялся через Устюг на Вычегду, Мылву и Печору и, наконец, третий отряд В. И. Гаврилова-Бражника шел через Пермь по Каме на Печору. Все войско насчитывало 4 024 человека. Соединившись на Печоре, все три отряда сделали остановку и построили острог Устащ. Здесь воеводы, видимо, ожидали зимнего пути. 21 ноября войско выступило в лыжный поход. За две недели подошли к Уральским горам и в течение 17 дней пробирались через них «щелью», вероятно, Щекурьинским проходом. Где-то здесь произошел бой с ненцами, в результате которого 50 ненцев было убито и захвачено 200 оленей. Через неделю подошли к Ляпину, городку хантэ на р. Сосве близ р. Оби. На помощь к хантэ и манси подоспели обдорские ненцы, но и они были разбиты. Русские разгромили 33 города, захватив в плен 1 009 человек и 50 «князей», т. е. старейшин и вождей.

Отряд Василия Бражника, действовавший отдельно, взял 8 городов и 8 старейшин.

Пройдя опустошительной бурей по приобскому северу, великокняжеские войска весной вернулись в Москву [1].

Таким образом уже к началу XVI в. весь западносибирский север был завоеван московским государством, и великий князь Василий Иванович III (1505—1533 гг.) внес в свой титул «земли Обдорскую и Кондинскую».

---

[1] Архангельская летопись; Герберштейн, Записки о Московии; также ср. материалы в работе Беляева, О географических сведениях в древней Руси.

Владения Строгановых в Приуралье

Правительственные войска шли по путям, уже проторенным зверопромышленниками и торговцами, которые основывали заимки и зимовья по линии своего продвижения, разъезжали по туземным кочевьям, вели исключительно выгодную для себя торговлю и промышляли ценного зверя.

Торговля с Сибирью давала колоссальные возможности для быстрого обогащения. Благодаря ее развитию среди многочисленных мелких «охочих людей» происходило быстрое расслоение, и из их среды начинали выделяться крупные торговые предприниматели, располагавшие промадными капиталами и имевшие в своем распоряжении множество торговых агентов, охотников-промышленников, вооруженных отрядов и т. п. Наиболее крупные представители русской буржуазии XVI в. создавались именно за счет ограбления богатейшей югорской и сибирской «землицы».

В XVI в. особенно выделялся своей торговой и колонизационной деятельностью род Строгановых. Основатель компании, Аника Строганов (1498—1570 гг.), по словам голландского путешественника XVII в. Исаака Массы, «был богатым человеком в своем крае, а жил он в области, расположенной на р. Вычегде... Побуждаемый страстью к наживе, возымел серьезное желание узнать, кем населены те страны, откуда приходили с дорогими мехами и другими товарами те люди, которые... называли себя самоедами и другими неизвестными именами. Эти люди ежегодно приходили рекой Вычегдой и вели меновую торговлю с русскими и московитами в городах Усолье и Устюге, лежащих при р. Двине, так как там именно находились склады и рыночные места для всевозможных товаров, преимущественно же для драгоценных мехов. Аника же потому так страстно хотел узнать, откуда приходят эти люди, что легко мог заключить о том, что у них можно приобрести большие богатства... Тогда он по-

тихоньку вошел с некоторыми из этих людей в соглашение и дружбу и послал вместе с ними своих 10 или 12 людей в их страну... В следующем году послал он туда же большое количество людей, дав им в спутники несколько своих родственников и доверенных людей. Они взяли с собою некоторое количество малоценных товаров, как например, маленьких колокольчиков, а также другого, подобного им «немецкого товара», и с усердием высматривали особенности этой страны. Проехав различные пустынные местности и большие реки, достигли они, наконец, реки Оби, где... узнали, что здесь меха можно купить по очень низкой цене и что из страны легко можно извлечь большие богатства... Аника, в компании с некоторыми своими друзьями, в течение ряда лет вел торговлю с этой страной, благодаря чему род Аники приобрел значительное могущество и большие владения»[1].

Обогащаясь за счет народов Сибири, предприниматели, однако, не довольствовались торговлей, а стремились закрепить свое положение путем захвата земель и закабаления местного населения.

Уже в 1558 г. Строгановы, на имя сына Аники — Григория, получили от царя Ивана IV Грозного «жалованную грамоту», отдававшую в их полное владение земли по реке Каме, эти «места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки».

Потребность в этих землях Строгановы объясняли тем, что они хотят «около того места лес по речкам и до вершин и по озерам сечи и пашни, расчистя, пахати и дворы ставити, и людей называти неписменных и нетяглых, и росолу искати, а где найдется росол, и варницы ставити, и соль варить»[2].

Подобная раздача земель, насильственно захваченных у туземного населения, была выгодна правительству, так как раньше в «цареву великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала» и для сбора ясака сюда время от времени приходилось посылать военные отряды. Это требовало больших расходов, а правильного дохода, получаемого из года в год, не давало.

Для Строгановых закрепление за собой Прикамья было очень важно. Ведь этот район являлся отправным пунктом для дальнейшего продвижения в Сибирь, где они, не довольствуясь торговлей, стремились к вооруженному ограблению населявших ее народов. Поэтому, добиваясь земель с

---

[1] Алексеев, цит. сборн., стр. 249—250.
[2] Миллер, цит. соч., стр. 76—89.

удобными для эксплоатации угодьями, Строгановы в то же время просили дать им право «на том месте городок поставить собою, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальников и воротников устроити». Эту свою просьбу Строгановы объясняли якобы необходимостью защищаться от набегов «ногайских людей и других орд».

Таким образом Строгановы фактически превращались во владетельных князей на своих землях; «а ведает и судит Григорий своих слобожан сам во всем», — говорит жалованная грамота.

Закрепление Строгановых в Приуралье и вместе с тем рост эксплоатации, естественно, вызывали сопротивление со стороны туземного населения.

Вогулы, часто нападавшие на строгановские владения, нашли себе союзников в лице угнетенных строгановских крестьян и мелких русских служилых людей. Так, в конце XVI в. на строгановскую вотчину «на Чусовую и на Курью с вогуличами приходил разбоем с грабежом» некто Офонька Шешуков. Вогуличи, «скопясь с товарищи своими», «сговорясь с воры», «стакався с Максимовыми (Строганова) крестьяны», грабили и разоряли владения своих ненавистных угнетателей [1].

Всякое выступление туземцев рассматривалось московским правительством как бунт и жестоко подавлялось силами тех же Строгановых.

Так, после набега на Каму восставших черемис, хантэ и башкиров в 1572 г., Иван Грозный приказывал Строгановым двинуть против них вооруженные отряды, в которые надлежало включить и оставшихся «верными» правительству хантэ и манси.

Восставшим, которые перешли бы на сторону правительства, оно обещало их «пожаловать, пени им отдать, да и во всем им полегчить», а за теми, кто воевал на стороне правительства, закреплялось право захваченных ими пленных, их жен и детей, а ровно и все имущество брать себе в свою полную собственность [2].

Естественно, что подобные мероприятия содействовали росту имущественного расслоения среди туземного населения и в то же время разрушали единство его выступлений.

Закрепление русских на границе Сибири вызвало страшное беспокойство в Сибирском ханстве. Сибирские

---

[1] Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества, стр. 19.
[2] Миллер, цит. соч., стр. 76—89.

князья должны были отказаться от ранее покоренных ими народов. Терять свои доходы они не хотели и наравне с русскими продолжали собирать ясак с хантэ и манси, время от времени совершая на них грабительские набеги. В борьбе за эксплоатацию хантэ и манси татарские князья сталкивались с русскими завоевателями.

В 1573 г. войска Сибирского ханства во главе с царевичем Маметкулом вторглись во владения Строгановых «да многих наших данных (т. е. платящих дань московскому царю) остяков побили, а жены их и дети в полон повели...». «Царь сибирский не велит нашим остякам и вогуличам и югричам нашие дани в нашу казну давати», — сообщает царская грамота.

Борьба за господство в Сибири побудила правительство Ивана Грозного в 1574 г. закрепить за Строгановыми сибирские земли близ Тобола на тех же правах, на каких ранее были закреплены за ними их приуральские владения. И здесь Строгановы получали право строить города и крепости, иметь хорошо вооруженное войско, заселять и осваивать подвластный им край, держа в повиновении хантэ и манси, «защищая» их от татарских набегов. Русское царское правительство совершенно не желало делиться с татарскими князьями своими богатыми доходами, получаемыми от населения вновь завоеванных земель.

В царской грамоте 1574 г. говорилось: «И нам бы Якова да Григория (Строгановых) пожаловати на Тахчее и на Тоболе реке и кои в Тобол реку озера падут, и до вершин на усторожливом месте освободити крепости делати, и сторожей наймати и вогняной наряд держати собою (т. е. на свои средства), и железа делати, и пашни пахати, и угодья владети. А кои остяки от Сибирского (царства) отступят и нам дань давати учнут, и тех бы остяков от Сибирского обороняти»[1].

Этим актом правительство Ивана Грозного давало Строгановым феодальные права на земли, которые даже формально не принадлежали России, а входили в состав Сибирского царства. Тем самым самодержавное московское правительство предоставляло Строгановым полное право на новые завоевания и грабеж колоний.

---

[1] Там же.

Поход Ермака в Сибирь

Строгановы, для закрепления своего господства в Сибири, согласно царскому указу, имели свое особое наемное войско. Это войско состояло главным образом из беглых казаков и разбойников, стекавшихся под покровительством могущественных северных купцов с далеких волжских и донских просторов. Во главе этой «вольницы» в 1581 г. стоял Ермак Тимофеевич.

Гонясь за легкой наживой, Строгановы снабдили дружину Ермака пушками, ружьями, боевыми припасами, продовольствием и всем вообще необходимым для трудного и продолжительного похода и отправили ее в дальний путь по Сибири.

Нелегко было передвигаться казакам. Сухопутных дорог тогда, конечно, не было, и единственным способом передвижения являлись многочисленные, более или менее крупные речки. В тех местах, где реки не соединялись одна с другой, казаки высаживались, прорубали дорогу сквозь дремучие леса и тащили лодки на себе волоком.

На особенно мелководных речушках приходилось даже прибегать к такому способу: поперек реки натягивали паруса, как бы в виде плотины, и задерживали воду, повышая этим ее уровень. Тогда лодки могли передвигаться дальше, а там опять устраивали новый заплот и т. д.

Нелегко все это было, много пришлось потрудиться ермаковой ватаге, но ватага шла, несмотря ни на что, подгоняемая жаждой обогащения, стремлением к грабежу и надеждой на большую наживу.

По дороге грабили местное население, отбирая не только все продовольственные запасы и пушнину, но все, что только попадалось под руку, снимая даже последнюю одежду с людей и оставляя их буквально нагими и голодными.

На зиму казакам приходилось останавливаться и укреп-

ляться от нападений со стороны защищавших свою свободу племен.

Когда казаки плыли по реке Туре, действовавшие ранее разрозненно татары и вогулы объединились и под начальством князя Епанчи напали на незваных гостей. На плывших по реке русских падали сотни стрел, пускаемых с берегов. Стрелы падали в воду, усеивали лодки, но отскакивали от железных кольчуг и шлемов.

Вооруженные ружьями и пушками казаки дали несколько залпов. Нападавшие не выдержали огня и отступили. Вооруженные только луками, пиками, саблями и кинжалами, татары, хантэ и манси не могли противостоять огнестрельному оружию, одним своим шумом нагонявшему панический ужас. В отместку за нападение, город князя Епанчи, Туринск, был разрушен и сожжен дотла.

Когда Ермак зимовал в Тюмени, к нему привели захваченного в плен татарина Кутугая, одного из приближенных сибирского хана Кучума.

Атаман принял своего невольного гостя очень учтиво, всячески обласкал и одарил, спрашивал о здоровье хана и о том, что представляют собой его владения. Он говорил, что хотел с самыми дружескими целями побывать в гостях у Кучума в его столице — Искере, но что, мол, задержался и вынужден отправляться обратно в Россию. При этом он приказал пяти лучшим стрелкам показать пленнику свое искусство в ружейном бою и, наконец, на прощание дал ему подарки с просьбой передать их Кучуму и главнейшим его мурзам.

Кутугай сейчас же поехал в город Искер и рассказал все. Но полученные известия встревожили хана еще больше.

Не поверив Ермаку, он разослал гонцов по всей своей земле с приказом собирать войска.

Весной Ермак двинулся дальше. Между тем многие племена хантэ и манси объединились вокруг татар для борьбы со страшными завоевателями.

21 июля произошел у Бабазанских юрт большой бой объединенных сибирских сил с казаками. Эта битва должна была решить дальнейшую судьбу не только Сибирского царства, но и всей Сибири.

Это была не битва, а избиение. Силы были слишком неравны. Кольчуги прекрасно предохраняли русских от стрел, в то время как в туземных рядах, осыпаемых залпами огнестрельного оружия, кровь текла ручьями. Множество лежавших трупов мешало пробиваться татарской коннице.

Жители Сибири уже успели хорошо познакомиться с хищнической лапой захватчиков и не имели другого выхода, кроме смерти или нищенства и порабощения завоевателями.

Сражение длилось целых 5 дней и кончилось победой казаков. Дальше они продвигались сравнительно легко и, не доходя до Искера, решили зазимовать в захваченном ими городище Атике.

23 октября 1581 г. сюда подошел сам Кучум во главе объединенных отрядов татар, хантэ и манси. Но после упорного боя казаки и здесь вышли победителями. Хан Кучум был принужден отступить и был покинут своими, полузависившими от него, союзниками — хантэ; а следом за ними и манси. Через 4 дня после взятия Искера к Ермаку пришли хантэ с реки Демьянки во главе с князем Бояром и изъявили свою покорность.

22 декабря 1581 г. Ермак послал из Искера посла в Москву с извещением о завоевании Сибири.

5 марта 1582 г. один из спутников Ермака, пятидесятник Брязга, был послан на север и, заливая кровью берега Иртыша, собирая ясак и грабя туземное население, подчинил власти московского правительства остяков и вогулов, живших по Иртышу и Оби, до Белогорья включительно.

По его возвращании, в 1583 г. сам Ермак повторил поход Богдана Брязги, пройдя еще далее, вплоть до Коды.

Под ударами хорошо вооруженных русских войск туземцы должны были, после упорного сопротивления, признать себя побежденными и покориться завоевателям.

Народы северо-западной Сибири под властью царизма в XVI—XVII вв.

Тяжелой тучей навис над народами Сибири гнет русского царя. Московское правительство, захватив большую и богатую страну, только и думало о том, как бы побольше выкачать из нее всяких ценностей, как бы увеличить доходы за счет грабежа своей новой колонии.

Все туземное население было обложено ясаком, невыплата которого жестоко каралась. Отказ в платеже рассматривался как бунт. Раздробленное, расселенное небольшими поселками, население было бессильно сопротивляться грабежу, прикрывавшемуся законом. По речкам и дубравам, везде и всюду проникая в самые глухие уголки, разъезжали сборщики ясака. Уйти было некуда, приходилось голодать и отдавать последнее добро.

Легче было укрыться от царских агентов только на крайнем севере, в безграничных, трудно доступных тундрах.

Здесь завоеватели прибегали к особому способу собирания ясака. Они, совершая походы, захватывали в плен аманатов, т. е. заложников, из числа родовых старейшин и вообще наиболее влиятельных лиц. Аманата отвозили в ближайший острог и там держали его взаперти, под караулом.

В случае непокорности его сородичей, аманату грозила смерть. Туземцы в определенные сроки должны были являться в острог и привозить ясак. Время от времени одного аманата заменяли другим, добровольно приходившим в острог на смену к своему заключенному родичу. Несладко жилось несчастным пленникам в царской неволе. Запертые в четырех стенах они влачили полуголодное существование. В расходных денежных книгах сибирских воевод нередко встречаются статьи расходов на покупку, например, палой или утонувшей лошади для прокормления аманатов.

Да и тем, кто оставался на воле, жилось не многим лучше. В связи с хищническим истреблением ценного зверя, год от года удавалось добывать пушнины все меньше и меньше. Приходилось напрягать последние силы для того, чтобы удовлетворить ненасытные требования правительства.

Уже в начале XVII в. многие хантэ и манси находились в крайней нужде. «И им-де в том от нашего ясаку нужа великая, — говорится в одной из царских грамот о сургутских хантэ, — вконец погибли и одолжали великими долги, с женами и детьми волочатся меж двор наги и босы» [1].

Для того, чтобы хоть как-нибудь поддержать свое существование и заплатить ясак, людям приходилось прибегать к займам и итти в кабалу: «Ясак положен на них не в силу, — рассказывает другая грамота, — платят ясак продав и в заклады закладывают жены свои и дети, а людей их поймали в Сургут и бьют в ясаке на правеже, а он-де, Киржа, заложил жену свою да два сына в нашем ясаке и в поминках в 12 соболях, а заплатить-де ясаку нечем, взять негде» [2].

Большим бременем являлась необходимость вносить ясак за всех нетрудоспособных, «а у них-де в волостях много ясачных старых и увечных, хромых и слепых, и малых, в ясак соболей добыть не могут, а за тех старых и увечных людей правят на них ясак по тому же окладу» [3].

Да, нерадостна была жизнь. Казалось, что хуже и быть не может. Но это только так казалось. Вскоре положение «ясачных» стало еще тяжелее. В 1626 г. ясачная подать была переведена на деньги. По изданному тогда указу надлежало брать с «лучших людей» пушнины на 2 руб. 50 коп.—3 руб., со «средних» на 2 руб. и с «худых» на 1 руб. 50 коп. и на 1 руб.

С этого времени пушнина, при приеме, начала оцениваться. Меха принимали теперь не поштучно, а на определенную сумму; расценки же были установлены очень низкие.

Когда березовский воевода в 1627 г. прислал ясак, то среди массы «мягкой рухляди» оказалась одна лисица, которая была оценена воеводой в 6. руб., а в Москве, при приемке, ее стоимость определили приказные оценщики только в 3 руб. Оплошавший воевода получил выговор и с него было «доправлено мягкой рухляди» на недостающую сумму [4].

---

[1] Акты времен царя В. Шуйского, № 117.
[2] Там же, № 115.
[3] Там же, № 116.
[4] Буцинский, Заселение Сибири, стр. 316.

Этот случай был единичным. Не по вкусу воевод было платить что бы то ни было из своего кармана. И воеводы старались. Пушнина принималась за даровщинку. За правило считалось, что меха, принятые в Сибири на сумму в 500 руб., расценивались в Москве на 100, а то и на 300—400 руб. дороже.

Вот как ясачные Верхотурского уезда обрисовывали свое положение в поданной ими челобитной:

«В прошлые годы, — писали они, — платили мы твой государев ясак с 9 волостей по 5 соболей с человека, а с двух волостей уфимских по 5 куниц с человека и с Туринской волости — с женатых по 10 соболей и с холостых по 6 соболей с человека, ...да твои государевы поминки платили тебе, государю, по 5 и 6 соболей с волости, а воеводе по 3 соболя. Но в прошлом, 1626 г., по твоему государеву указу велено нам, сиротам твоим, платить ясак, твои и воеводские поминки, против денежного склада, и мы, государь, обложены тяжело: твой ясак положен на нас с человека против 2 руб. 29 алтын 3 денег. И по тому окладу в поминки и в ясак выходит соболей по 10, по 12 и по 15, и мы, сироты твои, тех окладов сполна выплачивать не можем... Вследствие всего этого мы обнищали и одолжали великими долгами» [1].

Но какое, собственно, дело было царскому правительству до бедствий остяков, вогуличей или самоедов. Цари московские только и думали об обогащении своей казны. А Сибирь давала в нее вклад немалый. В 1660 г. все доходы московского правительства без сибирской пушной казны равнялись 1 311 000 руб., тогда как с Сибири было получено 660 000 [2].

30 слишком процентов всего государственного бюджета с одной Сибири! Это не шутка. Одна эта цифра говорит о той невероятной эксплоатации, о том грабеже, какому подверглись сразу же после завоевания сибирские народы.

И как не богата была новая царская колония, она быстро истощалась. Как не выколачивали ясак с туземцев, они все же не могли полностью его платить. Каждый год приносил все большие и большие недоимки. С 1628 по 1700 г. на пелымских манси накопилось недоимок на 7 011 руб.; на березовских ханта — 6 300 руб., а на сургутских даже 67 442 руб. [3].

[1] Там же, стр. 317—318.
[2] Ключевский, Курс русской истории, т. III, стр. 303.
[3] Буцинский, Крещение остяков и вогулов, стр. 15.

Но и кроме выплаты ясака правительству, немало тяжелых и разорительных повинностей накладывалось на туземное население.

Нелегко было ямское дело — содержание лошадей для гоньбы под царскими людьми или провоз всяких грузов по рекам на сотни километров.

Недаром жаловались сургутские хантэ на то, что их посылают казну и хлебные запасы возить «из Тобольска, от Усть-Иртыша, до Сургута вверх Обью рекою и ходят по четыре недели, тянут вверх бичевою и шестами. А посылают их против запасов в лучшую пору, в рыбную ловлю, в которую издобыти рыбы про запас на всю зиму». В результате повинность разоряет их, они остаются на зиму без пищи, «и от того-де им нужа великая: с женами и детьми помирают голодом» [1].

На юге, в Таборинской волости, на манси была наложена повинность — пахать «государеву пашню». Правда «пашенные вогуличи» были освобождены от выплаты ясака, но это не могло облегчить их положение, и они жаловались на то, что «всех их с женами и детьми до одного человека пристава выгоняют из юрт на государеву пашню, и юрты остаются пустые; накладывают на них работы великие, не в меру; за тою пашнею рыбы добыть себе не успевают и потому все лето с женами и детьми кормятся одною травою» [2].

Вследствие тяжелых работ и скудности питания между «пашенными инородцами» была большая смертность. В 1632 г. их было в Пелымском уезде 70 человек, а к концу царствования Михаила Романова их осталось только 33, тогда как остальные, по словам Пелымского воеводы, умерли [3].

Для управления подвластными землями московское правительство рассылало своих воевод. Воеводы, как тогда было принято говорить, посылались «на кормление». И действительно, основным стимулом их деятельности являлось не столько управление отданной в их ведение территорией, сколько стремление использовать все представленные им возможности для своего быстрого обогащения. Особенно вольготным было положение воевод сибирских. Здесь, и именно здесь, они могли в полной мере удовлетворять безнаказанно свои алчные стремления.

Отделенные от центра тысячеверстными расстояниями, они были всецело уверены в том, что через горы и тайгу не

[1] Акты времен царя В. Шуйского, № 116.
[2] Буцинский. Заселение Сибири, стр. 312.
[3] Там же, стр. 312.

смогут проникнуть в столицу никакие известия об их поступках, об их своевольствах. Сибирский воевода по существу был феодальным владыкой, властителем и господином богатейшей страны. Часто сменяемые воеводы, естественно, стремились использовать свое кратковременное пребывание в крае в своих интересах, стремились не упустить являвшиеся им возможности к легкому обогащению.

Вот например, как туземцы Березовского уезда описывали в одной из своих жалоб своевольство воеводы Плещеева, от которого «ясачным людям начались притеснения и насильства великие: у кого сведает лисицу черную, или бобра черного, или соболя доброго и по них посылает служилых людей и велит насильно привозить их с лисицами, соболями, бобрами к себе на подворье и заставляет ясачных людей продавать ему тех зверей дешевою ценою—в треть цены и меньше». Ясачных, приносящих ясак в город, «воевода держит в городе дней по 10 и больше для своей бездельной корысти, а, живя в городе, они проедаются и должают великими долгами», воевода отнимает у туземцев их рыбные ловли, заставляет на себя «день и ночь» шить шубы, ловить рыбу и делать всякие работы [1].

На нарымского воеводу хантэ жаловались, говоря, что он «берет ясак по 11 соболей, да еще берет посулы великие», тот же воевода взял у «нарымского князя» сына к себе в холопы и «князь» принужден был выкупить сына соболями и лисицами на сумму в 100 руб.; воевода «побивал остяков до смерти, а жен и дочерей их брал к себе на постель».

По жалобе пелымских вогулов воевода берет с них ясак вместо 5 по 10 соболей, «а как они пойдут на промыслы, то воевода и служилые люди берут к себе их жен и детей» [2].

Судя по многочисленным жалобам, подобные явления носили массовый характер, особенно, если принять во внимание, что жалобы подавались только в исключительных случаях и очень редко, так как конечно воеводы принимали все меры к тому, чтобы не допустить подачи доносов.

Нам известен случай, когда служилые люди хотели писать грамоту о злоупотреблениях нарымского воеводы и обратились с этой целью к своему попу. Узнавши же об этом, воевода приказал бить кнутом и попа и служилых людей [3].

И это по отношению к русским челобитчикам, к служи-

---

[1] Там же, стр. 321—324.
[2] Там же, стр. 321.
[3] Там же, стр. 285.

лым людям и духовенству! Нам даже трудно себе представить, в каком поистине бесправном положении находились неграмотные, не признаваемые даже за людей, туземцы, терпевшие насилия от всех, как от самих воевод, так и от каждого рядового служилого человека или промышленника.

«А которых-де служилых людей посылают по волостям для ясаку и в Гомский город для всяких дел и которые торговые люди ездят по волостям, и те-де служилые и торговые люди им (туземцам) чинят насильство: рыбу, и лыжи, и нарты, и собаки нартовые, и зверовые отбирают сильно и нуждаде им в том великая», — обрисовывается в царской грамоте 1610 г. положение сургутских хантэ [1].

В ответ на те жалобы, которые иногда достигали Москвы, царское правительство давало указания тем же сибирским воеводам от насилий «беречь ясашных инородцев», причем основным мотивом подобной «заботы» являлась боязнь того, что окончательно разоренные туземцы не смогут «наш ясак, соболей и всякого зверя, платить».

[1] Акты времени царя В. Шуйского, № 117.

Развитие торговли в XVI—XVII вв.

Вместе с завоеванием Сибири в ней очень быстро стала развиваться торговля, так как нигде в другом месте она не могла приносить таких огромных барышей, как здесь.

Тобольск, эта столица вновь завоеванного края, очень скоро стал крупным торговым центром, через который прежде всего шла торговля со Средней Азией. Сюда стекались таджикские, бухарские и татарские купцы, привозившие преимущественно шелка и бархат и скупавшие здесь ценные северные меха.

Вместе с фактическим «открытием» Сибири в XVI в. в эту новую землю устремились и алчные западноевропейские торговцы-мореплаватели, упорно искавшие северный морской путь. Но царское правительство всячески препятствовало их продвижению на восток.

Широким потоком двинулась сюда волна русской колонизации; переселенцы, быстро акклиматизировавшиеся в новых условиях, начинали и сами заниматься пушным и рыбным промыслом, но главным образом пускались в наиболее выгодное для себя дело — торговлю.

По словам анонимной иностранной рукописи 1666 г., в Сибири «всякий из них (русских) хочет поступать по-купечески»[1].

Судя по таможенным книгам, на севере Сибири находили широкий сбыт привозившиеся из России медные котлы, пуговицы, булавки, колокольчики, чарки, солонки, перстни, оловянная посуда, железные наконечники для стрел, топоры, сковороды, сукна английские и сермяжные, полотно ярославское, зипуны и кафтаны, рубахи мужские и женские, шитье золотом, сапоги сафьяновые и телячьи, рукавицы, подошвы, башмаки, чулки, пояса шелковые и гарусные, шубы бараньи, зер-

[1] Алексеев, цит. сборн., стр. 332.

кала, струны, огнивы, масло коровье, мед, воск, ладан, пряд
неводная, веревки, нитки, порох, свечи, мыло костромско
сахар, пряники и пр.

Цены на все привозные товары стояли сравнительно
очень высокие; так например, кафтан из доброго английского
сукна с золотыми шнурками стоил в Сибири 5 руб., сково-
рода—50 коп., аршин ярославского полотна—6 коп. и т. п.
И это в то время, когда в России десятина земли расце-
нивалась в 1 руб., прекрасную хату можно было купить за
10 руб., добрая лошадь стоила 2 руб., голова рогатого
скота — 1 руб. 50 коп., овца — 10 коп.

Степень наживы русских торговцев становится нам ясной при сравнении всех приведенных цен с расценками того времени на пушнину.

Так, в Сибири торговцы скупали красных лисиц по 3 гривны за штуку, куниц — по полтине, наиболее дорогие чернобурые лисы расценивались от 8 до 50 руб.[1], тогда как в Москве они продавались, в зависимости от качества, по цене от 30 до 300 руб.[2].

Как мы видим, процент наживы немалый.

Торговые обороты Сибири давали государству изрядные доходы, собираемые в виде пошлины — «десятой»,—взимавшейся при продаже; если товары провозились далее за заставу, то с них бралась «проезжая» пошлина в размере 4 копеек с рубля.

Стремясь закрепить русское господство в только что завоеванном крае, правительство сначала стало предоставлять льготы торговцам, отменив, например, в Сургуте пошлины с торговых и промышленных людей, благодаря чему край вскоре «оживился», повсеместно в туземных волостях появились «вымичи, зыряне, пустозерцы, пермичи, устюжане, двиняне, важане, каргопольцы, москвичи и иных русских городов торговый люд», кто для промыслов, кто для меновой торговли с местным населением.

Видя это, правительство уже в 1597 г. отменило льготу. Но и без этого торговые барыши были так велики, что в торговое дело все более и более вовлекались массы пришлых людей.

Скупка пушнины начала принимать настолько большие размеры, что уже очень скоро создала определенную угрозу доходом правительства, подрывая сбор ясака.

---

[1] Андриевич, История Сибири, I, стр. 165.
[2] Буцинский. Мангазея и Мангазейский уезд, стр. 1—2.

Дело в том, что приемщики ясака ценили пушнину ниже, чем за нее платили частные скупщики; так, по челобитной татарских ясачных людей 1626 г. у них в Таре «оценщики ценят дешевою ценою — красных лисиц и куниц поголовно по 5 алтын, а гости и торговые люди покупают у них лисицу красную по 3 гривны, а куницу по полтине». Понятно поэтому, что все лучшие меха начинали попадать в руки частных торговцев, почему правительство, само выступая в роли крупнейшего оптового торговца, и начало всеми силами стремиться к тому, чтобы ограничить права своих конкурентов.

Так, в ответ на жалобу сургутских воевод, заявивших, что торговые и промышленные люди выкупают у туземного населения дорогих соболей и лисиц и что ясачные в результате этого платят ясак в государеву казну плохой рухлядью, московское правительство, во-первых, запретило торговлю по национальным юртам, а во-вторых, указало, чтобы торговые люди выменивали только низшего качества пушной товар, который в царскую казну не годится, «а если кто из торговых людей после этого будет покупать и торговать лучшею и среднею рухлядью, то бить кнутом, сажать в тюрьму недель на пять и на шесть, а имущество отбирать на государя»[1].

Однако подобные мероприятия не вполне достигали своей цели, так как, несмотря на них, туземцы продолжали вести торговые сношения с купцами, оказывавшимися более предприимчивыми и ловкими, чем представители царской администрации, а сами эти торговцы, несмотря на все запреты, все же изыскивали способы обходить таможни и вывозить на Русь самую лучшую мягкую рухлядь.

Поэтому неудивительно, что и после издания подобных постановлений сибирские воеводы постоянно продолжали жаловаться на то, что «инородцы платят ясак плохой рухлядью» и что в ясаке ежегодно бывает недобор.

Торговцы, укрываясь от правительственных преследований, неустанно продолжали вести торговлю, провозя пушнину через Урал по тщательно скрываемым ими путям, один из которых шел через приток р. Печоры, реку Усу, речку Елец и, после волока, рекой Собью к р. Оби.

Здесь, на волоке, русскими был построен Роговой городок, о существовании которого правительство долго не знало, и в нем до 1607 г. самым спокойным образом совершалась беспошлинная торговля с ненцами. Другой тайный торговый

[1] Буцинский, Сургут. Нарым. Кетск, стр. 6.

путь, Югорский, шел из-за Урала на р. Киртас, приток Сыгвы, из Сыгвы в Сосву и далее, из Сосвы, южной протокой Ияспаловой, доходил до Оби, километрах в 80 южнее Березова.

Этот путь был неизвестен правительству, видимо, до самого конца царствования Михаила Романова, т. е. до 40-х годов XVII в.

Третьим конкурентом в борьбе за ограбление народов Сибири, наравне с русским самодержавием и частным торговым капиталом, выступила церковь.

Многочисленные ее представители, хлынувшие в Сибирь с самого начала ее завоевания, разъезжавшие по туземным юртам под предлогом распространения христианства, также выступали в роли одних из самых ретивых скупщиков пушнины, причем церковники, ни чем не стесняясь, просто обращали новокрещеных в своих рабов.

И здесь царское правительство, видя в лице церковников своих конкурентов, стремилось ограничить их не в меру ретивую «просветительную» деятельность, почему оно постоянно давало указы, в которых настаивало на добровольности крещения, указывало «неволею никаких иноземцев крестить не велеть» и строго запрещало священникам ездить в туземные юрты из опасения, чтобы они не выкупили там всю пушнину.

Не довольствуясь той пушниной, которую собирало правительство в виде обязательной подати, ясака, оно постоянно делало попытки самому встать на чисто коммерческий путь.

Оно то и дело посылало из Москвы различные товары в Сибирь, заботливо указывая воеводам возможно рачительнее постараться реализовать их и, видимо, боясь злоупотреблений воевод, с изумительной тщательностью разрабатывало даваемые им инструкции. Так например, посылая в 1594 г. 70 медных котлов в 18½ пудов, правительство указывало воеводе «половину (т. е. 35 котлов) взять с собой на Иртыш и променять тамошним людям на соболи и на лисицы черные и на шубы на собольи гривенку по две гривны, а пуд променить в восемь рублев, а что на те котлы соболей и лисиц и шуб собольих вымените, и в колько пуд по цене промените и воеводе князю Андрею Васильевичу с товарищи держать тое рухлядь в государеве казне... и прислать к государю к Москве с ясашною казною вместе» [1].

Ведя борьбу с частной торговлей, захватившей всю лучшую пушнину, правительство в 1618 г. пошло на новое ее

[1] Миллер, цит. соч., стр. 268.

ограничение путем запрета табачного торга, объявив его с 1646 г. своим монопольным правом. В 1648 г. в Сибирь было завезено 130 пудов табаку с указанием купить на вырученные от его продажи деньги соболей. На практике и это торговое мероприятие правительства потерпело неудачу, так как табак вскоре оказался в частных руках спекулянтов.

Это обстоятельство побудило правительство вскоре же издать новый указ, предписывавший весь табак сжечь ввиду опасности, что ясачные «прокурят все свои меха» [1].

Абсолютно не думая об интересах и нуждах населения своей далекой колонии, царская казна становилась также на путь спаивания населения.

Когда в 1623 г. верхотурские воеводы сообщили в Москву о том, что «верхотурские служилые люди, стрельцы, казаки, ямские охотники и пашенные крестьяне в верхотурском кабаке многие пропились и верхотурские служилые люди от государевой службы многие отбыли, многие ямские охотники разбрелись, а пашенные крестьяне от того же кабака одолжали и обнищали», тогда в ответ на это царь Михаил Романов дал самую недвусмысленную проборку не в меру заботливым воеводам, говоря:

«И все-то пишите нам, не радея о нашем деле, что кабак хотите оставити, а кабак заведен давно в Верхотурье до Московского разорения задолго, и преж вас многие наши воеводы на Верхотурье бывали, а о том кабаке к нам не писывали, а вам, где было искать пред прежним во всем прибыли, а и старое хотите растерять... и вы, делая леностью своею и не хотя нам служити, пишите к нам не делом...».

В 1627 г. правительство запретило варить вино и пиво, от всех велело отобрать винные «суды» и все дело сосредоточило в руках государева кабака.

В итоге этого мероприятия за 1628 г. по Верхотурскому уезду кабак дал доход вместо намечавшихся по смете 455 руб. — 1 071 руб. [2].

Удовлетворенный подобным результатом верхотурский воевода замечал по этому поводу, что «питухов было более».

---

[1] Андриевич, цит. соч., I, стр. 175.
[2] Буцинский, Заселение Сибири, стр. 60.

Рост социального расслоения среди народов северо-западной Сибири в XVI—XVII вв.

Мы уже видели, что, начиная с конца XVI в., т. е. со времени окончательного завоевания северо-западной Сибири русскими, обмен начал принимать здесь массовый характер, охватывая почти все туземное население и проникая в самые глухие и отдаленные уголки страны.

Ускорилось разложение натурально-патриархального хозяйства. В обиход начинали проникать и деньги. Так, за собаку в 1639 г. сургутский хант взял кроме льняной рубашки, прошитой по вороту золотом и по швам шелком, еще 6 денег. В конце XVII в. среди, например, сургутских остяков денежное обращение было уже довольно значительно; они занимали у русских деньги «для хлебные покупки».

Развитие торговых отношений, содействуя социально-экономическому росту страны, в то же время открывало широкие возможности для эксплоатации чужого труда и обогащения одних людей за счет других. Все документы XVII в. уже ясно различают туземных богатеев, «лучших» и «мощнейших в имении» людей и бедноту, людей «старых и увечных и бедных», которые, по словам сургутских хантэ, «в наших волостях живучи, по нашим юртишкам по нас кормились, жен у них и юртишек заводу никакого, чем им твой государев ясак добывать, и платьишка нет».

Эти бездомные и разоренные люди, «кормясь» по чужим юртам, неизбежно попадали в кабальную зависимость к более богатым туземцам и работали на них, промышляя пушнину или участвуя в рыбной ловле.

Имущество богатых туземцев, видимо, бывало довольно значительным. Так, сын вогульского сотника Меркуши говорил, что «у нас до 300 рублев денег лежит, опричь иного живота, платья, коней и коров». Русские и хантэ, напав в 1594 г. на «князца» Кондинских вогулов, захватили у него

при грабеже «2 венчика серебряных, 426 соболей, 13 черно-бурых и бурых и красных лисиц, 61 бобра, 1 000 белок, завесу дорогинену» и т. д.[1]. У ненцев, правда уже в XVIII в., Георги отмечает наличие оленьих стад, насчитывающих от 20 до 2 000 голов[2].

Русское правительство, завоевывая Сибирь, стремилось для упрочения своего господства опереться на какую-то часть туземного населения. Вполне естественно, что московские правители прекрасно понимали, что именно зажиточная часть местного населения может дать им эту опору, и они ретиво взялись за установление теснейшего контакта с отдельными группами родовой аристократии.

Русское правительство умело использовало вражду между отдельными туземными племенами и родами, привлекая на свою сторону вождей некоторых из них и совместно с ними нанося поражение непокорным.

Родоплеменные вожди скоро поняли, что при поддержке со стороны могущественного русского самодержавного правительства они смогут закрепить свое положение и всецело подчинить себе старые родовые учреждения.

В 1582 г., по взятии Самарова городка атаманом Брязгой, к нему явился знатный и богатый хант Алач с Коды, который и был поставлен Брязгой вместо побежденного Самара, вероятнее всего являвшегося местным родовым старейшиной. С этого момента начинается деятельность так называемых Кодских князей Алачевых. Сам Алач и, главным образом, его сын, Игичей, выступают в роли ставленников русского самодержавия. При их непосредственном участии русские войска ведут все дальнейшие захваты в северо-западной Сибири.

Исследователь истории хантэ С. В. Бахрушин[3], выявляя деятельность Алачевых, говорит, что «при содействии... князя Игичея было завершено покорение Пелымского княжества завоеванием в 1594 г. Большой Конды, причем им были взяты в плен кондинский князь Агай и его семья. Им же было предпринято в 90-х годах несколько походов совместно с русскими для завоевания верхнего течения р. Оби, Сургута и Нарыма. Особенно были незаменимы услуги, которые оказали князья Алачевы при завоевании низовьев Оби и соседних с Обью остяцких кня-

[1] Миллер, цит. соч., стр. 201.
[2] Георги, цит. соч., III, стр. 7.
[3] Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935 г.

жеств. В 1593 г. князь Ипичей и его люди с Никитою Траханиотовым «на Березове город ставили». Он же ходил походом на обдорских остяков и покорил их русским. По смерти его, в 1607 г., «как отложился было князь Василий Обдорский», снова был послан, под командой березовского служилого человека Ивана Рябова, отряд кодских остяков, который захватил в плен обдорского князя и его сына, а также его союзника, ляпинского князя Шатрова Лугуева, победители доставили пленных на Березов и привели обдорских остяков «под царскую высокую руку». Несколько раньше, в 1604 г., кодские остяки посылались под начальством сотника Черкаса Рукина и князя Онжи ставить Томский город. Таким образом завоевание Оби и ее притоков произведено было в значительной степени посредством вооруженных сил кодских князей.

Московское правительство пробовало воспользоваться кодскими остяками в своем дальнейшем завоевательном движении на восток, на Енисей. В 1618 г. князь Михаил Алачев по распоряжению из Тобольска посылал под командой Черкаса Рукина 20 человек остяков «в тунгусы» на Маковский волок ставить острог; из острога Петр Алачев посылал их на тунгусских людей, на князька Данула; в следующем году из Тобольска опять потребовалась посылка 10 человек «в тунгусы»; из Маковского они ходили с Максимом Трубчаниновым на Енисей ставить Енисейский острог. Наконец, в 1627 г. в экспедиционном отряде Самсона Новацкого, посланного из Тобольска через Мангазею на Нижнюю Тунгуску, «на государевых изменников» — тунгусов и гуляшей, принимали участие 40 остяков князя Михаила; поход продолжался три года.

Своим ставленникам московское правительство давало княжеские титулы и, упрочивая их положение и влияние в туземном обществе, тем самым облегчало себе захват огромной сибирской земли.

Ряд исследователей, занимавшихся историей северо-западной Сибири, исходя из многочисленных правительственных грамот, называвших Алачева, Лугуя, Тайшиных и других князьями, стремились видеть в них старые остяко-вогульские княжеские династии, якобы сложившиеся еще до русского завоевания.

Для окончательного разрешения этого вопроса мы пока не располагаем достаточными данными, так как дорусский период истории хантэ и манси слишком слабо освещен имеющимися источниками, но все же, кажется, трудно предполагать

наличие в остяко-вогульском обществе XV и начала XVI вв. достаточно развитых феодальных отношений, принявших четкую форму определенной экономической и государственной системы. По крайней мере в XVIII в., не говоря уже о позднейшем времени, никаких следов феодальной государственной организации среди хантэ и манси мы не наблюдаем. Неправильно было бы думать, будто бы местный феодализм был совершенно разрушен русским самодержавием. Наоборот, скорее можно наблюдать обратный процесс. Всеми своими указами русское правительство постоянно стремилось именно насадить, а не уничтожить феодальные отношения.

Очевидно в XVI веке процесс феодализации был на первой своей стадии. И первоначально царское правительство отнюдь не хотело умалять власти туземных вождей — «князей».

На первом этапе захвата Сибири московское государство не располагало еще достаточной силой, необходимой для безраздельного господства во вновь присоединенных владениях. Поэтому оно, первоначально, и не стремилось стереть власть местной аристократии, а, наоборот, рядом своих указов упрочивало ее, давая отдельным туземным вождям княжеские титулы, расширяя их возможности в эксплоатации трудового туземного населения путем предоставления им многочисленных льгот, прав и привилегий.

При помощи своих ставленников из среды туземной знати, царизм стремился упрочить свое положение в завоеванной, но не покорившейся еще стране.

В самом деле, те же Алачевы усиленно выдвигаются московским правительством в качестве феодальных князей. Их власть, даже на территории родной Коды, закрепляется при помощи русского оружия. Так, в 1604 г. царь Борис Годунов, по ходатайству князя Михаила Алачева, поручил березовским воеводам его «беречи, чтоб ему и его людем ни от кого тесноты и насильства никакого не было», и в Коду был послан русский гарнизон в 10 человек.

Феодальные права и привилегии князей также устанавливались русскими жалованными грамотами. Сама Кодская волость освобождалась от царского ясака, и он всецело платился населением своим князьям. «Остяцкого Игичея князя Алачева, да брата его Онжу Юрьева за их службу в Сибирской земле» правительство жаловало «волостью Васпакулук да волостью Колпукулук со всеми угодьи и ясаком, а людей в тех волостях — в Васпакулукской волости 8 человек и в Колпукулукской волости 3 человека. Игичею князю с братьею

теми волостями и всякими угодьи и людьми 11 человеки владети, и ясак с них собирать на себя».

Во владение Алачевых московское правительство отдавало Емдырскую и Ваховскую волости. Так создавалось это Кодское княжество.

Во главе его стоял княжеский род, младшие члены которого по существу ничем не отличались от прочего «служилого» населения Коды, к которому относились все жители этой теперь привилегированной волости, что лишний раз свидетельствует о недоразвитости местного феодализма. Все эти «служилые остяки» составляли войско, выступавшее под командой Алачевых.

При несении ими военной службы они получали необходимое оружие, деньги, провиант и т. п. от своего князя, который за это получал от них часть военной добычи. В мирное время служилые платили князю «поминки», т. е. делали полудобровольные подношения.

Что касается других волостей, отданных царем в управление Алачевым, то их население принуждено было платить ясак Алачевым.

О недоразвитости феодальных отношений в самой Кодской волости говорит и то, что, когда кодский князь Димитрий попытался обложить оброком кодское население, тогда оно возмутилось и свергло его власть. Но тем не менее имущественное расслоение среди населения уже зашло достаточно далеко.

Разоренные группы населения, не имевшие средств к ведению самостоятельного хозяйства, неизбежно попадали в кабалу к зажиточным слоям населения и в первую очередь, понятно, в кабалу к князю. Эти зависимые остяки по «худобе», т. е. бедности своей, были принуждены работать на своих господ — «сечь дрова», сено косить, плавить строевой лес и т. п.

Одновременно распространялось и рабство. Так, в Коде в 1631 г. всего было 80 холопов, из которых князю Михаилу Алачеву принадлежало 57 человек, его родне — 14 человек и прочим туземцам — 4 человека [1].

Как уже сказано выше, население других волостей, отданных московским правительством в собственность кодских князей, Емдырской, Ваховской и Вас-Пукольской, облагалось ясаком, данью, которую оно обязано было выплачивать Алачевым.

---

[1] Там же, стр. 46.

Большое место в хозяйстве властителей Коды занимали промысловые предприятия: князь эксплоатировал рыбные угодья и посылал своих людей на звериный промысел, организуя артели человек по 30 и 40, снабжая их всем необходимым инвентарем, в частности «собаками добрыми звериными».

Судя по исследованиям С. В. Бахрушина, князья Коды извлекали большие доходы и от торговли. Они, используя свое политическое и экономическое положение, являлись скупщиками пушнины, которую они приобретали по ими самими установленным, крайне низким, ценам. И обратно, они же являлись торговыми посредниками при продаже туземному населению всех необходимых товаров: «что у них (остяков) сверх оброков объявится какой мягкой рухляди — лисиц черных и чернобурых и соболей добрых, и то-де у них емлет (Михаил Алачев) на себя в треть цены... и что-де князь Михайловым остякам надобедь купить про свои нужды платья и котлов и топоров и иные какие рухляди, и того им князь Михайло мимо себя купить не велит» [1].

Естественно, что подобное монопольное положение Алачевых основывалось на той кабальной зависимости, в которой находилось от них население.

У Алачевых были «всякие государевы ясачные люди, всякие иноземцы... задолжены».

Долги взыскивались беспощадно. Так например, хант Вайгам Локшаев взял у Алачевых ссуду для выплаты калыма за невесту, но не смог отдать долга. Тогда Анна Алачева «тое женку у Вайгама взяла за сыновень долг и продала естыльскому остяку».

Помимо этого, наиболее крупного, Кодского княжества, грамоты XVI в. упоминали князей Демьянских, Казымских, Ляпинских, Обдорских и Пелымских.

---

[1] Там же, стр. 54.

Классовая борьба и освободительное движение против царизма в XVII в.

Усиленный сбор ясака, насилие и открытые грабежи со стороны царской администрации, хищническая торговля, рост феодальной эксплоатации—все это вместе взятое ставило туземное население в самое безвыходное положение. Быстрое уничтожение пушных богатств разоряло край и лишало население средств к существованию. Уже в XVII в. начинают раздаваться постоянные жалобы туземцев на отсутствие пушного зверя, на резкое падение промысла: «соболиного у нас промысла нет», «белки сошли неведомо куда», «прежние звериные угодья... запустели и зверя никакого нет...».

Разорение и голод обрушивались на население. «А мы люди бедные и голодные, и собаки голодны и худы...» — писали о своем положении Сургутские остяки. — «...А когда мы, сироты твои, для твоего государя ясаку на лес промышляли в дальние места недель по 10 и наги, и босы, и беззапасны, и от зимние великие стужи и от голоду в лесах многие, сироты твои, помираем». Во время страшных голодовок люди «ели человечину, и собаки и детишки у многих померли и собаки все примерли... и от того великого голоду многие ясашные люди, пометав женишек и детишек, разбрелись безвестно».

Рост эксплоатации трудового туземного населения, сопровождавшийся полным его обнищанием, естественно, содействовал усилению освободительной борьбы, направленной против царизма, тесно переплетавшейся с классовой борьбой в среде самого туземного общества.

По сути дела вся история туземного населения в конце XVI и в XVII вв. пронизывается известиями о восстаниях и более или менее сильных столкновениях угнетенных туземных масс со своими поработителями.

Период окончательного завоевания страны русским само-

державием можно считать окончившимся к самому началу XVII в. Но уже в 1605 г. здесь начал подготавливаться большой бунт: намечался разгром Кецкого и Томского острогов; между туземными родами шла усиленная подготовка к восстанию, которое, правда, так и не состоялось, будучи своевременно раскрытым по доносу жены одного из заговорщиков [1]. В этом же году на севере поднялись ляпинские остяки во главе с Шатровым Лугуевым и пытались захватить Березов [2].

В 1606 г., доведенные до отчаяния постоянными грабительскими набегами со стороны Алачевых, этих кодских князей, ставленников русского правительства, поднялись кондинские вогуличи, собравшиеся в количестве 300 человек [3]. Любопытно, что уже в 1607 г. во вновь вспыхнувшем бунте приняла участие и жена самого Игичея Алачева, «кодская княгиня» Анна. При этом одновременно с мятежем на Коде вновь поднялись ляпинские остяки, выступавшие в союзе с обдорскими под общим руководством уже упомянутого нами Шатрова Лугуева. Жесточайшим образом расправились с непокорными царские воеводы, и на этот раз нашедшие себе поддержку у Алачевых. Алачеву удалось даже захватить в плен самого вождя восстания, и Шатров Лугуев был повешен этим ставленником царской России [4].

Усиление борьбы с царизмом в 1607—1612 гг. имеет довольно глубокие корни. До отдаленных сибирских окраин доходили тогда слухи о тех крестьянских волнениях, которые бурной волной залили в это время Московское государство, грозя смести казавшийся незыблемым царский трон.

Люди везде и всюду шептались, наперебой спешили сообщать новости, в воздухе нависала гроза.

Терявший под своими ногами почву царь Василий Иванович Шуйский настойчиво писал сибирским воеводам о необходимости сохранить спокойствие и верность, жить «безстрашно и безмятежно безо всякого сумнения, а в иноземных и ясачных людях проведывать бы, нам всякие шатости и измены накрепко» [5].

Туземцы же между тем жадно прислушивались к ходящим слухам, прибегали к всевозможным хитростям, специально посылая своих людей проведывать новости.

---

[1] Миллер, цит. соч., стр. 404—405.
[2] Там же, стр. 257.
[3] Фишер, цит. соч., стр. 249.
[4] Русск. ист. библ., т. II, № 86.
[5] Акты времени царя В. Шуйского, № 55.

11 апреля 1609 г. встревоженно писал в Пелым верхотурский воевода: «В распросе Верхотурского уезда татарове и вогуличи Нелук и Казаринко с товарищи сказали нам, что однолично в туринских и тюменьских татаровех умышление и шатасть в них есть; хотят государю изменить и на русских людей приходить им, как ныне снег сойдет. Да к нам же писал на Верхотурье с Кошая Ворошилко Власьев: апреля в 1 день приходили к нему, Ворошилку, на Незву, Сосвы реки Верхотурского города уезду ясачный вогулятин Цыбала Паутов, да Пелымского города уезду Сосвинской ж вогулятин сотников, Кумычев, сын Ондрюшка и расспрашивали де у него, Ворошилка, те вогуличи про русские вести и про запас, и про однорядки, и сколько-де у тебя будет наемных людей и много ли пищалей, а будем-де мы к тебе торговати, как лед вскроется, а про русские вести ты, Ворошилко, нам не сказываешь, и мы-де про русские вести и сами ведаем, что на Москве русские люди меж собою секутся... Да Кумачев же сын, Семейка, приходя с Сосвы на Туру реку, по юртам ясашных татар и у вогулич про русские вести проведывает и живет в туринских юртах тот Семейка, не выходя всегда, неведомо для кого. И вам бы, господа, те вести были ведомы. А про то б, господа, вам на Пелыми сыскати накрепко... нет ли в них которые воровские шатости и измены к государю...» А далее в грамоте слышится совсем уже тревожная нотка: «А слух нам дошел, что в Туринском остроге в юртах татарове русских людей дву человек и убили...»[1].

И действительно, не зря беспокоились царевы воеводы. Среди туземных племен северо-западной Сибири шла самая деятельная подготовка к бунту, который должен был охватить почти всю страну. Из следственных материалов по этому делу мы знаем, что во главе заговора стояла вдова Игичея Алачева, «кодская княгиня» Анна Игнатьевна, вместе со своим деверем Чумейкой и братом Гаврилкой; «как они, княгиня Анна и Чумейко, ездили в Сургутский уезд в Вах к своим остякам по ясак, и они с Сургута приехав на усть Иртыша к белогорским остякам, к Таиру Сомарову с товарищи, а тут с ними был сургутский остяк Неунко с братьею, и об измене они вместе тут договорились до пряма и княгиня и Чумейко поехали к себе в Коду...» «...в те поры ехал на Березов зимусь тобольский юртовский татарин Бекбаулу-абыс да деверь Килде да Клеуберды, — дополняет в своих показаниях Чумейко, — со княгинею и с нами вместе тот

[1] Там же, № 59.

Бекбаулу-абыс с товарищи думал с нами изменную думу вместе, да абыс же, де, нам сказал, что послал он, абыс, с усть Конды кондинского князя Четыря вверх по Конде во всю кондинскую землю к остякам для измены, и они-де, кондинские остяки, все с нами под Тобольск войною готовы...»

Вскоре после отъезда Анны Алачевой и Чумейко из Белогорья, где происходило совещание о бунте, сургутские и белогорские остяки «Неул с братьею... и Таир Самаров с товарищи» послали в Коду остяка Чагомку, который должен был отвести туда «изменную стрелу», «а на стреле вырезано одиннадцать шайтанов с рубежи, да стрельное железо стерто».

Подобная стрела являлась символом бунта, призывала к нему и, вероятно, служила роль договорной грамоты. Вероятнее всего эти вырезанные на стреле шайтаны являлись тамгами тех родов, которые собирались принять участие в восстании. Надо думать, что Таир Самаров после совещания должен был подытожить свои силы и, выполнив это задание, сообщал о результатах своим союзникам.

«И он, Чагомко, тое изменную стрелу привез в Коду ко княгине и к Чумейку и к новокрещену Гаврилку, и княгиня Анна и новокрещен Гаврилко послали с ним, Чагомком, тое стрелу к сосвинским остякам и велели ему, Чагомку, с сосвинскими остяками о измене договоритись до пряма».

Кроме того Анна, Чумейко и Гаврилко «посылали зимусь на Обдор, ко князю Мамруку Обдорскому, кодского остяка Тугулмаска, чтоб он, князь Мамрук, с обдорскими остяки был с ними в одну изменную думу готов». В ответ на это Мамрук сообщил, что он «со всеми обдорскими остяки и самоеды» готов присоединиться к бунту.

Это восстание, видимо грозившее принять очень большие размеры, должно было быть направлено не только против русской эксплоатации, но и против той части туземной знати, которая усиленно выдвигалась и поддерживалась русским самодержавием.

По признанию Чумейко, восстание предполагалось начать с убийства князя Онжы Юрьева, наследовавшего права, данные правительством его покойному брату, Игичею Алачеву, а затем, «на проезде побивати всяких русских людей, и собрався со всеми остяки, идти... к Березову городу войною в осень, как будут темные ночи».

Наличие элементов классовой борьбы внутри туземного общества нашли свое отражение и в том факте, что заговор был выдан сосвинским Люликарским шаманом и его племян-

ником Персынко, которые сообщили русским властям о прибытии Чагомка на Сосву.

Чагомка был схвачен вместе с поличным, с «изменной стрелой» и, не выдержав пытки, открыл все нити подготовлявшегося восстания, что сейчас же повлекло за собой арест всех его организаторов [1].

Но провал этого заговора не мог сломить мятежного духа угнетенных народов, тем более, что известия о развитии гражданской войны в России усиливали и их надежды на возможную победу в связи с общим ослаблением правительственной власти.

Уже в 1612 г. опять велась подготовка к общему восстанию народов северо-западной Сибири, но и здесь она стала известна русским правителям благодаря тому, что один из манси сначала случайно проговорился о своем замысле, а потом и прямо рассказал пелымскому воеводе о готовящемся выступлении татар, манси и хантэ против господства русского самодержавия.

Интересно, что в своих показаниях на допросе туземцы ставили свое выступление в прямую связь с теми событиями, которые происходили в это время в России, говоря, что «государя-де на Москве нет, ныне-де в Сибири одни воеводы, а русских людей во всех сибирских городах мало». По словам верхотурского казака, который «сыскивал про вогульскую измену» в 1612 г., «в вогуличах была шатость и измена, хотели на наши сибирские города приходить войной, города сжечь, служилых людей перебить, а умыслили чтоб им быть себе царством, как было при Кучуме царе» [2].

Так и эта новая попытка освободиться из-под ненавистного ига кончилась неудачей: «зачинщики были перехватаны и за дерзость по надлежащему наказаны».

В дальнейшем, терпя неудачи, освободительное движение все более и более сокращалось, принимая характер отдельных, чисто местного значения выступлений.

Так например, в 1616 г. 30 человек остяков Бардаковой волости, будучи более не в силах сносить все обиды, убили в разное время 30 казаков и сумели так скрыться, что их не удалось найти [3]. В той же Бардаковой волости в 1619 г. ее правители Кинема и Суета «заворовали» и погромили государеву казну. Сургут охватила паника. Против

---

[1] Акты времени царя В. Шуйского, № 61 и 118.
[2] Русск. ист. библ., II, № 100, Акты истор., III, № 1.
[3] Фишер, цит. соч., стр. 253.

«изменников» были посланы подъячий Иван Афанасьев и новокрещен Иван Парабельский; они побили их, отбили государеву казну и «Кинемина сына большего и жену в полон взяли»[1]. В 1630 г. волновались Кондинские вогуличи[2]. В 1631 г. один из участников заговора 1609 г., Мамрук, подымает обдорскую и мангазейскую (на р. Таз) самоядь: «Выде в Мангазее... побивайте русских людей, а я с моею самоядью здесь, на Оби реке, стану побивать русских людей».

Но борьба с могущественным самодержавным правительством московским была не по силам для мелких, разобщенных племен Сибири, и правительство, сначала очень боявшееся развития освободительного движения, наконец поняло незыблемость своего положения. А вместе с развитием уверенности в этой незыблемости для московского правительства потеряло значение и созданное им в целях опоры Кодское княжество с его «династией» Алачевых, и, начиная с 1628 г., пожалованные ранее Алачевым права начинают от них отбираться.

Первая попытка ограничить дальнейший рост Кодского княжества была сделана в 1628 г., когда от князя Михаила Алачева (сына знаменитого Игичея) потребована была роспись его ясачных людей, а затем была проведена перепись населения его волости. Здесь выяснилось, что Алачевы утаивали от правительства значительное количество подведомственного им народа. Князь Михаил, получивший ранее даже звание стольника, теперь оказался в опале. Чтобы поправить свое положение, он поехал в Москву, где задержался довольно долго и умер в 1632 г.

Место своего покойного отца занял Дмитрий Алачев.

С каждым годом и с каждым новым поколением князей феодальный гнет становился все более и более ощутительным. Находясь под двойной эксплоатацией, идущей как со стороны самодержавного правительства и его русских агентов, так и со стороны своих национальных властителей, население, обобранное теми и другими, находилось в безысходной нужде и долгах. «Нам, сиротам твоим, — жаловались в Москву кодские остяки, — за князем Димитрием Алачевым быть однолично невозможно, и ясаку платить, и изделий делать, а потому чинятся нам, государь, от него, князя Димитрия, и от его людей насильство и тесноты великие, и многие... наша братия от его насильства и с детишками и с

[1] Бахрушин. цит. соч., стр. 73—74.

[2] Акты Археогр. экспедиц., т. III, № 79, 326; Акты историч., т. III, № 1; Бахрушин, цит. соч., стр. 80.

женишками разорились и детишек иззакладывали и испродали и промыслишков отбыли, в конец от насильства погибли и задолжали великими неоплатными долги»; хантэ жаловались, что князь Димитрий их «бьет и мучит, и в тюрьму сажает, и к стене приковывает, и в железа сажает не за вину» «жен и детей их к себе на постель насильством емлет».

Алачевы, эти ставленники царизма, предававшие свой народ и жестоко его эксплоатировавшие, должны были жить под постоянной угрозой, ожидая взрыва народного негодования. По словам самого князя Михаила Алачева, он всегда должен был ожидать «какое дурно, или шатость, или иной какой дурной завод от того его племени, которые его, князя Михаила, в государской милости ненавидят, или от их заговорщиков, или от иных иноземцев».

И, действительно, в 1636 г. кодские хантэ поднялись на своих притеснителей, восстали, пытаясь разорвать феодальные цепи, начавшие опутывать народ. Остяки отказались платить ясак Алачевым и повиноваться им. Они, в числе 120 человек, собрались «со всею сбруею, в панцырях, в шлемах, с луками» в городок Кармыш-Юган.

В восстании приняли участие остяки из Карым-Кара, Нангахора, двух Атлымов, Кармыш-Югана, Вежакора, Чемышева и Киндышской волости. Во главе стояли Телега Серистов с братом, Манера Тугупасев и Емелько Пуртиев. Повстанцы пытались убить Димитрия Алачева, а незадолго до этого убили его дядю, Лобана Онжина. Хантэ обращались с просьбой к правительству наложить на них государственный ясак, но избавить от Алачевых [1].

Вместе с закреплением русского господства в Сибири Алачевы теряли теперь свое значение и в глазах московского правительства, которое сочло для себя даже удобным отделаться под благовидным предлогом от лишних, им самим созданных конкурентов по ограблению страны. В 1643 г. Димитрий Алачев вместе со своим семейством был вызван в Москву, щедро награжден, записан в московские дворяне и пожалован вместо Коды волостью Лена на Вычегде, близ Еренска, а Кода была обложена государственным ясаком.

В 1662—1663 гг. сделали хантэ и ненцы еще одну попытку к освобождению от власти царизма. Под руководством Ермака Мамрукова, представителя рода, постоянно боровшегося за свою независимость, было решено организовать

[1] Бахрушин, цит. соч., стр. 56—60.

союз племен. Судя по сохранившемуся русскому описанию[1] этой предполагавшейся своеобразной федерации, она, по существу, должна была являться ничем иным, как реставрацией типичной родоплеменной организации, во главе которой стоял бы совет старейшин под председательством Мамрукова. Совет, помимо общего руководства хозяйственной и политической жизнью обдорских, кодских и казымских туземцев, должен был бы собирать ясак для отправки его потомкам хана Кучума.

Но и этому заговору, последней попытке реставрировать старую родоплеменную организацию, также не удалось осуществиться. Сам Мамруков и его ближайшие сотоварищи были схвачены и повешены.

Так, к концу XVII в. самодержавие железной рукой зажало народы северо-западной Сибири, окончательно превращавшейся в одну из наиболее бесправных и угнетенных колоний царизма.

---

[1] Там же, стр. 66—69.

Распространение христианства и церковный произвол

С XVIII в. начался новый период в истории народов северо-западной Сибири. Их военное покорение закончилось. Незыблемость царской власти в новой колонии стала очевидной. Сибирь была ограблена и, запустев в итоге, не представляла более особого интереса для правительственной казны. Правительство Петра I, стремясь к созданию единой великой Российской империи, поставило перед собой новую задачу: провести быструю руссификацию всех завоеванных земель и народов. Основной опорой царской власти в его руссификаторской политике являлась церковь.

В XVII в., как мы уже видели, русская администрация иногда даже препятствовала проникновению церковников в туземные районы, боясь встретить в их лице своих конкурентов в ограблении завоеванной земли. Теперь дело было иное. Все, что можно было легко захватить при помощи военной силы, было взято, и приходилось уже перейти от прямого грабежа к методам систематической повседневной эксплоатации туземцев. Руссификация населения для правительства стала необходимостью. В ее осуществлении первое место по праву принадлежало церкви. По указу Петра I в Сибири надлежало «построить училище поповских, дьяконовских и церковников детей, ребяток учить грамоте», чтобы они могли «удостоясь в чин священства народ учить» и «ко святому крещению искать расширения до самого государства китайского» [1]. Синод, по распоряжению императора, должен был подыскать для должности сибирского митрополита такого человека, «который мог бы божиею помощью исподволь в Китае и в Сибири пребывающих в слепоте идолослужения и прочих закоснелых в неверии людей приводить в познание и служение и поклонение истинного живого бога».

[1] Чтения общества истории и древностей, 1863 г., IV, стр. 25.

Таким человеком и явился «просветитель и апостол остяков и вогулов» Филофей Лещинский. Деятельный и решительный, он даже чересчур рьяно взялся за порученное ему дело. Видя в крещении туземцев большую выгоду для церкви, он настаивал перед правительством на полном освобождении всех новокрещеных от ясачной повинности и на даче им ряда льгот. Но подобный способ распространения христианских идей далеко не удовлетворял правительственную казну, совершенно не желавшую терпеть какие-либо убытки. И Петр I, в ответ на это заявление сибирского митрополита, указывал: «Которые иноземцы похотят волею своею креститься в православную христианскую веру и их крестить, а неволею никаких иноземцев не крестить и ясак с них не складывать..., которые татары и иные иноземцы пойманы в смертных винах и похотят креститься на том, чтобы быть им живым, и таких, буде с верою совершенной приступают, окрестя и дав им время довольное на покаяние, потом учинить по уложению и градским законам, да всякие беззакония истребятся»[1].

Таким образом правительство не хотело и теперь отказываться в угоду церкви от своих доходов «с ясачных», но в то же время оно неукоснительно требовало скорейшего крещения туземцев, и когда в 1706 г. Филофей поставил вопрос о даче церкви права облагать «идолов» особым налогом, Петр I решительно воспротивился этому[2], и в 1710 г. указал Филофею, который к этому времени был лишен митрополичьего сана и обратился в простого схимонаха Федора, «ехать вниз великой реки Оби до Березова и далее, и где найдут по юртам остяцким их прелестные мнимые боги шайтаны, тех огнем палить и рубить и капища их разорять, и вместо тех капищ часовни строить... и их, остяков, приводить ко крещению». Но в этом же своем указе Петр, наконец, решился пойти и на некоторую уступку, приказывая снимать недоимки с новокрещеных и дарить им за счет казны белые кафтаны, рубашки и хлеб. «А если кто остяки учинят противность сему нашему указу, — грозился Петр, — и тем будет казнь смертная».

Правительство также брало на себя и расходы по постройке церквей и оплате причта, благодаря чему уже к 1727 г., стараниями схимонаха Федора, на северо-западе Сибири было основано 37 церквей для туземцев[3].

---

[1] Буцинский, Крещение остяков и вогулов, стр. 51.
[2] Там же, стр. 54.
[3] Там же, стр. 57 и 82.

Совершая свои «просветительские» поездки в туземные районы, схимонах Федор встретил здесь решительное сопротивление своей деятельности со стороны населения. Распространять христианство приходилось не столько увещанием, сколько насилием, и схимонах Федор — «вся кумиры, истуканы бездушные сокрушиша, северные капища и кумирницы разориша и сожгоша» [1].

Как только в юрты приходил слух о скором приезде неумолимого крестителя, испуганные туземцы спешили покинуть свои жилища, укрыться в трудно проходимой таежной глуши, унести туда своих древних шайтанов. Когда они не успевали это сделать, тогда незваные гости являлись в их жилища; схимонах Федор, находившийся под надежной защитой своих телохранителей, произносил речь и торжественно сжигал идолов, сгоняя туземцев к реке, где и производил их крещение.

Некоторые туземцы, как например жители Тахтанской волости Пелымского уезда, стремясь предотвратить приезд страшного монаха в свои жилища, сами являлись к нему с просьбой о крещении.

Кое-где, наоборот, население оказывало решительное сопротивление «проповеднику» и дело даже доходило до вооруженных столкновений. Так, манси, руководимые «князем» из Кашуцких юрт, напали на посланцев Федора, после чего гражданские власти по просьбе схимонаха перехватали зачинщиков; арестованный «князь», познакомившись с царскими застенками, был, наконец, крещен и вместе со священником отправлен в свою волость для проведения там массового крещения.

В юртах Катышевых к архиерею явились посланцы от хантэйского «князя» Сатыги и просили Федора поспешить к ним в юрты провести там крещение, тогда как на самом деле Сатыга собрал 600 человек туземцев, намереваясь убить церковников. Но нашлись люди, за награду известившие монаха о готовящемся заговоре. Сатыга и большинство его сторонников были принуждены бежать; те же туземцы, которых удалось захватить в их жилищах, немедленно были крещены.

Осуществляя свое кровавое крещение, церковники старались окрестить в первую очередь обласканных царским правительством «князьков», чтобы при их активной поддержке распространить христианство среди всего народа; так за

[1] Новицкий, О народе остяцком.

1714 г. Федором были крещены в Подгородной волости «князец» Никифор Еуров, в Казымской — Дмитрий Юзорин, в Куноватской — Игорь Данилов, в Ляпинской — Матвей Шекшин, в Сосвинской и Обдорской — Петр и Алексей Гайшины.

Под покровом распространения христианства среди туземного населения шла своеобразная скрытая борьба между русским и татарским купечеством, борьба за свое влияние в северных районах и, отсюда, за первенствующую роль в эксплоатации их населения. Дело в том, что с развитием Тобольска как торгового центра в жизни этого центрального города Сибири наравне с русскими торговцами получали также значение и торговцы татарские. Последние, являясь опасными конкурентами для первых, имели за собой ряд преимуществ, поскольку большинство из них имело старые торговые связи с остяками и вогулами, успело экономически закабалить многие туземные районы и к тому же пользовалось большей симпатией среди туземцев, видевших в них «своего брата», а не представителей ненавистной господствующей нации.

Понятно, что продвижение русского влияния на север грозило жизненным интересам татар-торговцев. Неудивительно поэтому, что в большинстве случаев все активные выступления остяков и вогулов на борьбу с «крестителями» происходили вследствие непосредственной агитации магометанских абызов. Так, мы видим из донесений схимонаха Федора, что возмущение кондинского «князя» Сатыги, Кошуцкой волости и юрт Бурейковых были организованы абызами, направленными туда тобольским муллой Сабанаком[1].

Магометанство решительно конкурировало с православием; так, в одной Подгородной волости (Сургутской) жили остяки, принявшие магометанство[2]. Южнее, среди барабинцев, при проезде иркутского вице-губернатора Ланге в 1714 г., все население было языческим; во время путешествия академиков Миллера и Гмелина (в 40-х годах XVIII в.) большая половина барабинцев была шаманистской, тогда как лет через 20—30 после этого, по свидетельству Георги, «были все уже барабинцы обрезаны»[3].

Борьба церкви с магометанским влиянием была очень затруднена, так как татарские купцы, располагая крупными средствами, постоянно подкупали правительственных чиновников.

---

[1] Буцинский, цит. соч., стр. 85—88; Новицкий, цит. соч., стр. 77 и 92—94.

[2] Буцинский, Сургут, Нарым, Кетск, стр. 7.

[3] Георги, цит. соч., II, стр. 117.

Схимонах Федор в своем донесении от 1724 г. настаивал на высылке из Тобольска в С.-Петербург своего главного противника Сабанака с братом, так как «он, Сабанак, великое препятствие чинит крещению». По просьбе Федора, синод принял соответствующее решение, но местные власти его не выполнили.

Возмущенный Федор в своем донесении 1726 г. жаловался: «Татары подъезжают к новокрещеным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать и старую веру держать. Они ж, абызы, не ведомо по какому указу, многих остяков пообрезали, а около Тобольска и крещеных коснулись и размножают свою проклятую веру...» «ныне они не перестают пакости чинить, а унять их некому, ибо у судей исполнены руки мздою и всем потакают».

Синод писал об этом сенату, сенат — тобольской губернской канцелярии, канцелярия передала «дело об абызах» надворному суду, а последний оставил его без всякого рассмотрения [1].

Но, несмотря на все трудности, церковники не отступали, и благодаря поддержке правительства к концу XVIII в., по крайней мере официально, почти все туземное население северо-западной Сибири считалось православным.

Само собой разумеется, что христианизация туземцев была только внешней, тогда как на самом деле среди северо-западных народов Сибири продолжал господствовать шаманизм. Повсеместно сохранились не только свои национальные обычаи и верования, но не исчезли и шайтаны, которых начали помещать в лабазах, старательно пряча их в таежной глуши. Но в то же время и христианская обрядность, постепенно проникая в туземный быт, преломляясь в старых национальных воззрениях, видоизменялась и приспособлялась к мирному сожительству со старинным идолопоклонством.

Повсеместно расселившееся в крае русское духовенство должно было тщательно наблюдать за «духовной и нравственной» жизнью населения, над туземцами устанавливался крепкий церковный контроль. Сибирские архивы XVIII и XIX вв. переполнены донесениями священников, обвиняющих свою паству в тех или иных нарушениях церковной законности.

Сибирские «инквизиторы» с особенной настойчивостью выискивали спрятанных шайтанов, жестоко карая население

[1] Буцинский, Крещение остяков и вогулов, стр. 85—88.

за их сохранение. Так, по указанию духовной консистории сургутский «князец» Иван Пирчин был в 1748 г. «под плетьми допрашиван» о местонахождении «шайтана, в котле сидящего», где-то на реке Кыис-Югане. Когда на поиски этого шайтана были посланы солдаты, остяки оказали им сопротивление, за что 31 человек из них «биты плетьми»[1].

При ведении следствий о шайтанах церковники действовали настолько ретиво, что даже светские власти, далеко не отличавшиеся мягкосердечностью, принуждаемы были иногда останавливать их.

Церковное наблюдение велось буквально над всеми сторонами жизни туземцев. Вот например, несколько типичных дел из архива тобольской духовной консистории: «Кодский остяк Арачев с товарищи» приговорены к епитимии за то, что они, купив телушку, закололи ее, а «кожу сняли с головою и с копытами... подпоясали покромю, мясо сварили и ели, вино пили и жертву приносили по прежнему суеверию»[2]. «Православные инородцы» Березовского округа привлекались к ответу за то, что они «из подражания некрещеным инородцам украшают псиными шкурами свое одеяние и входят в оном в церковь»[3]. «По доношению Уватского села священника» новокрещен Мамыштаков и его сын обвинялись в том, что они «бросали и топтали святые образа... понеже до сего году зимним временем и весною при происходящих их промыслах как зверя, так и рыбы у них в промыслу мало было»[4]. Всячески преследовались новокрещенцы, «кои с татарами и остяками некрещеными имеют содружество и с ними пьют и едят вместе и прочие чинят противные поступки»[5]. Такая мелочь, как наем работницы, и то требовала особого разрешения от церкви, так например, пимскому новокрещену остяку Миронову, ввиду болезни и слепоты его жены, митрополит разрешил взять работницу, «ежели из родственниц или посторонних, только пожилых и то под присмотром духовного правления»[6].

На подобных нарушителей церковных правил налагались обычно епитимии, а иногда принудительные работы: так, «нарыкарский остяк Лошманов с товарищи, кои убив лошадь, приносили диаволу жертву», были присуждены помимо епи-

---

[1] Тобольск. архив. Дела духовн. консист., № 63 (1748 г.).
[2] Там же, № 113 (опись 1779 г.).
[3] Там же, № 18 (опись 1751 г.).
[4] Там же, № 48 (опись 1754 г.).
[5] Там же, 138 (опись 1751 г.).
[6] Там же, № 22 (опись 1766 г.).

тимии «к 3 годам монастырских тягчайших трудов» [1]. Для надзора за новокрещеными, в помощь духовенству, назначались отставные солдаты.

Очевидно, не только «наблюдение» за туземцами, но и само ведение расследования было делом достаточно выгодным, так как между воеводской канцелярией и духовным правлением бывали конфликты из-за того, кому надлежит проводить следствие [2]. Установление церковного надзора за всей жизнью туземного населения открывало небывалые возможности для произвола и злоупотреблений духовенства. Всевозможные поборы за требы, взятки за сокрытие тех или иных нарушений религиозных требований, экономическое закабаление и, наконец, открытый грабеж в XVIII в. стали повседневным явлением в жизни сибирского духовенства.

Митрополит Антоний в 1726 г. приказывал духовенству под опасением штрафа и жестокого наказания не брать лишних поборов за совершение треб, «дабы они теми лакомствами не чинили новокрещенцам в вере развращения». Он устанавливал строгую таксу, предписывая брать «за венчание — гривну, за погребение больших — гривну, за погребение малых — 5 коп., за крещение — 3 коп., за молитвы роженице — 2 коп., за сороковые молитвы — 2 коп., а прочее от сорокоустов до молебнов оставляется в вольное произволение подающих». Но все эти предписания оставались предписаниями, бумага терпела все, а жизнь шла своим чередом.

Для духовенства, орудовавшего среди туземного населения, наиболее доходной статьей являлось взяточничество; так например, в Сосвинской волости священник Рещиков брал взятки за то, чтобы не доносить об «идольских жертвоприношениях» [3]. На подобные же поборы жаловались и Мазьянские остяки, предпочитавшие получать кару за совершенное жертвоприношение, чем постоянно давать протопопу Андрею Васильеву «мягкую рухлядь» [4]. Березовский протопоп Иванов обвенчал за взятку жену «новокрещеного ясашного остяка» Сосвинской волости Мандина с новокрещеным остяком Мангадиным, который «воровски увел ее от мужа» [5]. Священник Булатников не давал разрешения остяку Артензееву жениться «на девке Анне», требуя за это позво-

[1] Там же, № 80 (опись 1763 г.).
[2] Там же, № 79 (опись 1765 г.).
[3] Там же, № 113 (опись 1772 г.).
[4] Там же, № 202 (опись 1760 г.).
[5] Там же, № 8 (опись 1744 г.).

ление «чего-нибудь себе получить во взяток»[1]; поп Реполовского погоста «свенчал в малолетстве два остяцких брака».

Дел о подобных злоупотреблениях было великое множество, а ведь, конечно, только самая незначительная часть из них достигала в виде жалоб до архиерейского тобольского дома.

Живя среди туземного населения, церковники выступали в роли торговцев и промышленников, которые, используя свое положение, жестоко эксплоатировали подведомственное им население, «причиняя новокрещеным остякам обиды, беря у них за долги пожитки, присваивая покосы и избивая прихожан»; протопоп Юганской волости Усольцев «занимал остякам в голодный год хлеб» и требовал с закабаленных туземцев непомерных платежей[2] и т. п. Но далеко не ограничиваясь экономическим закабалением, не удовлетворяясь теми доходами, которые получали церковники всеми описанными способами, они не брезгали и прямым грабежом имущества своих бесправных прихожан, рассчитывая на полную безнаказанность всех своих поступков: белогорский поп Серебренников принуждал туземцев строить ему двор, у ханта Кондратьева взял несколько жердей, а у одного новокрещенного разобрал баню и переставил ее к себе[3]. Березовский священник Какаулин заставлял остяка Паштерхова на себя работать, ничего ему не платил и жестоко избивал несчастного[4]. Уже упомянутый выше протопоп Рещик поступил еще проще, буквально ограбив у остяков Ваурьинских юрт их коробья, где хранились приклады и серебряные вещи[5]. Чрезвычайно частыми являлись жалобы на побои со стороны духовенства. В результате вымогательств протопопа Максимова один из коринских остяков не смог их вынести и зарезался[6]; кое-кто из церковнослужителей (Березовские священник Московитин и дьячок Булатницкий, а также Сосвинский дьячек Упадышев), не довольствуясь всеми этими способами обогащения, принимались даже за раскопку и ограбление туземных могил, куда вместе с покойником обычно клались ценные одежды, меха и прочие вещи[7].

Церковь ложилась тяжелым гнетом на население северо-западной Сибири.

---

[1] Там же, № 146 (опись 1779 г.).
[2] Там же, № 100 (опись 1768 г.).
[3] Там же, № 28 (опись 1761 г.).
[4] Там же, № 23 (опись 1753 г.).
[5] Там же, № 115 (опись 1780 г.).
[6] Там же, № 50 (опись 1754 г.).
[7] Там же, № 127 (опись 1773 г.) и № 44 (опись 1744 г.).

Организация управления в XVIII—XIX вв.

В целях дальнейшей руссификации края и установления в нем новых порядков Петр I преобразовал Сибирь в огромную губернию с центром в Тобольске. Не стало здесь больше царских воевод с длинными бородами, наряженных в подбитые соболями охабни, и на месте появились губернаторы, затянутые в суконные камзолы. Но по существу полная бесправия сибирская жизнь продолжала течь по-старому.

Правда, с начала XVIII в. усилились наказания правителей: подчас их ссылали на каторгу, им вырывали ноздри, били кнутом и даже рубили головы, но все это бывало редко, и сибирская администрация продолжала свои своевольства.

После казни за взяточничество первого сибирского губернатора Гагарина, де-Генин писал Петру I из Сибири: «И хотя здесь всем известен экземпель, учиненный князю Гагарину, однако здесь, в Сибири, не унимаются бездельники. От земских комиссаров лишние сборы чинят и обиды народу: Судебные комиссары делают великие пакости и неправды. И хотя челобитные и донесения на них от бедных людей есть, но никакого розыска и решения не чинится, и на кого бьют челом, те по воле ходят, и знаемо, что таким ворам потачки от надворных судей. Так же об учиненных обидах от солдат рассмотрений и резолюций не чинится. А камериры своим подчиненным, также надворные судьи и магистрат своим подчиненным потакают» [1].

Сибирские чиновники, все, от мелкого писаря и до губернатора, исходя из того, что «до царя далеко, а до бога высоко», делали все, что хотели. В злоупотреблениях создавалась своего рода круговая порука — все знали о совершаемых преступлениях и несправедливостях, но молчали и делали вид, что никто ничего не знает. Многочисленные жалобы населения, попадая в канцелярии, предусмотрительно клались под

[1] Ядринцев, Сибирь как колония, стр. 472.

сукно и в большинстве случаев оставлялись без всякого рассмотрения и движения или, наоборот, начинали усиленно передвигаться от одного чиновника к другому, пока окончательно не утопали в волнах канцелярской волокиты.

Такого вопиющего произвола, как в Сибири, никогда не бывало ни в одной из других губерний государства российского.

Объясняя это отдаленностью страны от центральных органов управления, русское самодержавие обычно видело единственный способ налаживания деятельности административного аппарата в усилении местной губернаторской власти, что, понятно, приводило как раз к обратным результатам, т. е. к еще большей распущенности и безответственности.

Становясь на этот путь разрешения задачи, императрица Екатерина II решила объявить Сибирь особым «царством», превратив ее в наместничество. Правительство Екатерины II начало чеканку особой сибирской монеты, а в Тобольске был даже водружен царский трон.

На этом троне, символе царской власти, сибирский наместник принимал свидетельства верноподданнических чувств от киргизских ханов и остяцких князей.

Если царское правительство с самого начала захвата Сибири стремилось опереться на туземную знать, то подобная его политика особенно четко выразилась именно во время царствования «казанской помещицы» Екатерины II, когда опять начали усиленно выдвигаться туземные «князья», на которых щедро сыпались милостивые царские грамоты, утверждавшие их в княжеском достоинстве, медали и прочие подарки.

Давая какому-нибудь «обдорскому князю Тайшину» титул, а с ним вместе «алый бархатный кафтан с воротником и полами, обложенными золотым галуном, камзол из белого атласа, вышитый золотом и блестками, красные сафьяновые сапоги, малинового бархата шапку, обложенную золотыми шнурками, и пояс с кортиком», императрица рассчитывала, — и в расчете своем была совершенно права, — что в лице всей этой «знати» она найдет верных пособников в осуществлении своей политики, направленной на эксплоатацию населения Сибири и ее природных богатств.

И хотя в 1799 г. наместничество и было отменено в Сибири, трон отправлен обратно в Петербург, а Тобольская губерния восстановлена в прежнем виде, тем не менее и национальная политика правительства и деятельность сибирской администрации остались по существу без изменений.

«Когда, — пишет в своих воспоминаниях один из сибирских сторожилов С. С. Шукин, — Сперанский, ехавший по Сибири в качестве генерал-губернатора в 1819 г., изумлялся неслыханным злоупотреблениям разных лиц, он отрешил первого исправника Зинова, на которого вся жалоба состояла в удержании 50 руб., следовавших крестьянам за постройку моста; но чем ехал далее, тем жалобы возрастали. Сказывали, что по приезде в Томск он приказал написать отрешенному исправнику Зинову, чтобы он, как честнейший из исправников, приехал в Иркутск, где получил новое назначение»[1].

Может быть в отношении Зинова это и анекдот, но сам Сперанский в своих записках также говорит, что он принужден «людей, отрешенных в одном уезде или в одной губернии... употреблять в другой».

При существовавшей тогда системе административного управления Сибири, губернатор, даже если бы он сам оказался честнейшим человеком, все равно ничего не мог бы сделать.

«Как я могу управлять без моральной власти?» — восклицает Сперанский. «Скажут — законами, как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполнять без исполнителей?»[2]

По инициативе Сперанского в 1822 г. была проведена административная реформа в Сибири и издано знаменитое «положение об инородцах», согласно которому в туземных районах создавалась известная видимость самоуправления.

Во главе каждого рода становился наследственный или выборный староста «из числа лучших людей», т. е. туземной знати и кулачества; несколько родов объединялось под управлением так называемой «инородческой управы», состоявшей из головы и выборных. На родовые управления и инородческие управы возлагались различные полицейские, судебные и хозяйственные обязанности, общее же административное руководство всей их деятельностью сосредоточивалось в руках земской полиции, т. е. фактически, в пределах огромной территории, пристав являлся полным и самовластным вершителем судеб всего населения.

Пристава, с одной стороны, а туземные «князья» и «лучшие люди», с другой, прекрасно сговаривались, легко находя

---

[1] Там же, стр. 502.

[2] Письмо Кочубею (Цит. по Ядринцеву, цит. соч., стр. 504).

общий язык, и постоянно поддерживали друг друга в обирании населения.

На обязанности становых приставов лежал сбор ясака; они разъезжали по юртам и кочевьям и, получая ясак, могли свободно и бесконтрольно класть львиную долю его себе в карман.

В лице туземного населения пристава имели также и необходимую им для хозяйства даровую рабочую силу, которую туземные правители с удовольствием готовы были предоставлять своему начальству. Так например, в Тундринской инородческой управе хантэ должны были выбирать «из каждой сотни по одному человеку и командировать их по очереди в квартиру станового пристава»[1].

Со своей стороны, и пристава, вместе со всем русским начальством, не скупились на предоставление льгот «князьям» и старшинам, ходатайствовали о награждении их кортиками и медалями за всякие заслуги, вроде как за «оказанную ими при сборе с инородцев ясака пользу для кабинета его императорского величества», или добивались еще и больших наград. Так например, обдорский «князь» Тайшин в 1866 г. подал докладную записку о том, что он, по установившемуся издревле обычаю, пользовался «добровольными приношениями», но что ему в начале 1864 г., по жалобе на него, воспрещено впредь ими пользоваться, почему он, Тайшин, теперь просит «предложить вверенным ему инородцам по обоюдному соглашению посредством приговора определить для него, Тайшина, приличные средства»; просьба была уважена, и «князь» получил 100 рублей из «инородческого запасного капитала» [2].

Редко-редко, когда жалобы туземцев на свое начальство находили должное удовлетворение. Так, когда, например, в 1800 г. «ясашные» просили сменить сильно насоливших им исправника и заседателя, губернское начальство отделалось резолюцией, предписывавшей подобные просьбы, «как с законным порядком несогласованные», приобщать к делу [3].

---

[1] Тобольский архив. Дела Тундринской инородч. управы за 1903 г., № 26, л. 2—3.

[2] Там же, Дела Тобольск. губ. управы за 1866—1867 г., № 123.

[3] Там же. Дела Тоб. губ. управы, журнал 1800 г., ф. 329, л. 18.

Захват угодий русским кулачеством

Хотя заселение северо-западной Сибири русскими и на
чалось еще во время завоевания этой страны в XVI в., н
все же в тот период пришельцы предпочитали заниматьс
открытым грабежом и торговлей, а не заводить свои про
мыслы в целях планомерной эксплоатации. Поэтому захват
туземцев богатых пушниной угодий (урманов) и рыболовны
песков по существу начался только в XVIII в., достигну
особенно крупных размеров с начала прошлого столети
Царская администрация, на словах защищая туземцев о
потери ими своих угодий, фактически смотрела на захват и
русским кулачеством сквозь пальцы, а чаще и прямо и
косвенно поощряло захватчиков, а то и официально переда
вала им земли, наделяя «крестьян села (имя рек)... рыбны
и звериными угодьями из части, остякам принадлежащей».

Хотя, по «положению» Сперанского, земли «инородцев
и закреплялись за ними, а русскому кулачеству запрещалось
присваивать их себе, тем не менее с этим законоположение
мало кто считался, и далеко нередко бывали случаи сам
открытого присвоения русскими туземных угодий, присвое
ния, производившегося с ведома и под прямым покровитель
ством администрации.

Форму, в какой протекали подобные захваты угодий
прекрасно характеризует дело, хранящееся в Тобольско
архиве и содержащее ряд жалоб остяков юрт Ясакиных, Са
лымской волости, Сургутского уезда. В мае 1884 г. Ива
Ясакин подал жалобу на отставного урядника бывшей Сур
гутской казачьей команды Дм. Пучкина, рассказывая
том, что он, Пучкин, самовольно обосновался на земле, пр
надлежащей Ясакиным юртам, и не только не дал законны
ее владельцам ловить здесь рыбу, но так напугал самог
Ивана Ясакина, что тот даже оставил в воде свой невод. Т
ли потому, что поступок отставного урядника был слишко

вопиющим по своей наглости, то ли потому, что Пучкин не сумел дать должного «гонорара» лицам, власть имущим, но только ему было предложено снести свои постройки с земли, принадлежащей туземцам. Законное требование истцов на этот раз было удовлетворено. Но ясакинские угодья являлись лакомым кусочком не только для отставного «держиморды», а на них также зарились кулаки из деревень Тундриной и Кушниковой. Эти новые претенденты на чужую собственность, вероятно, сумели тем или иным способом более понравиться сургутскому окружному начальнику, который сразу же после изгнания Пучкина предписал «Ивану и Степану Ясакиным с товарищами», чтобы они «не устраняли крестьян деревень Тундриной и Кушниковой от промыслов рыболовными местами в реке Оби и притоках ее», а пользовались бы этим правом «наравне, не причиняя друг другу никаких обид». Возмущенные остяки вновь подали жалобу, но... бумага, а особенно бумага канцелярская, все терпит, и несчастные владельцы угодий получили в ответ уведомление, что их жалобы «на стеснения крестьянами деревень Тундринской и Кушниковой в пользовании рыболовными местами... не подтвердились», и Ясакины волей-неволей должны были подчиниться неумолимому решению и уступить свою землю захватчикам [1].

Но туземные угодья попадали в цепкие лапы русского кулачества не только одним этим путем прямого захвата.

На какие только ухищрения не шли предприимчивые промышленники для того, чтобы тем или иным способом присвоить себе «инородческие вотчины».

Одной из распространенных форм их присвоения являлся заклад.

Обираемое правительством, духовенством, национальным и русским кулачеством, туземное население в своей массе находилось в столь бедственном положении, что принуждено было терпеть постоянные голодовки и не имело, подчас, возможности своевременно расплатиться с долгами и внести ясак. Приходилось в поисках необходимых средств прибегать к закладу своих земель, обрекая себя этим самым на полное лишений существование, теряя последние свои средства к жизни — пушные и рыболовные угодья.

Заложенные буквально за гроши угодья должны были выкупаться с огромными процентами, нараставшими ежегодно не только на сумму займа, но и на проценты. С потерей уго-

[1] Там же. Дела Тундринск. инородч. управы за 1884 г., № 6, л. 10—11 и за 1885 г., № 18, л. 13 и 34.

дий доходы туземцев падали и они оказывались действительно в безвыходном положении, не имея никаких возможностей выкупить из залога свои земли, а выкупные платежи между тем с каждым просроченным днем возрастали и возрастали.

Так, известен факт, когда туземцы заложили в 1688 г. угодья за 1 руб. 50 коп. и на протяжении 135 лет, вплоть до 1823 г., не могли выкупить свои земли [1].

Пожалуй еще более, чем «заклады», был распространен захват туземных земель путем их арендования или картомы.

Несмотря на постоянный рост цен, арендная плата на протяжении всего XIX столетия совершенно не возрастала. Из доклада березовского земского комиссара за 1800 г. видно, что «жительствующие по берегам Оби ясашные отдают тобольским купцам и мещанам к промыслу пески для рыбной ловли, получая от них картому (арендную плату) от 20—30 до 50 руб. в лето» [2], а по «спискам рыболовных песков» за 1878 г. видно, что купцы-арендаторы платили тем же березовским туземцам за лучшие пески по 30—40 руб. в год [3].

Ханты Мелясовы, владевшие Кайновой протокой на Оби, близ Салыма, сдавали ее в аренду вплоть до 1917 года пушниковским кулакам, получая картомы по 5 руб. на человека (мелясовских владельцев протоки было 20 человек), тогда как протока давала им ежегодно более 15 тонн рыбы [4].

В 1816 г. арендаторы песков у березовских хантов получали с каждого песка рыбы рублей на 200—300, платя в то же время за каждый песок только 10 руб. картомы [5].

В 1848 г. березовские остяки отдавали в аренду 150 песков за 6 050 руб., арендаторы же выручали на них 99 530 руб. [6].

Картома бо́льшей частью выплачивалась товарами и продуктами. Само собой разумеется, что это давало возможность арендатору выгадывать еще более, обманывая и обвешивая туземцев.

К тому же арендаторы постоянно стремились вовлечь хозяев в долги, а, делаясь должником, туземец должен был отдавать песок в аренду тому же лицу уже и на следующий год.

Таким образом рыболовные угодья совершенно перехо-

---

[1] Ядринцев, Сибирь как колония, стр. 414.
[2] Тобольск. архив, Дела Тобольск. губ. управы, журнал 1800 г., л. 645—648.
[3] Там же, Дела Тоб. губ. управы, отд. III, № 572.
[4] По воспоминаниям местных жителей.
[5] Ядринцев, Сибирские инородцы, стр. 72.
[6] Там же.

дили в собственность арендатора. Если нельзя было приобрести всей рыбалки, кулаки старались приобрести пай и, понемногу входя в компанию, овладевали всеми паями благодаря недостоверным начетам на туземца.

Так, ряполовские и цингалинские остяки давали пай в своих рыболовных угодьях ряполовским крестьянам.

В 1823 г. они лишили цингалинских хантов их пая, а в 1825 г. та же участь постигла и ряполовских остяков. Крестьяне, овладев угодьями, в свою очередь были принуждены передать их в аренду купцам. Так, в конце XIX столетия хозяевами этих песков стали тобольские торговцы и прасолы, истреблявшие здесь рыбу в огромном количестве самым хищническим образом[1].

Благодаря развитию кабальных отношений между трудовым туземным населением и кулачеством туземец, лишенный части своих земель, оказывался в положении оброчного по отношению к лицам, захватившим землю.

В официальных документах развитие крепостнических отношений отражалось в скрытой, но достаточно выпуклой форме.

Вот например, любопытная челобитная, поданная еще Петру I «новокрещенцами Кошуцких волостей»: «князцы Иван Григорьев и Семен Петров бьют челом» — говорится в ней — «крестились они в православную веру своей волей, а поучиться им не от кого, для того, что Кошуцкая волость отстоит далеко и при той волости селения русских людей нет никакого; и для науки пожелали они, чтобы русские крестьяне Тагильской волости, Верхотурского уезда, переселились к ним, а последние и сами того желают». Далее челобитчики обязывались для русских переселенцев отвести из своих владений пахотную землю и покосы и уплачивать за них в казну оброчные деньги[2].

В этом замечательном документе мы несомненно имеем яркое свидетельство о закабаленности туземного населения. Ведь само собой понятно, что не ради приводимых мотивов туземное общество отдавало свою землю и обязывало платить за русских кулаков и купцов. Несомненно, что население Кошуков уже до этого попало в экономическую зависимость к тагильцам, а теперь только находился соответствующий предлог для официального оформления этой зависимости.

Развитие кабально-крепостнических отношений среди березовских остяков прекрасно отобразил в своих записках

---

[1] Там же.

[2] Буцинский, Крещение остяков и вогулов, стр. 83.

путешественник 80-х годов прошлого столетия И. С. Поляков. «В низовьях Оби, — сообщает он, — существует село Шаркалинское, почти исключительно населенное Новицкими, предок которых, Григорий Новицкий, в первой четверти XVIII в. был поставлен наблюдать за исполнением христианских обязанностей между новокрещеными остяками и убит ими при ревностном исполнении своих обязанностей.

Эти Новицкие кормят остяков, одевают и обувают, вносят за них ясак и подать на огромном протяжении от Кондинска и Шаркалов далеко до Березова; зато на сотню верст они арендуют у инородцев большую часть песков или рыбных ловель. При этом ставятся остякам следующие условия: за пуд хлеба, стоящий на Оби от 30 до 35 коп., берут 10 белок; на белку — 2 фунта соли; 1 фунт табаку — 5 белок и т. д. Таким образом пуд хлеба приходится остяку, считая белку в среднем по 12 коп., в 1 руб. 20 коп., а белка придет Новицким в 4 коп. вместо 12 коп.; пуд соли обойдется остякам в 2 руб. 40 коп., а стоит она 80 коп., табак, стоящий 5 коп., обходится остяку в 60 коп.; 100 медных колец стоит в Ирбите 50 коп., а Новицкие берут за 5 колец по белке или 12 коп. (т. е. 2 руб. 40 коп. сотня), за одну сальную свечку белка и т. д.

С инородческих песков Новицкие погружают до трех больших павозков всякого рода рыбы за обыкновенную, существующую на р. Оби, низкую арендную плату, между тем как остяк, прикормленный ими, наделенный хлебом, состоящий кругом в долгах, не имеет права ни отдавать песков, ни пушного товара в какие-либо другие руки»[1].

Постепенно лишаясь своих угодий, туземное население было принуждено отходить в глубь страны, поднимаясь вверх по речкам, где рыболовные участки еще сохранялись за ним. Здесь уловы и вообще были худшими, а к тому же они нередко еще подрывались тем, что новые владельцы, захватившие в свои руки низовья реки, ставили здесь поперечные неводы и запоры, перегораживавшие всю реку и не допускавшие рыбу в ее вершину.

Так, юганские ханты в постановлении своей общественной сходки (24 июня 1903 г.) писали о том, что русские рыбопромышленники, производя ловлю рыбы в устье реки Югана большими неводами во всю ширину реки, тем самым «лишают последнего пропитания... их, инородцев»[2].

---

[1] Ядринцев, Инородцы Сибири и их вымирание.

[2] Собольский архив, Юганская инородч. управа. Дела за 1903—1905 гг., № 273, л. 49—54.

Торговая эксплоатация

Усиленное развитие торговли с туземцами в XVII в., в этот период первоначального накопления капитала за счет ограбления новых земель, для северо-западной Сибири несколько приостановилось в XVIII в., поскольку теперь край был уже настолько разорен после полуторавекового хозяйничанья, что выколачивание из него таких же больших прибылей, как это было раньше, стало затруднительным. Но, несмотря на это, на всем протяжении XVIII в. наблюдалась явная борьба между двумя группами эксплоататоров, постоянно конкурировавших друг с другом в деле ограбления туземцев: между царской администрацией и купечеством.

Если последнее добивалось полной свободы торговли в северных районах, то дворянское чиновничество, наоборот, видело в свободной торговле угрозу для своего монопольного положения в грабеже туземного населения.

Ярким проявлением борьбы этих двух группировок явилась правительственная инструкция 1763 г., которая, якобы в целях «отвращения притеснений и обманов инородцев», ограничивала права частных торговцев, разрешая им выезжать «в инородческие стойбища» только во время ярмарок.

Запрещение это, однако, постоянно обходилось и было совсем оставлено после указа 1787 г. «о неограниченной свободе внутреннего хлебного торга».

Но в 1810 г., сначала иркутское губернское начальство, а следом за ним и начальство других сибирских губерний, возобновили отброшенное запрещение.

После этого почти вся внутренняя торговля была вновь поставлена в зависимость от произвола земских чиновников. По Тобольской губернии была воспрещена продажа хлеба березовским остякам из частных лавок, чтобы этим не подрывать барышей от казенной торговли.

Несколько лет спустя (в 1817 г.) эта мера была опять уничтожена положением комитета министров, но так как ее отмена была невыгодна местной администрации, то, несмотря на объявление свободной торговли, земские чиновники или вовсе не допускали частных торговцев под тем предлогом, что ясак еще не собран, или же допускали их, но на выгодных для себя условиях, участвуя, таким образом, в получении определенной доли с торгового дохода.

Само собой разумеется, что купцы в особенном накладе от этого не были, так как они с лихвой наверстывали затраченное путем увеличения своих барышей за счет туземцев.

Уже к середине XIX в. торговая деятельность частного капитала в северо-западной Сибири имела весьма крупные размеры. Основными торговыми центрами края являлись периодически организовывавшиеся ярмарки в Обдорске, Березове, Мужах, Ларьяте и с. Юганском.

О размерах развивавшейся торговли можно судить хотя бы на примере Обдорской ярмарки, куда, по официальным, конечно сильно преуменьшенным данным, в 1850 г. хантами и ненцами были завезены следующие товары[1]:

Наименование товаров	Количество	На сумму (серебром)
Лисиц (сиводушек и белодушек)	500	2 000
Песца белого	15 000	12 000
Недопеска, крестоватика, норника	2 000	800
Белки	15 000	1 200
Медведя белого	25	105
Горностая	5 000	1 500
Оленьих шкур	2 000	2 000
Неплюев	700	1 050
Пешек	1 000	500
Мамонтовой кости (пудов)	80	400
Лодок	150	750
Тисок (штук)	200	300
Тагаров	100	50
Чаги (пудов)	30	30
Вотлипу (пудов)	50	25
Итого	—	22 710

В этом же году на Березовском торгу туземцами было продано купцам пушнины на сумму в 25 470 руб.

Одновременно обороты мелких торжков составили:

[1] Абрамов, Описание Березовского края, стр. 415—417.

в с. Мужах — 2 710 руб., в Ларьяте — 1 620 руб., в Мало-Юганском — 1 950 руб.

Но само собой разумеется, что при чрезвычайной малочисленности северного населения, при его раскиданности на огромных пространствах тайги и тундры, при трудности сообщений, ярмарочная, централизованная торговля не могла здесь иметь большого значения и основное количество товаров скупалось и продавалось торговцами при их постоянных разъездах по туземным юртам и стойбищам.

Эту разъездную торговую деятельность русского купечества так описывал в середине прошлого столетия Абрамов: «Осенью, в ноябре, мещане и некоторые из казаков с заранее приготовленным печеным хлебом и взятыми у купцов товарами на инородческую руку: табаком, холстом, сукном и пр.» отправляются (из Березова) на оленях каждый в свою сторону, к остякам, живущим на реках Оби, Казыме, Сосве, Ляпине, Сынье и др., выменивают пушных зверей и рыбу и, возвратившись около половины декабря, расплачиваются с купцами намененной рухлядью и рыбой и потом, взяв у них товаров, отправляются на Обдорскую ярмарку.

По отбытии купцов на Ирбитскую ярмарку, помянутые торгаши в феврале месяце, со взятыми вновь товарами и хлебом, разъезжаются по юртам и вновь скупают рухлядь и расплачиваются ею с возвратившимися купцами, которые этот привезенный ими пушной товар в июне через Тобольск отправляют на Нижегородскую ярмарку»... весной «по вскрытии рек, в первых числах июня, приходят из Тобольска в г. Березов до 10 рыбопромышленных судов с хлебом и разными товарами, состоящими в железных вещах, сетях, ситцах, холсте, сукне и пр.».

Хозяева «задают» торгашам хлеб и другие товары, и предприимчивые спекулянты вновь «отправляются на каюках (крытых лодках) по юртам... выменивают и солят рыбу, расплачиваются ею с купцами, которые, если имеют свои суда, отправляют на них этот товар в Тобольск, а у кого судов нет, те сдают его другим на кладь, которая из Тобольска идет по губернии и даже в Екатеринбург на горные заводы» [1].

Если в роли оптовиков выступали крупные торговые акулы Сибири, то вполне понятно, что их контрагентами, посредниками, являлось обычное местное кулачество как русское, так и национальное, а равно и лица, только и занимавшиеся спекуляцией.

---

[1] Там же, стр. 418—420.

Еще в середине прошлого столетия, по наблюдениям того же Абрамова, была «ценность денег остякам и самоедам мало известна. Общим мерилом для денег остается доселе (речь идет о 40—50-х годах XIX в.) у остяков — белка и рыба максун, а у самоедов — белый песец».

По более поздним свидетельствам, благодаря незнанию туземцами счета, торговля еще в конце XIX в. носила иногда форму, близкую к немому торгу, форму, унаследованную от древнейших времен.

«Является к продавцу остяк со шкурками, — описывает очевидец, — уговаривается о цене каждой и раскладывает десяток их на полу юрты; покупщик кладет на каждую шкурку условленную плату; остяк собирает деньги, а покупщик — шкурки. Когда продажа всех шкурок остяком кончена, начинается тем же способом покупка товаров продавца»[1].

Излюбленным методом реализации товаров купцы считали продажу их в кредит, так как это открывало перед ними исключительные возможности к торговому закабалению и обману туземцев. Торговая книга и счеты представлялись неграмотным хантам, манси или ненцам каким-то чудовищем, роковым признаком надвигающейся нищеты и разорения.

О некоем купце Фролове и его счетах салымские ханты даже сложили песню на русском языке (автором ее называют Кирилла Ефимовича Аламина).

«Называюсь я — Фролов,
Из старинных рыбаков,
Кибас, наплыв набираю
Для подборки неводов,
Отправляюсь я на низ
(из Тобольска),
До Салыма доплываю,
Судный якорь я спускаю,
Громкий голос подаю.
— «Ну, здорово, землячки,
Все ясашны остячки!»
Они толком понимают,
На мою баржу вступают.
Нову речь я завожу,
Новы счеты им кажу.
— «О здоровье моим пальцам,
Вы молитесь, остячки!
Новы счеты я привез,
Калачей привез и шубу.
Вот, ребята, слушайте меня.
Лето будет — вы ко мне,

[1] Изделия остяков Тобольск. губ. («Ежегодник Тобольск. губ. музея», 1909, XIX, стр. 112).

Зима будет — вы в казне».
Остячки, брат, молодцы
Толком дело понимают,
В лямку все ко мне вступают.
Наловили мы сорок тысяч максука́
И у нас тогда была сечена,
Были драки и обсчеты,
А не шуба и калач,
А уж эти новы счеты,
Одно горе, только плачь.
Разорились мы дотла!
И уехал он тогда.
«Уезжаю я теперь,
А вас кормит пусть казна»[1].

Нескладная песня, но сколько горькой народной иронии над своей собственной долей заключено в ней!

Небезынтересно познакомиться с торговой карьерой этого Фролова, который в конце прошлого столетия всецело держал в своих руках почти все хантэйское население р. Салыма.

Первоначально он занимался рыболовством и, приехав на большой лодке, ловил рыбу на двух, взятых им в аренду, сорах; так ездил Фролов года три; затем привел баржонку и, наконец, баржу.

Туземец Кирилл Аламин, автор приведенной песни, работал у него. Он вспоминает:

«Стоим мы бывало на барже.

Смотри, Кирилл, — говорит Фролов, прищуриваясь, — кажется салымские едут вдали. Не вижу что-то, полные у них лодки или нет?

— Грузные лодки.

— И вартопы по воде тащатся?

— Да.

— Ладно, уж, — говорит, — у меня муки малость осталось, я мог бы в должишко им дать».

Фролов, скупая у туземцев рыбу, никогда ее не взвешивал, а брал счетом, принимая за пуд на круг максуна по 22 штуки, а крупных по 19, тогда как на самом деле в этом количестве рыбы есть верных два пуда.

Так как все снабжение туземного населения необходимыми привозными товарами было в руках этих же самых торговцев, то нередко они прибегали к различным способам искусственного вздутия цен на свои товары и, наоборот, снижения заготовительных расценок на рыбу и пушнину.

Тот же Фролов, используя свое почти монопольное по-

[1] Записана мною в юртах Лемпиных в 1936 г.

ложение в торговле на Салыме, иногда во время лова отказывался брать рыбу у туземцев и в то же время не снабжал их солью. Только когда пойманная рыба начинала портиться и рыбаки оказывались в безвыходном положении, грозившем им буквально голодною смертью, Фролов объявлял, что он «так и быть выручит» и хотя, мол, рыба ему и не нужна, он ее купит. Издеваясь над остяками, он заставлял их брать в каждую руку по две щуки и говорить «раз», т. е. принимал рыбу счетом 4 штуки за одну.

Благодаря повсеместному развитию торговли в кредит туземцы были прочно привязаны к своему заимодавцу. Торговцы требовали от него и в дальнейшем продажи им всей добываемой продукции пушнины и рыбы, которую они, используя свое монопольное право, приобретали по цене, стоящей в несколько раз ниже рыночной стоимости этих товаров.

Например Василий Мелясов, салымский остяк, являющийся в настоящее время стодесятилетним старцем, на протяжении всей своей долгой жизни, до самой революции, раскрепостившей его, выплачивал Фролову долг своего отца и так и не мог его выплатить. Будучи хорошим рыбаком, Василий частенько имел прекрасные уловы, которые вполне могли бы обеспечить ему безобидное существование, но, вынужденный отдавать их своему кредитору, старик всю жизнь не выходил из нищеты и побирательства[1].

Цены, платившиеся купцами туземцам, были смехотворно низкими. По свидетельству топографа Юрьева, в 1847 г. в Березове (в самом Березове, а не в глухом, отдаленном районе!) «за лодку нужно заплатить столько максунов, сколько в нее поместится оных; за котел платится чистого рыбьего жира столько, сколько в него можно налить; за простой ножик с деревянным черенком, облитым оловом, платился от 30 до 50 максунов; аршин простого красного или желтого драдедаму стоит 4 песца или 120 максунов; даже простое медное кольцо, стоющее едва ли 1/2 коп. серебром, продается за 1—2 максуна. Сами же березовцы получают за максуна соленого, сдаваемого на дощанники, не дешевле 10 коп. серебром»[2].

По донесению тобольского губернатора, описывавшего положение остяков, в 1882 г. на р. Надыме рыбопромышлен-

[1] Деятельность Фролова охарактеризована по воспоминаниям салымских ханта.

[2] Юрьев, Топограф. описание Сев. Урала (Записки Русск. геогр. общества, 1852 г. VI, стр. 322).

ники платили хантам рублей 30 — 50 и мережу за половину всего улова![1]

А что это были за товары, которые по таким баснословно высоким ценам забрасывали торговцы в туземные юрты!

По словам д-ра Соколова (1867 г.) хлеб для туземцев «обыкновенно заготовляется в Обдорске и Березове; мука привозится часто затхлая, хлеб печется и сваливается в виде поленьев в сарае. Что это за хлеб, можно себе представить!».

Про товары, реализовавшиеся здесь, широко была распространена поговорка: «Никуда не годно, так в Сибирь».

А какое колоссальное распространение имела на севере водка! Купцы буквально спаивали туземцев. Тысячи ведер спирта, расходясь по кочевьям и юртам, обращаясь в драгоценную пушнину, звенели золотом в просторных купеческих карманах.

В одном Березове в пятидесятых годах XIX в. ежегодно расходилось 12 000 ведер, тогда как само население этого городка едва достигало 1 000 человек[2]. Вся эта масса страшного зелья развозилась по тайге и тундре.

Даже невозмутимая царская администрация временами начинала беспокоиться о тех огромных разорениях, какие несло с собой спаивание населения[3]. Но распоряжения, увы, оставались распоряжениями и местное кулачество продолжало свою хищническую деятельность.

В Самарове на вопрос тобольского губернатора о том, «как живется?», промышленник ответил ему: «Благодаря господу богу остяками живем, хорошо нас кормят».

К концу XIX и началу XX столетий вследствие хищничества торгового капитала туземцы были чрезвычайно разорены, так обнищали, что дальнейшая торговля с ними перестала давать прежние выгоды.

К этому времени, несмотря на то, что барыши на товары попрежнему были громадные, доходя до 100 и 200%, обороты торговцев, если они только не занимались рыбным промыслом, а это уж дело другое, исчислялись обыкновенно рублей в 200—300 и редко достигали 500 руб[4]. Грабительская торговля начинала в результате полного разорения населения изживать себя, и вложенные в нее капиталы постепенно отливали в область рыбопромышленности.

---

[1] Тобольский архив, Дела Тобольск. губ. управы, за 1882 г., № 638, л. 55.

[2] Абрамов, цит. соч., стр. 363—365.

[3] Тобольский архив. Дела юганской инородч. управы за 1893 г., № 156.

[4] Ядринцев, Сибирские инородцы, стр. 81.

Рост классового расслоения среди туземцев

Процесс разложения родовых отношений, начавшийся, как мы видели, еще до русского завоевания, особенно ускорился под влиянием торгового капитала.

Тем не менее пережитки коллективного родового быта сохранялись еще в наиболее северных и глухих районах на протяжении всего XVIII в., где в это время встречались еще даже большие родовые дома — жилища. Но с начала XIX в. они уже исчезают. О роде и родовом укладе по существу остаются только воспоминания. Род перестает быть определенной кровно-родственной и одновременно экономической ячейкой. Следы былой общественной собственности на средства производства стираются, и родовое землепользование сменяется общинным. Теперь право на коллективное владение землей, «вотчиной», имеют не сородичи, т. е. лица, связанные друг с другом кровно-родственными связями, а все члены сельскохозяйственной общины, связанные друг с другом только местом своего жительства. В конце XIX в., по наблюдениям Патканова, родовая форма землевладения встречалась уже очень редко, в наиболее глухих местах и то почти только у кондинских манси. «У них каждая дача составляет принадлежность особого рода, — замечает этот исследователь, — его (рода) представители являются единственными законными владельцами дачи, независимо от того, живут ли они в одном селении или в двух и, наоборот, живут ли два рода в одном селении. Подобная же форма землевладения была в прежнее время у остяков, но теперь (80-е годы) сохранилась лишь в немногих местах. Так например, с. Болчарово, на Конде, собственно состоит из двух селений, из юрт Бюлчарских и Магатских, причем каждое из этих селений состоит из представителей особых родов и владеет разными дачами.

Но и тут это родовое устройство мало-помалу разрушается. Наряду с вымиранием членов обоих родов в их среду стали

проникать разные посторонние лица: русские и остяки, частью по усыновлению, частью по приемным приговорам. На Иртыше уже нигде нет остяцких селений с представителями одного или двух родов, а напротив... их число всюду велико и только кое-где отдельным родам удалось удержать свои старые родовые земли от захвата со стороны своих односельцев, например в Цингалинских юртах. В этом селении кроме общей дачи, которой пользуются все на общинных началах, отдельные роды имеют еще свои особые «вотчины», перешедшие к ним... непосредственно от предков...

В остальных селениях, как почти всюду в Тобольском округе, установилось... землевладение на общинных началах, т. е. земля сделалась принадлежностью всего селения, из скольких бы родов оно не состояло»[1].

Распад родовых отношений и постепенное отмирание родовой собственности на средства производства хорошо отобразились в некоторых моментах хантэйского обычного права. Так, согласно остяцким обычаям, отец с сыновьями охотится совместно и если одному из сыновей по тем или иным причинам приходится быть на охоте одному, то добычу он несет в дом отца.

Сын может самостоятельно покупать для себя ружье, платье, но обзавестись особым хозяйственным инвентарем не может.

Если сын отделится от отца добровольно, то получает несколько голов оленей из стада и может с ними делать все, что ему угодно. Если же он по своей вине погубил своих оленей, то больше от семьи оленей не получает и не может вернуться в семью и работать вместе.

Если олени погибнут независимо от него, а ввиду болезни, пожара и т. п., то семья помогает ему, выделяя несколько оленей на новое обзаведение, но чаще всего в таких случаях сын, даже женатый, присоединяется к семье отца.

Из охотничьих и рыболовных снарядов, кроме ружья и собаки, сын, уходя от отца, ничего не получает, но может ими пользоваться, если этому не мешают территориальные условия. После смерти отца коллективное пользование инвентарем остается в силе, если оставшаяся семья еще достаточно велика и имеются малолетние братья и сестры. Если же после смерти отца осталось лишь 2—3 лица, главным образом старухи, то сети переходят к тому сыну или зятю, который приютит оставшихся, но право пользования все же сохраняет-

[1] Патканов, Тип остяцкого богатыря, стр. 18—19.

ся за прочими сыновьями, хотя бы они и успели обзавестись новыми снарядами [1]. Во всех этих обычаях мы видим явные следы, оставшиеся от когда-то господствовавшей в туземном обществе родовой собственности.

Итак, к XIX в. родовая поземельная собственность сменилась собственностью общинной, а древний род с его коллективным хозяйством окончательно распался на частнособственнические хозяйства отдельных семей. Элементом, консервирующим коллективные формы труда, являлось рыболовство, требовавшее артельной работы. Вместо кровно-родственного рода, ведшего единое хозяйство и потреблявшего все добытые продукты коллективно, сложились артели, состоящие из односельчан, артели, ведущие совместный труд, имеющие часть орудий производства: неводов, лодок и т. п. в своей общественной собственности, но распределяющие продукт между своими членами по паям. Таким образом потребительской, а в некоторых видах хозяйства, как например в охоте, и производящей ячейкой стала семья, ведущая свое частное, независимое от других семей, хозяйство. Семья и община, сливаясь в одно, в то же время противостояли друг другу. Развитие товарно-денежных отношений, расширяя имущественную и социальную дифференциацию среди отдельных семей, разлагало общину. Община все более и более начинала ощущать на себе влияние отдельных, наиболее зажиточных своих членов. Растущее внутри общины кулачество все заметнее и заметнее стремилось к тому, чтобы путем эксплоатации бедноты присваивать себе большую долю коллективно добываемого продукта.

На общественных промыслах — песках и сорах [2] — члены общины работали совместно, создавая рыболовецкую артель. Весь улов делился по паям. Право на пай имели все участники лова, достигшие 17 лет и не старше 65 лет. Старики лишались пая и шли «карасничать», т. е. ловить рыбу не на общественных угодьях, а на «всемирских» озерах. Иногда в таких, например, случаях, когда в семье только и оставались старики и дети, скажем, 15—16 лет, им могли «приговорить пай», но только один на всех троих. Женщины в лове участие принимали, но считались помощницами и своего пая не получали; бывало, что пай давался вдовам, но обычно и они шли неводить вместе с какой-нибудь другой семьей [3].

[1] Старцев, Остяки, стр. 59.

[2] Песок — удобное место для рыбного лова; сор — луг, залитый водой; со спадом воды рыба «выходит из соров».

[3] Материалы собраны нами среди сальмских хантэ.

Подобная артельная форма рыболовства использовалась национальным кулачеством для эксплоатации своих сотоварищей по промыслу. Большинство туземных хозяйств, разоренных многовековой эксплоатацией и нередко доведенных до последней степени нищеты, не имело необходимого промыслового инвентаря, который для общественного пользования могли предоставить только зажиточные семьи, входившие в состав артели.

Часто заключались договоры, по которым владелец лодки и невода вступал в пай с беднящкой семьей, договариваясь делить улов пополам; он давал снасти и работал вдвоем, втроем, тогда как вошедшая с ним в пай семья состояла из нескольких человек.

Нередким явлением было и снабжение чужой артели необходимыми снарядами, за что их владелец также получал в свою пользу часть улова, хотя сам в нем и не принимал никакого участия.

Для родового строя была характерна обязанность рода заботиться о своих сородичах. Вместе с разложением рода, кулаки, прикрываясь родовыми традициями, теперь утратившими свой былой смысл, стали брать на свое «иждивение» бедных сородичей. Фактически в подобном «попечении» заключалась самая жестокая форма эксплоатации.

Широко распространенное у народов северо-западной Сибири воспитание сирот и «прикормление» вдов и бедных родственников по существу являлось одной из наиболее вопиющих форм эксплоатации, граничавшей с рабством, которое формально отмерло к началу XIX в.

Взятый «на воспитание» ребенок жестоко эксплоатировался с раннего детства, работая всецело на своего «благодетеля». Но такой воспитанник и по мере своего возмужания не мог покинуть своих воспитателей и должен был, продолжая на них работать бесплатно, отработать затраченные на его прокормление средства. Не имея средств к существованию, бедняк невольно продолжал кормиться у своих эксплоататоров и уж, конечно, никогда, таким образом, не мог выйти из неоплатного долга и кабалы.

А как кулаки-покровители обращались со своими опекаемыми, и вообразить трудно. Вот например, остяк Тундринской инородческой управы Ф. В. Сайгатин изувечил «прикормленную» им женщину М. А. Ортомину; пытаясь ее изнасиловать, он связал ей ноги, а затем так дернул веревку, что несчастная упала и сломала себе руку. По жалобе Ортоминой старшина управы обязал насильника содержать Ортомину у

себя до самой ее смерти. Фактически бедная женщина таким образом попрежнему оставалась работницей Сайгатина, только работницей еще более бесправной, чем раньше [1].

В оленеводческих районах перед кулачеством открывались неменьшие эксплоататорские возможности. Здесь широко практиковалось совместное кочевание кулака с бедняками; бедняк, пользуясь в той или иной степени оленями своего патрона, должен был нести все хозяйственные тяготы, выполнять всю работу по выпасу и обереганию кулацкого стада. Наконец туземный кулак, наравне с русскими мироедами, широко закабалял бедноту при помощи разнообразного кредита и торгового посредничества.

Занятие туземным кулачеством административных должностей — родовых старост, членов инородческой управы — ставило массу туземного населения и в административную зависимость от тех же лиц, которые и без того господствовали над ним экономически. Характерно, что, судя по многочисленным донесениям, туземное кулачество, эти «лучшие люди», чрезвычайно ретиво выполняли возложенные на них фискальные, полицейские обязанности.

Со стороны старшин мы имеем целый ряд донесений, ставящих в известность русскую администрацию о различных действиях подведомственных им туземцев; большинство из этих донесений обвиняют того или иного туземца в нарушении церковных правил, в жертвоприношениях и т. п. Так например, Табаринский старшина Халтурин жаловался митрополиту на то, что подведомственные ему остяки берут калым, что запрещалось церковью. Любопытно, что в деле есть справки о том, что и сам Халтурин, за два года до доноса, взял за свою племянницу калыма 5 руб. и 2 лошадей.

Причины подобного ревностного исполнения своих обязанностей нам становятся ясными из другого документа, содержащего просьбу того же Халтурина об усилении его прав, на что и последовала резолюция митрополита: «дать указ, дабы остяки против прежнего были ему (Халтурину) во всем послушны под страхом особливого и недопустительного наказания» [2].

Сочетание административных прав с экономическим закабалением подчиненных открывало перед кулачеством широ-

---

[1] Тобольский архив, Дела Тундринск. инородческой управы за 1898 г., № 22, л. 42—16.

[2] Там же, Дела духовн. консистории, № 4, л. 1 и № 100.

кие перспективы для эксплоатации. Но, не довольствуясь и этим, кулачество стремилось к полному присвоению в свою личную собственность общественных охотниче-рыболовных угодий и оленьих пастбищ.

Захват общинной земли обычно совершался путем аренды; кулак-арендатор, предварительно закабалив владельцев взятой им «вотчины», наконец прекращал выплату картомы (аренды) и присваивал арендованную землю в свою собственность. Административные органы, находившиеся в известной связи с богачом, закрывали глаза на совершенное ограбление, а если дело иногда и доходило до суда, то, как это бывало в большинстве случаев, приговор выносился в пользу захватчика. Вот например, незадолго до революции кулак-туземец Киселев арендовал на Салыме общинные угодья у Лемпиных. По прошествии ряда лет он, задолжав картому, отказался ее выплачивать, и суд, обеспечивая интересы богача, вынес приговор в его пользу.

В процессе разложения рода и с ростом социальной дифференциации среди туземного населения, наравне с кулачеством, выделились окончательно в особую социальную группу и шаманы. Теперь уже, за редкими исключениями, ими были не лица, шаманившие «для себя», а шаманы являлись профессионалами, жившими всецело за счет эксплоатации населения, которое они всячески одурманивали. Помимо своих специфических доходов, шаманы, как и кулаки вообще, прибегали ко всем, только что описанным, обычным формам экономического закабаления бедноты и ее эксплоатации.

В противовес все более и более откристаллизовывавшейся верхушке общества, основная и подавляющая масса туземного населения, подвергающаяся ограблению буквально со всех сторон, быстро разорялась.

Еще Новицкий, этот остяцкий инквизитор, сподвижник Филофея Лещинского, в начале XVIII в. описывал остяцкую бедноту такими словами: «Се же противо зельной укрывается стужи, нищета же и скудость не всякому такой свободно попущает имети одежду: иной бо и зимнего времени лютость тятчайших морозов в налимьем претерпевает кожане, и в таковой нищенской одежде исходят от жилищ своих в дальние страны пустые, леса, промышляют зверь соболей, дражайших черных лисиц, горностая, белку, на которых вещех драгость всяк взирая, промысел и труды бедняков оных снискуемую; их же видя скудость, прилично сие помянуть из Овидия:

Собирают пчелы сот; но от трудов ясти
Крупица им дается, иным же все части;
Ни себе сладость сию пчелы собирают,
Горесть трудов приемша, иных услаждают.
Так и остяк бедной, с премногими труды,
Собирает драгость шуб, украшает людии,
Сам наг горькой нищеты, все поносит злости,
Весь скуден, една кожа, под кожею кости»[1].

И действительно в руках основной массы туземного населения оставалась только крупица от всех добываемых ими пушных и рыбных богатств. Все результаты их тяжелых трудов с поразительным цинизмом и хищничеством присваивались правительством, царской администрацией, церковью, купцами, туземным и русским кулачеством. Для поддержания своего скудного существования туземная беднота, а к ней относилась подавляющая часть населения, была принуждена напрягать все силы для того, чтобы насколько возможно увеличить свою продукцию. Природные богатства края быстро истреблялись, а вместе с этим в еще больший упадок приходило и туземное хозяйство.

О рационализации промыслов никто и не думал. Разоренные туземцы не имели даже средств для обеспечения себя необходимыми орудиями производства, на что уже в 1827 г. указывала докладная записка Березовского земского суда, в которой отмечалось, что «бедность местного населения не дает ему возможности улучшать способы лова», благодаря чему «промысла оскудевают... и ясашные... подвержены бедному состоянию»[2].

В самом деле, с одной стороны — хищническое истребление природных богатств, а с другой стороны — полный застой в техническом, экономическом и культурном развитии народа, вызывали катастрофическое падение всей продукции северо-западной Сибири.

В 1804 г. в Березовском крае только по трем комиссариатам (Обдорскому, Кондинскому и Сургутскому) было добыто промышленниками рыбы почти столько же, сколько было добыто в 1850 г. по всему краю[3].

Вследствие разоренности туземных хозяйств, их полной экономической неустойчивости в XIX в. голодовки начинают периодически охватывать всю страну.

Так, в 1827 г. в связи с неуловом рыбы в Нарымском крае, остяки, по словам тогдашнего министра внутренних дел,

[1] Новицкий, цит. соч., стр. 38—39.
[2] Тобольский архив, Дела губ. управы за 1827 г., № 5, л. 7—15.
[3] Абрамов, цит. соч., стр. 411.

находились в самом бедственном положении и почти умирали от голода.

В 1862 г. голод постиг туземцев Березовского округа, где остяки ели кротов и варили их в котлах. По официальным донесениям 20 человек умерло с голода, а в Ларьяте был зарегистрирован случай людоедства. Купцы, по словам д-ра Соколова, сбывали в это время затхлую муку, со всяким сором, пылью, мышиным пометом, что, по словам медицинского эксперта, содействовало распространению тифа среди туземцев.

В Нарымском округе не редкость, сообщал очевидец Осипов в 1855 г., что остяки выходят ловить плывущую дохлую падаль и питаются ею.

Летом 1876 г. опять голод разразился в Нарымском крае. «Голода эти стали не редкостью, так что на них мало обращают внимания» — замечал Ядринцев в конце прошлого столетия [1].

Экономическая неустойчивость большинства туземных хозяйств пагубно отражалась на них и в еще большей степени содействовала развитию кабальных отношений.

Наравне с ростом зажиточности кулацких эксплоататорских элементов, трудящиеся туземцы, середняки и бедняки, разорялись все более и более, теряли последние возможности для ведения самостоятельного хозяйства и обращались в нищих. В 1863 г. сургутский заседатель доносил тобольскому губернатору о том, что «большая часть инородцев, особенно Ваховской и Лумпокольской волостей... дошли до такой степени крайности и разорения, что не имеют уже почти совершенно никакой одежды и с наступлением зимы или даже осени неминуемо должны погибнуть» [2].

Губернаторский чиновник Русанов, обследовавший положение туземцев в Сургутском уезде в 1864 г., в своем докладе подтверждает вышеприведенное донесение, говоря, что при объезде им были встречены семейства, где не было одежды у детей, престарелых и калек [3].

Нищенствующие туземцы толпами собирались к пароходным пристаням, надеясь здесь получить подаяние.

«Я и прежде много слышал о положении остяков — сообщается в одной из корреспонденций газеты «Сибирь» за 1878 г., — но только теперь вполне убедился в справедливости рассказов об их жалком положении. Едва ли может быть

---

[1] Ядринцев, Сибирские инородцы, стр. 77.
[2] Тобольск. архив. Дела губ. управы за 1863 г., № 325, л. 1—2.
[3] Там же, 1864 г., № 325, л. 89—102.

что-либо ужаснее, отвратительнее того, что совершается (а ведь я видел только частичку) здесь, до чего забиты эти несчастные, всеми забытые человеческие существа — остяки!

Представьте себе кучку людей больных (мужчины, женщины, дети, особенно дети, за самым ничтожным исключением, покрыты коростой), оборванных, с бледными, бессмысленными, тупыми лицами. Все это хлопочет, невинно хитрит, добивается, чтобы приторговать лишнюю каплю отвратительной водки... Посмотрели бы вы, как над ними глумятся!»...

«...Но вот вам на выдержку четыре типа разных возрастов, типа с натуры, без всякого преувеличения. Первый — старуха 70 лет, с изможденным, морщинистым лицом большими глазами, полуголодная, а может и совсем голодная (по-русски не говорит), без белья, ноги голые выше колен, тело едва прикрыто оборванной сермяженкой, опоясана пеньковой веревкой, на голове у нее вместо платка грязная холщевая тряпка.

Второй — мужчина (беру лучший по благосостоянию экземпляр) 30 лет, босой, штаны холщевые, грубые, грязные, до колен; рубаха черная, грязная и на голове платок; он выменял на рыбу бутылку водки и с жадностью потягивал из горлышка.

Третий и четвертый типы — мать с ребенком. Женщина 25 лет, больная, в грязной сорочке; грязное бледное лицо, руки в болячках. Ребенок, «Михалка», 10 месяцев, закутан в грязную, грубого холста пеленку и скручен пеньковой бечевкой. Когда его развязали, ребенок высунул руки, — пальцы и кисти покрывали грязь и короста»[1].

Разоренные и лишившиеся своего хозяйства туземцы, превращаясь в нищих, искали работы у своих национальных и русских кулаков, на промыслах, пароходах, коноводках.

Здесь они получали изумительно низкое вознаграждение за свой тяжелый труд и часто должны были довольствоваться тем, что им предоставлялся хоть какой-то кров, пища и жалкая одежда для прикрытия наготы.

Вот, для примера, условие, заключенное в 1902 г. между юганским хантом Песиковым и самаровским кулаком Земцовым. Песиков поступал к последнему в работу на песке Солкинском сроком с 15 апреля по 15 сентября, т. е. на 5 месяцев. За свою работу, согласно условию, Песиков получал пищу, 40 руб. денег за все время, 1 пару рукавиц, 1 пару броден, пару белья и по одному фунту табака в месяц, при-

[1] Ядринцев, цит. соч., стр. 75.

чем заработную плату Песиков не получал полностью, так как Земцов обязывался в ее счет внести подати и повинности за своего работника.

Поступая на работу, Песиков давал письменное обязательство, скрепленное по неграмотности его тамгой, «вести себя честно, сохранять к нему, Земцову, и семейству его почтительность и отнюдь не пьянствовать, самовольно никуда не отлучаться и быть в повиновении, не грубить, не упрямствовать и не прекословить». Земцов со своей стороны обязывался не причинять самовольно тяжких побоев или каких-либо жестокостей, повреждение здоровью нанести могущих»[1]. «Остяки почти никогда не получают заработка по условию, — пишет Швецов[2], — так как часть его выдается товаром по произвольным ценам. Выдача эта запутывает остяка и ставит его в вечное кабальное положение... Трудно представить себе более гибельную обстановку, чем та, в которой живут рабочие. В продолжение пяти с половиной месяцев рабочий во всякую погоду, в холода, ветер и дождь, находится по колено в воде; одеженка на нем рваная; просушиться негде, кроме шалаша, сплетенного из тальника».

Русский рабочий получал несколько более высокую заработную плату, чем туземный, хотя они и исполняли, стоя рядом, одну и ту же работу.

По записанным нами воспоминаниям старика Савелия Зенцова, салымского ханта из юрт Лемпиных, работавшего всю жизнь в батраках, промышленник Замятнин содержал 12 рабочих. Работать приходилось от зари до зари, получая по 60 руб. за год. Все работники помещались вместе, не имея своего угла, спали вповалку на кухне, где также шла и стряпня; находясь на хозяйских харчах, они никогда не видали свежего хлеба, так как Замятнин считал, что свежий хлеб лучше ется и потому специально высушивал его, прежде чем давать в пищу работникам.

Нередко работа в батраках носила чисто принудительный характер; инородческие управы по просьбе промышленников направляли к ним туземцев-неплательщиков казенных недоимок; в таких случаях заработная плата, причитавшаяся им, шла в казну[3].

---

[1] Тобольский архив, Дела Юганск. инородч. управы за 1902 г., № 260, л. 3.

[2] Швецов. Очерки Сургутского края (Записки зап.-сиб. отд. Геогр. о-ва, X).

[3] Тобольский архив. Дела Юганск. инородч. управы за 1894 г. № 156.

Состояние народного просвещения и здравоохранения

Что можно сказать о просвещении всеми забытых, угнетенных народов далекого севера? Какое было дело самодержавному российскому правительству до жизни и здоровья жалких «дикарей», затерявшихся где-то в своих первобытных чумах и лачужках на далекой окраине государства?

Само собой разумеется, что среди всех туземных народов, хантэ, манси и ненцев, царила поголовная неграмотность.

Если и делались какие-либо попытки к распространению среди них хотя бы начального образования, то все они замыкались в узких рамках церковной деятельности, направленной к насаждению христианства и распространению руссификации среди национального населения.

Основным «культурным» центром церковной деятельности являлся Кондинский монастырь, при котором была развернута миссионерская школа. Но дела ее явно не ладились, и игумен монастыря Арсений в 1846 г. жаловался на то, что в школе обучается только один остяцкий мальчик, так как всех остальных увезли их родители [1].

По настоятельному требованию архиерея, губернатором было дано предписание «о принятии мер к понуждению остяков к высылке детей своих в учрежденные школы для обучения». Согласно чрезвычайно большой переписке между главным управлением Западной Сибири, тобольским губернатором и духовной консисторией, посвященной вопросу об открытии школ, главной задачей их деятельности должно было быть распространение христианства и руссификация «инородцев».

Благодаря столь активным действиям за время с 1843 по 1847 г. были открыты при некоторых церквах школы «для детей крещеных остяков, в коих они обучаются русской грамоте».

---

[1] Там же, Дела консистории за 1846—1847 гг., № 264.

В этих школах в 1849 г. обучался 71 туземный мальчик и кроме того 16 туземцев было определено в светские училища [1]. И это в то время, когда туземное население тогдашнего Березовского края по официальной статистике превышало 21 000 человек!

Но скоро, видимо, разбежались и эти последние ученики; по крайней мере в центральной Кондинской школе, по донесению протоирея Попова, в 1882 г. училось только 3 мальчика хантэ [2].

Среди населения установилось мнение, что отправка детей в школы равносильна страшнейшим мукам и смерти. Да это и не удивительно. В самом деле, состояние школ видимо было ужасно. Так, в 1877 г. диакон Силин доносил тобольскому архиерею о состоянии Обдорской школы, говоря, что в ней нет ни бумаги, ни чернил, ни дров, что за перегородкой в школе живет женская прислуга игумена, которая избивает детей. О самой школе диакон пишет, что это не школа, амбар, это — холодильник и склад грязи» [3].

Но и в более позднее время состояние народного просвещения в крае если и улучшилось, то очень не многим. По крайней мере уже в 1909 г. здесь числилось только 35 низших и начальных школ, из которых 12 являлись школами грамоты, причем основным контингентом учащихся в них были не туземцы, а русские; любопытно, что в то же время церквей и часовен в крае насчитывалось до 70 [4].

Но если царское правительство совершенно не заботилось о культурной работе среди населения, то, надо сказать, что оно в равной мере не обеспечивало его и медицинской помощью, очевидно, рассуждая, что все равно «натура свое возьмет, а помереть суждено, так и так человек помрет». А между тем потребность в медицинской помощи населению была огромна. Среди туземцев, живущих в кошмарных условиях, свирепствовали различные болезни. «Самоедские семейства, — пишет один наблюдатель в 1890 г., — живут зимою особыми селениями в юртах, срубах или землянках, без печей. Избави бог свежему человеку пробыть в их юрте хоть час. Грязь, сажа, зловоние, чад от углей, тьма паразитов.

Помимо того вид отдельных членов семейств производит отталкивающее впечатление. На большинстве взрослых видишь отталкивающие следы сифилиса, нагие детишки покрыты

---

[1] Абрамов, цит. соч., стр. 387.
[2] Тобольский архив, Дела духовен. консист. за 1882 г., № 180.
[3] Там же, 1877 г., № 561. л. 1—8.
[4] Отчет Остяко-Вогульского окр. исполкома за 1931—1936 гг.

накожными болячками. Очень часто эти отвратительные жилища посещает тиф, повальная оспа... Медицинской помощи в этих забытых богом и людьми трущобах — никакой!..» [1].

Естественно, что тяжелые материальные условия и лишения, грязь, культурная отсталость и полное невежество населения, представляли готовую почву для развития болезней. Тиф, лихорадка, оспа и сифилис поражали многие юрты. Об опустошительном действии их можно судить по тому, что в 1855 г. в обдорском отделе от кровавого тифа умерло в течение трех месяцев 1 270 человек из 1 852 больных, а в Кондинской волости 53 из 64 больных [2].

Эпидемию сибирской язвы так описывает топограф Юрьев, совершавший экспедицию по краю в 1848 г: «Мы потерпели бедственную неудачу и наш южный отряд не достиг цели по случаю свирепствовавшей в это лето на Урале заразительной язвы, от которой умирали люди и падали олени... Мы лишились всякой возможности продолжать путешествие, потеряв всех своих оленей, до 400 голов истребленных язвою в течение 11 дней. Кроме того майор Стражевский, уверившись лично, что на всем протяжении к югу от нас по Уралу, откуда шла зараза, не осталось ни одного живого оленя из нескольких тысяч и что инородцы тоже почти наполовину померли... закрыл экспедицию [3].

И при подобном антикультурном состоянии края, в условиях распространения таких страшных эпидемий, в 1913 г. здесь были только две больницы, в Березове и Сургуте, и 5 фельдшерских пунктов.

На всю огромную территорию края было только 2 врача; фельдшеров, кроме состоящих при врачах, вместе с лекарскими помощниками имелось 3 в Сургутском уезде и 5 в Березовском. Кроме того в каждом уезде работало по 2 повивальные бабки и несколько оспопрививателей.

Нельзя сказать, чтобы штат был значителен! А бюджет органов здравоохранения и совсем был смехотворен: по Сургутскому уезду на жителя в среднем приходилось в год 74 коп., а по Березовскому уезду только 44 коп. [4]. Да не надо забывать еще и то, что все эти медицинские работники лечили преимущественно русских, а не туземное население, которое фактически было всецело предоставлено шарлатанству шаманов.

---

[1] Ядринцев, Сибирские инородцы, стр. 87.
[2] Там же.
[3] Юрьев, Цит. соч., стр. 329.
[4] Отчет Остяко-Вогульск. окр. исполкома за 1931—1936 гг.

Ростки освободительного движения

После упорного сопротивления, оказанного народами северо-западной Сибири русскому царизму, после многочисленных неудачных попыток к национальному освобождению, начиная с конца XVII в., изнуренная, опустошенная и разграбленная страна замерла в бессилии продолжать борьбу.

Да и действительно, как малые народы ее, разбросанные на огромных территориях, находившиеся на чрезвычайно низкой стадии культурного развития, вооруженные примитивными луками, могли бороться с могущественным царизмом? Уже слишком нервной была бы эта борьба. К тому же большая часть туземной знати, ее родовая аристократия и растущее кулачество, поддерживали русскую администрацию, внося раскол в ряды угнетенных народов и всячески противодействуя развитию национально-освободительного движения. Все это тормозило его. Но тем не менее, даже и при таких условиях нет-нет да и прорывался гнев народный. Бывало, что не вытерпят угнетенные своего бесправия и поднимутся на своих поработителей. После разгрома всех попыток поднять восстания, произведенных в XVII в., некоторое время казалось, что освободительное движение совсем прекратилось. Но это было не так. Новый толчок к его развитию давала руссификаторская политика царизма, которую, как мы знаем, решительно стало проводить правительство Петра I, направившее в туземные районы Филофея Лещинского и его сподвижников. Христианство для хантэ, манси и ненцев являлось не только символом национального порабощения, но оно вместе с собой, как мы видели, несло и новые тяготы для населения.

Поэтому и не удивительно, что те выступления, которые имели место в XVIII в., были прежде всего направлены против церкви и той туземной аристократии, которая, принимая крещение, становилась на защиту царизма, предавая национальные интересы своего народа.

Во время поездки схимонаха Федора в 20-х годах XVIII в. в летних юртах обдорских хантов ему было оказано решительное сопротивление со стороны туземцев. Во главе восставших стояли остяки Митра Каптылев, Кунема и Мелей Будареевы. Тогда хантэ объединились с ненцами и, подняв мятеж, начали нападать на юрты «крещеных остяков», т. е. тех националов, которые становились на сторону русских, убивали их и громили жилища, «за то, — пишет Абрамов [1], — что они изменили вере отцов своих».

Движение было направлено, таким образом, преимущественно против туземной знати. Остяцкий князь из Куновата, Игорь Данилов, доносил березовскому коменданту, полковнику Инглису, что «часто в прошлые годы и в феврале 1722 г. приезжали к ним обдорские самоеды Терева и Кельта Сынчуруевы, Кельта Пунзумин и Гайча Хапуев с многими другими, грабили и убивали крещеных остяков».

В том же 1722 г. 130 человек ненцев, под предводительством Нарта и Питича, разгромили церковь и владения лянпинского князя Семена Матвеева, захватывали имущество и оленей; умерщвляя крещеных остяков, они «снимали с них кресты, привязывали к концу шеста и понуждали запряженных оленей; святые иконы, привязав за веревку, волочили за нартами».

Около того же времени Пунза Тыров с Немдой Юминым, Хоркой Лавовым, Обындей Хапуевым и другими ано-карачейскими самоедами, напав на Подгородскую волость, убили князя Никифора Еурова и затем разгромили Нагрячеевские и Жижимковские юрты Куноватской волости.

К сожалению, обо всех этих выступлениях мы имеем крайне скудные сведения, но, видимо, здесь мы наблюдаем не простые грабительские набеги, а определенно выраженные народные бунты, явно направленные против «князей», туземной аристократии, развивавшейся под покровительством русского правительства. За это говорит помимо того, что набеги совершались именно на крещеных остяков и князей, также и то, что русская администрация того времени и сама расценивала все эти выступления как определенную форму освободительного движения, называя в официальных документах его вождя Пынзу Тырова «народным злодеем».

Подавить движение и арестовать его руководителей правительству удалось только в 1744 г., когда Пынза Тыров и

[1] Абрамов, О введении христианства у березовских остяков («Журн. министерства нар. просвещения, 1851 г., декабрь, стр. 20); он же, Описание Березовского края, стр. 351.

Немда Юмин были повешены в Обдорске, Хорка Лавов — в Казымском городке и Обындя Хапуев — в Ляпине.

Казнь, в целях устрашения, была обставлена торжественно. На столбах виселиц были прибиты листы с подробным описанием «преступлений» казнимых. Туземцы были собраны на место казни, производившейся публично, и им здесь читали и переводили «приговор», для того, «чтобы они впредь опасались пускаться на такие злодейства».

Судя по преданию, записанному в середине прошлого столетия Абрамовым в г. Березове, в 1760-х годах ненцы, подняв восстание, неожиданно напали на город и подступили к нему ночью в пасху, но были отбиты [1].

После долгого затишья волна освободительного движения вновь поднялась только в 30—40-х годах XIX в.

Теперь движение возглавил ненец Ваули Пиеттомин, поднимавший туземцев на борьбу с русским правительством и своим национальным кулачеством. Русская администрация обрисовывала его как разбойника и грабителя, но фактически это было далеко не так. Некто Барш, человек, которого отнюдь нельзя заподозреть в пристрастии, так описывал деятельность Ваули: «Это была, действительно, весьма замечательная между дикарями личность, уже давно знакомая всему краю и властям.

В начале 1840-х годов в Березовской тюрьме... можно было видеть арестанта-самоеда, лет под 40, среднего роста, крепко сложенного с красивым и энергичным лицом и весьма умными глазами. Это был Ваули. Он судился за грабежи... Живя на отдаленных тундрах, этот человек набрал себе шайку послушных земляков и с ней разъезжал по соседям, отнимая у богатых оленей и разделяя их неимущим... К убийствам он никогда не прибегал... Но что всего замечательнее — Ваули проповедовал везде и всем необходимость отделиться от русских, не платить им ясак и отбирать у них все занятые ими земли... Молодца поймали и привезли в Березов. Там он судился, был наказан и сослан» [2], по словам Барша в Енисейскую губернию, а по свидетельству Абрамова — в Сургутский уезд [3]. К великому сожалению судебное дело Ваули Пиеттомина, хранившееся в Березовском архиве, где-то затеряно, и наши

---

[1] Абрамов, Описание Березовского края, стр. 366.

[2] Барш, Статья в «Русской старине» за 1881 г. (цит. по работе Славина «Самоеды-грабители», «Ежегодн. Тобольского музея», 1909 г., XIX, стр. 1—2).

[3] Абрамов, цит. соч., стр. 356—357.

сведения об его деятельности ограничиваются воспоминаниями современников. Ваули, не пробыв в ссылке и двух месяцев, бежал вместе со своим товарищем Майри Ходакым обратно в родные обдорские тундры и снова стал поднимать туземцев на борьбу.

В Обдорске началась паника. Военных сил здесь не было, и было решено послать в Березов нарочного с требованием прислать казаков.

Березовцы тоже встревожились: «Возьмет Обдорск, придет и сюда, все отнимет, вконец разорит нас... Ведь за ним все самоеды пойдут, если захочет».

Несколько десятков казаков двинулись из Березова для поимки бунтаря.

Между тем Пиеттомин, встав во главе туземного повстанческого отряда в 400 человек, объявил ненавистного всем князя Ивана Тайшина низложенным, заменив его остяком Япкой Муржаом. Затем он начал двигаться на Обдорск, где должна была в это время происходить ярмарка.

По словам Барша, Ваули намеревался, захватив Обдорск, отобрать сданный уже ясак и раздать его обратно, взяв власть в свои руки.

Прибывший в то время в Обдорск березовский исправник Скорняков отправил к Пиеттомину некоего Нечальского «для осмотра числа людей и вооружения». Посланец кажется был даже в дружеских отношениях с Ваули. Прибыв в мятежный лагерь, он стал всячески уговаривать Пиеттомина довериться ему, говоря, что в Обдорске о наступлении повстанцев ничего не знают. «Поедем в Обдорск вместе, — говорил предатель, — там нас все испугаются... чиновников всех прогоним, будем сами большие бояры».

На совещании многие из сподвижников Вауля «крепко настаивали не доверяться русскому, хотя и другу, а делать по-своему», но Нечальскому все же удалось убедить Пиеттомина.

Поехали на 80 нартах. Не доезжая 25 верст до Обдорска, Ваули встретил ехавшего к нему, по его приказанию, обдорского князя Тайшина, начал его ругать и хотел бить бывшим при нем оленьим рогом, но Нечальский остановил его.

Князь кланялся в ноги, целовал руки у Пиеттомина и обещал ему дань.

14 января 1841 г. мятежники приехали в Обдорск и Ваули, по приглашению Тайшина, вошел к нему в дом, где было приготовлено угощение. Между тем исправником с казаками и вооруженными торговцами была устроена засада. На

ненцев, уверенных в легкой своей победе, было совершено нападение. Самого Ваули заперли в западне. Он долго боролся, но в конце концов был скручен веревками и, закованный в тяжелые цепи, был препровожден в Березов, где его и судили. Он вместе с главными своими помощниками после наказания кнутом был сослан в каторжные работы[1].

Память о Ваули Пиеттомине надолго сохранилась среди обдорских туземцев, в течение многих лет ждавших его возвращения. Отдельные попытки продолжать борьбу, видимо, имели место на протяжении довольно долгого времени, вплоть до 1856 г., когда Тайшину и царской администрации удалось наконец окончательно подавить движение.

Мятеж Пиеттомина кажется являлся последней попыткой туземного населения вести активную борьбу со своими многочисленными угнетателями.

Бессильное в борьбе население было принуждено смириться перед могущественным самодержавием, обрекавшим народы севера на безвыходную нищету, голод и вымирание.

---

[1] Славин, Самоеды-грабители («Ежегодник Тобольского музея», XIX, стр. 1—10).

Вымирание

Какое же было следствие той невыносимой эксплоатации, которой подвергались туземцы, того бесправия, той некультурности, на которую они были обречены в царской России?

«Положение остяка поистине худшее, чем крепостная зависимость, — писал Ядринцев, — так как владелец крепостных все-таки был заинтересован в сохранении жизни крепостных, а что за дело рыбопромышленнику, если остяк умрет от чрезмерного труда? Умрет один — явится другой...»

«...к болезням от непосильных работ присоединяются периодические общие голодовки, во время которых беспомощность населения достигает крайних пределов. Так, в последний голод, бывший несколько лет назад (Ядринцев писал это в 80-х годах), остяки буквально сотнями мерли от голода; встречались юрты, вымершие поголовно, и в избах валялись непогребенные трупы...»

«Сургутянин считает остяка существом низшим, «собакой», им все гнушаются и считают поганым. Самый жестокий и безобразный поступок с остяком считается дозволенным. Мальчишки издеваются над остяками на улицах, запуская в них льдины, травя собаками и пр., взрослые иногда бесцельно бьют их, ради доставления удовольствия толпе. Даже смерть остяка не сдерживает сургутянина, и он продолжает смотреть на остяка, как на тварь, — только теперь эта тварь стала еще падалью»[1].

Народы северо-западной Сибири, под тяжестью непомерного гнета, быстро вымирали. Например, юрты Туртасские, Уватские и Алымские составляли бывшую Туртасскую волость, в которой в 1858 г. числилось 52 мужчины и 54 женщины, а в 1886 г. — 44 мужчины и 36 женщин. Прежняя Назымская волость имела 5 селений; в 1858 г. в них числи-

[1] Ядринцев, Сибирские инородцы, стр. 86—87.

лось 108 мужчин и 118 женщин, а в 1886 г. вследствие вымирания жителей всего 70 мужчин и 69 женщин [1].

Численность населения в Березовском районе изменялась следующим образом [2]:

1803	год	3 966	чел.	обоего пола
1813	«	3 626	«	« «
1823	«	3 795	«	« «
1833	«	4 041	«	« «
1843	«	4 121	«	« «
1853	«	4 511	«	« «
1863	«	4 342	«	« «
1873	«	4 546	«	« «
1883	«	5 049	«	« «
1893	«	4 453	«	« «

Еще более катастрофический характер приняло вымирание населения в Сургутском уезде, где, например по р. Югану, численность населения изменялась так [3]:

1720	год	916	чел.	обоего пола
1800	«	850	«	« «
1810	«	1 040	«	« «
1820	«	935	«	« «
1830	«	1 110	«	« «
1840	«	995	«	« «
1850	«	1 105	«	« «
1860	«	1 030	«	« «
1870	«	1 105	«	« «
1880	«	960	«	« «
1890	«	1 060	«	« «
1900	«	920	«	« «

Факт явного вымирания населения не мог не обращать на себя внимания. О тяжелом положении туземцев и особенно остяков писали многие публицисты, но царское правительство не принимало абсолютно никаких мер к облегчению участи туземного населения.

Сами туземцы подавали петиции, но они оставались без внимания, если даже и проникали в столицу через все преграды, чинимые местной администрацией.

Среди салымских хантэ мне пришлось слышать интересный рассказ о том, как якобы подавалась остяками жалоба на свое положение Николаю II, проезжавшему, в бытность наследником, по Оби. Начальство согнало туземцев в Сур-

[1] Патканов, Тип остяцкого богатыря, стр. 22.
[2] Старцев, Остяки, стр. 51.
[3] Там же, стр. 48.

гут; им не давали подать жалобу. Тогда они вложили ее в медвежью шкуру и один из хантэ надел ее на себя; Николай, будучи на пароходе, заинтересовался странным зрелищем и потребовал шкуру к себе. Естественно, что его желание было исполнено, и шкуру вместе с вложенной в нее грамотой отнесли на пароход. Жалоба, поданная таким образом, никаких фактических результатов не возымела.

Когда в 1906 г. проходили выборы в государственную думу, туземцы выставляли некоторые свои требования. Некоторые из них не безынтересно привести здесь. Так, «приговор» 26 февраля 1906 г. уполномоченных от всех сельских обществ Кодской инородческой управы требовал: 1) восстановления старых земельных меж и воспрещения крестьянам вторгаться в туземные владения; 2) воспрещения крупным рыбопромышленникам в низовьях Оби «запирать» реки и ставить самоловы; 3) бесплатного пользования лесом на домашние нужды; 4) точного установления границ «наших владений» и «наших старых лесных границ» и воспрещения крестьянам пользоваться «в наших лесных дачах звериным промыслом» и т. д. [1].

Уполномоченные Ларьякской инородческой управы требовали доставления лекарств и назначения врача в сургутскую инородческую больницу, обязательного обучения детей в школах на казенный счет, учреждения при управе банка, упразднения становых приставов и урядника [2].

В Локосовской инородческой управе настаивали на сокращении, ввиду чрезмерных расходов, штата чиновников, упразднении урядника и приставов, восстановлении прежнего порядка уплаты ясака через родовых старост непосредственно начальнику уезда; «в отношении промыслов предоставить инородцам свободные от русских пришельцев действия, порядок общего пользования отменить, поставив русских в зависимость от инородцев на основании существующего положения об инородцах» [3].

В требовании Лумпокольской инородческой управы туземцы настаивали на упразднении винной лавки [4].

Но даже и эти скромные просьбы туземцев оставлялись без внимания царским правительством, обрекавшим малые народы севера на вымирание.

---

[1] Тобольский архив, Фонд. Скалозубова, № 2, л. 14.
[2] Там же, л. 8.
[3] Там же, л. 11.
[4] Там же, л. 9.

Буржуазные публицисты, стремясь оправдать капиталистическую эксплоатацию, доказывали, что эти народы обречены на вымирание, так как они якобы принадлежат к низшей расе. Эта расовая теория, развиваемая сейчас фашистами, широко пропагандировалась в царской России.

Наша партия и советское правительство не только теоретически, но и практически сумели доказать всю ложенаучность подобных «теорий».

«Существование капитализма без национального гнета также немыслимо, как немыслимо существование социализма без освобождения угнетенных наций, без национальной свободы. Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия в первую голову державных наций), полное националистических предрассудков, идет за буржуазией, и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т. е. [illegible] пролетариата. Поэтому победа [illegible]

ПОПРАВКА к стр. 113

На странице 113, абзац 5, строки 2—3 снизу напечатано: „...«и завоевали русским рабочим доверие их национальных братьев...«
Нужно читать: „...и завоевали русским рабочим доверие их инонациональных братьев...«

[illegible] гнуть всю ложность фашистской [illegible]

«Установление советского строя в России и провозглашение права наций на государственное отделение перевернули отношения между трудовыми массами национальностей России, подорвали старую национальную вражду, лишили почвы национальный гнет и завоевали русским рабочим доверие их национальных братьев... довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело» [2].

---

[1] Резолюция X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (цит. по сборнику: Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. II, стр. 418).

[2] Там же, стр. 418.

тут; им не давали подать жалобу. Тогда они вложили ее в медвежью шкуру и один из хантэ надел ее на себя; Николай, будучи на пароходе, заинтересовался странным зрелищем и потребовал шкуру к себе. Естественно, что его желание было исполнено, и шкуру вместе с вложенной в нее грамотой отнесли на пароход. Жалоба, поданная таким образом, никаких фактических результатов не возымела.

Когда в 1906 г. проходили выборы в государственную думу, туземцы выставляли некоторые свои требования. Некоторые из них не безынтересно привести здесь. Так, «приговор» 26 февраля 1906 г. уполномоченных от всех сельских обществ Кодской инородческой управы требовал: 1) восстановления старых земельных меж и воспрещения крестьянам вторгаться в туземные владения; 2) воспрещения крупным рыбопромышленникам в низовьях Оби «запирать» реки и ставить самоловы; 3) бесплатного пользования лесом на домашние нужды; 4) точного установления границ «наших владений» и «наших старых лесных границ» [illegible] крестьянам пользоваться «в [illegible] промыслом» [illegible]

[illegible] непосредственно [illegible] отношений промыслов предоставить [illegible] свободные от русских пришельцев действия, порядок общего пользования отменить, поставив русских в зависимость от инородцев на основании существующего положения об инородцах» [3].

В требовании Лумпокольской инородческой управы туземцы настаивали на упразднении винной лавки [4].

Но даже и эти скромные просьбы туземцев оставлялись без внимания царским правительством, обрекавшим малые народы севера на вымирание.

---

[1] Тобольский архив, Фонд. Скалозубова, № 2, л. 14.
[2] Там же, л. 8.
[3] Там же, л. 11.
[4] Там же, л. 9.

Буржуазные публицисты, стремясь оправдать капиталистическую эксплоатацию, доказывали, что эти народы обречены на вымирание, так как они якобы принадлежат к низшей расе. Эта расовая теория, развиваемая сейчас фашистами, широко пропагандировалась в царской России.

Наша партия и советское правительство не только теоретически, но и практически сумели доказать всю лженаучность подобных «теорий».

«Существование капитализма без национального гнета также немыслимо, как немыслимо существование социализма без освобождения угнетенных наций, без национальной свободы. Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия в первую голову державных наций), полное националистических предрассудков, идет за буржуазией, и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т. е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа Советов и установление диктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств» [1].

Вместе со свержением капитализма в России, вместе со всеми трудящимися нашей великой родины и трудящиеся севера приступили к социалистической реконструкции своего хозяйства. Руководимые передовым русским пролетариатом и его коммунистической партией, они успели уже сейчас в корне изменить лицо своей страны и на практике опровергнуть всю ложность фашистской расовой «науки».

«Установление советского строя в России и провозглашение права наций на государственное отделение перевернули отношения между трудовыми массами национальностей России, подорвали старую национальную вражду, лишили почвы национальный гнет и завоевали русским рабочим доверие их национальных братьев... довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело» [2].

---

[1] Резолюция X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (цит. по сборнику: Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. II, стр. 418).

[2] Там же, стр. 418.

Великая социалистическая революция в тайге и тундре

Наступил 1914 г. Во время империалистической войны в более южных, обруселых прииртышских волостях взяли часть туземцев на службу и отправили в Россию. Но в строй их не зачисляли, а заставляли выполнять различные работы — грузить рельсы, выламывать и доставлять лед и т. п. Призванные для выполнения этих работ были отправлены в Россию в конце ноября 1916 г., а вскоре после Февральской буржуазно-демократической революции, в апреле, возвращены обратно. Но и за это короткое время многие из мобилизованных туземцев погибли от тяжелых условий работы, а также и от распространившейся среди них эпидемии тифа.

Не сразу сказалось влияние Февральской революции. Лишь весной по таежной глуши и тундрам начали носиться туманные слухи — «белого царя прогнали». Пробудились, было, некоторые надежды на лучшую жизнь. Об этом говорили радостные ссыльные, спешно собиравшие свои скудные пожитки.

В начале пристава и другое местное начальство собрало к себе всех старшин, сказало им, что сейчас вместо Николая стало какое-то временное правительство, предупредило, что не должно быть никаких волнений, и в результате все осталось по-прежнему. Также наезжали промышленники, также своевольничали туземные и русские кулаки.

Наконец подошла осень. Выпал первый снег. Покрываясь льдом, стали реки. Непрерывно подули сильные, переходящие в ураган, ветры. Как и всегда в это время года, гудели они по приполярным далям, грозно ударяясь о стены чумов и изб. Хотя связь с далеким культурным югом почти прекратилась, но по тундрам и лесным чащам поползли новые разговоры, новые вести, точно занесенные воздушными вихрями.

Казалось, что гул урагана приносил с собой отдаленный грохот стрельбы, раздававшийся в это время в главнейших промышленных центрах Сибири — Омске, Иркутске и Красноярске. Здесь в это время власть перешла в руки советов. Со страхом и ненавистью смотрела русская и международная буржуазия на победу и все более укрепляющуюся диктатуру пролетариата, готовила свои силы для ожесточенной контрреволюционной борьбы.

В России, и в частности в Сибири, было множество военнопленных чехословаков, двигавшихся на Д. Восток с тем, чтобы уехать на родину. Бесконечные эшелоны потянулись на Владивосток, чтобы дальше двигаться морем. По указанию международной буржуазии, эсеры, русские офицеры и другие силы контрреволюции вошли в связь с чехословацким командованием и спровоцировали на поднятие мятежа.

Благодаря иностранным интервентам белогвардейщине удалось захватить сибирскую железнодорожную линию и все главнейшие центры этой страны.

Созданное эсерами «демократическое правительство» продержалось недолго, и 18 ноября 1918 г. была установлена военная диктатура «верховного правителя» — адмирала Колчака.

Черносотенцы распоясались, начав невероятный террор. Коммунистов, попадавших в их руки, зверски убивали. В тюрьмах гноили всех, кто только работал вместе с советской властью или оказывал ей содействие.

По одному подозрению в сочувствии революции арестовывали людей. Большевики не сдались, но ушли в подполье. На западносибирский север был послан карательный белогвардейский отряд под начальством Туркова и Литвинова, увековечивших свою память невероятными зверствами, заливших север кровью. В то время центром подпольной революционной работы стало село Самарово. Тайно собиралась самаровская беднота, готовилась к вооруженной борьбе. В тайге начинали собираться партизанские отряды, пробиравшиеся на юг к Тобольску, на который наступала в это время Красная армия, громившая контрреволюционные силы Колчака.

Установив связь с регулярными частями Красной армии, партизаны-большевики, во главе с П. И. Лопаревым, вновь двинулись вниз по Иртышу и начали наступать на Самарово.

Белогвардейские отряды и местное кулачество, полные ненависти к победоносно шествующей революции, со своей стороны также готовились к ожесточенной борьбе.

Среди туземного населения началась массовая реквизиция оружия. Охотники-туземцы лишались последних средств к существованию. К тому же кулаки под тем предлогом, что они должны оставлять свои дома и итти на борьбу с революцией, начали совершать буквально облавы на туземную бедноту; захваченных людей распределяли между кулацкими хозяйствами, заставляя на себя работать. Мучили кроме того и подводной повинностью.

Отказывавшимся итти на работу грозили расстрелом; порка была излюбленным приемом наказания и понуждения.

Туземное кулачество и шаманы всячески поддерживали белых, вели усиленную агитацию среди бедноты, всячески натравливали ее на большевиков, запугивали.

Партизанский отряд Лопарева в конце 1919 г. захватил с. Самарово, обойдя его с двух сторон. Бандиты, во главе с Волковым, отступили к Сургуту. В то же время на севере был наиболее сильный, кадровый белогвардейский отряд Туркова и Литвинова. Заняв Самарово, партизаны двинулись к северу. Белобандиты были разбиты в боях у Белогорья и в Карым-Карах, после чего они сосредоточились и окопались за Березовым, на реке Сосве. Начался 1920 год. Партизаны послали к белым делегацию во главе с т. Филатовым. Делегаты, встретив разведку противника, повели среди солдат агитацию и, подготовив таким образом почву, явились к офицерам с предложением сдаться. Под нажимом со стороны своих солдат, командиры были принуждены признать себя побежденными.

Одновременно через Самарово прошел красноармейский отряд т. Лепехина, двинувшийся далее на Сургут и арестовавший здесь Волкова.

Вновь на севере взвилось красное знамя. Победа Великой пролетарской революции несла вместе с собой освобождение как русским, так и туземным трудящимся от страшной многовековой эксплоатации. Понятно поэтому, что все эксплоататорские элементы севера всеми силами цеплялись за то, чтобы сохранить свое привилегированное положение, чтобы не выпустить из рук свою жертву. Каждое малейшее затруднение правительства использовали они для проведения своей агитации.

Годы гражданской войны, годы хозяйственных трудностей, тяжело отразились на жизни севера, терпевшего недостаток в хлебе и прочих товарах.

Воспользовавшись создавшимся затруднительным положением, кулаки начали подготовлять восстание, инициатора-

ми и руководителями которого явились самаровские торговцы — Соскин, Кузнецов и др. Среди туземцев орудовали шаманы, возбуждая национальное население против продразверстки, собиравшейся в виде пушнины.

Зимою 1921 г. южная Сибирь была охвачена кулацким восстанием, начавшимся в Ишиме и затем перекинувшимся в Тобольск. В. с. Самарове был создан ревком, который сейчас же захватил заложников из среды местного кулачества, что давало возможность предупредить контрреволюционное выступление. Так же было поступлено в Березове и Сургуте. Но бандиты наступали с юга, от Тобольска. На помощь вновь создавшемуся в Самарове партизанскому отряду подошел с севера, от Обдорска и Березова, отряд т. Данилова.

Красные отряды, встретившись у дер. Базьяны, заняли с. Реполово, где приступили к постройке укреплений и организации обороны. Шедший к ним на подмогу сургутский отряд был захвачен в плен бандитами и весь уничтожен.

В Реполове малочисленные красные отряды не смогли удержаться и, пройдя Самарово, начали отступать на север. Бандиты, значительно более многочисленные, шли по пятам, и наши потерпели жестокое поражение в бою под Карым-Карами. Остатки разбитых партизан были принуждены рассеяться отдельными небольшими отрядами по тайге и тундре.

Между тем восстание в Ишиме и Тобольске было подавлено, и на север направлялся вниз по Иртышу полк т. Баткунова.

Одновременно в Тюмене создался новый партизанский отряд во главе с Лопаревым, который, прекрасно зная местность, провел партизан через тайгу, рекой Кондой вышел на Самарово и занял его. Следом за этим отрядом подошел со своими частями и т. Баткунов.

Бандитское выступление было ликвидировано, и север после упорной и кровавой борьбы, наконец, смог вздохнуть облегченно и перейти к развертыванию социалистического строительства, к восстановлению своего разрушенного хозяйства.

С переходом к социалистической реконструкции активно вступили на путь участия в ней и народы севера, начавшие под руководством коммунистической партии и гениального вождя народов товарища Сталина, при поддержке со стороны передового русского рабочего класса строить свою жизнь и культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

«...Единственным режимом, способным разрешить национальный вопрос, т. е. режимом, способным создать условия, обеспечивающие мирное сожительство и братское сотрудничество различных народностей и племен, является режим советской власти, режим диктатуры пролетариата» [1].

Эти слова гениального вождя народов СССР и трудящихся всего мира т. Сталина всецело оправдались.

Принятие Сталинской социалистической конституции открывает сейчас еще большие возможности для бурного роста социалистической стройки среди всех братских народов нашей великой родины.

---

[1] Сталин, Очередные задачи партии в национальном вопросе, Доклад на X съезде РКП(б) (Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. II, стр. 410).

Трудности социалистической стройки на севере

Народы западносибирского севера относятся к числу тех народов, которые за время своего пребывания под властью царизма «не прошли, не успели пройти периода промышленного капитализма, не имеют поэтому или почти не имеют промышленного пролетариата, ввиду чего им приходится из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм. «Для того, чтобы эту тяжелую, но отнюдь не невозможную операцию произвести, — говорил товарищ Сталин на X съезде партии [1], — необходимо учесть все особенности экономического состояния, даже исторического прошлого, быта и культуры этих народностей».

Такую грандиозную задачу в области национальной политики ставила себе партия большевиков по окончании гражданской войны и в самом начале периода социалистического строительства. Осуществление этой задачи требовало завоевания глубокого доверия и объединения трудящихся масс всех народов СССР, привыкших во времена царской России глубоко ненавидеть все русское, не доверять русским. Борясь за прекращение межнациональной розни и за равенство и братство всех наций, населяющих СССР, наша партия на X съезде приняла также и решение, говорящее о том, что: «Завоевывая доверие трудящихся масс восточных окраин своей решительной и последовательной борьбой за уничтожение всех видов национального неравенства, партия в то же время сплачивает и объединяет их для окончательной ликвидации партиархально-феодальных отношений в среде самих ранее угнетенных наций и для приобщения их к коммунистическому строительству» [2].

[1] Там же, стр. 411—412.

[2] Резолюция X съезда РКП(б) по докладу товарища Сталина (цит. сб., стр. 421).

Нелегки условия социалистического строительства на севере: постоянная подвижность значительной части населения, малочисленность его и разбросанность на огромной территории, чрезвычайная трудность сообщений, недостаток в кадрах, исключительная культурная отсталость, создающая особенно благоприятную почву для шаманско-кулацкой агитации, сохранение различных родовых традиций, под прикрытием которых легко могут укрыться от мало знакомого с туземным бытом работника различные формы эксплоатации. Все это страшно осложняло и осложняет работу в области социалистической реконструкции северного хозяйства. Социалистическое переустройство Обь-Иртышского севера началось позже, чем в других краях, вместе с образованием здесь Остяко-Вогульского национального округа.

Скрытый классовый враг и двурушник действовал подчас в советском аппарате, куда ему удавалось пробраться, «проползти на брюхе». Не бездействовало туземное кулачество, использовавшее вместе с шаманами все старые родовые традиции, все свое влияние и средства для того, чтобы повести за собою отсталые массы, чтобы своим организованным саботажем срывать все мероприятия партии и правительства.

Так например, кулак-шаман Яркин из юрт Нарыкарских вел агитацию против колхозного строительства, запугивая бедноту, распространял слухи, что колхозы распускаются теперь самим правительством. Но не ограничиваясь этим и используя свое положение шамана, Яркин организовал, под видом проведения религиозных обрядов, массовый убой лошадей. Особенно активно выступало кулачество в наиболее отсталых районах, на Казыме и Сосве, где оно агитировало главным образом за уничтожение культбазы, за оказание сопротивления всем культурным мероприятиям. Здесь кулачеством даже было организовано убийство нескольких советских и партийных работников. В итоге по делам, связанным с антисоветской деятельностью, было привлечено к судебной ответственности в 1932 г. 70 кулаков, в 1933 г. — 91 кулак и в 1934 г. — 181 кулак [1].

Преодолевая яростное сопротивление со стороны озлобленного классового врага, преодолевая все трудности работы в условиях отсталого севера, несмотря на многие недочеты и неполадки, имеющиеся еще и до сих пор, наши советские

[1] Материал заимствован из отчета Остяко-Вогульского окр. исполкома за 1931—1936 гг.

и партийные организации Остяко-Вогульского округа уже сейчас успели достигнуть значительных успехов.

За последнее пятилетие, к 1936 году, году принятия новой Сталинской конституции, зафиксировавшей победу социализма в нашей стране, Остяко-Вогульский север резко изменил свое лицо, решительно став на путь социалистического развития. Следствием этого прежде всего явился быстрый прирост численности коренного населения.

На территории Остяко-Вогульского национального округа в 1926—1927 гг. насчитывалось 13 331 чел. хантов, 5 252 чел. манси и 890 чел. ненцев, тогда как на 1 января 1936 г. эта цифра возросла до 14 341 чел. хантов, 5 644 чел. манси и 910 чел. ненцев. В 1935 г., по сравнению с 1933 г., рождаемость увеличилась на 13,8%, при сокращении смертности за это же время с 35,6 чел. на 1 000 до 21,8 чел. на 1 000 [1].

Таким образом, если царское правительство и капиталистический строй обрекали местное население на вымирание, то в результате Великой пролетарской революции народы северо-западной Сибири получили все возможности для быстрого развития на путях строительства бесклассового коммунистического общества.

---

[1] Там же.

Север сегодня

По данным государственного земельного треста Остяко-Вогульского национального округа, водная поверхность в округе составляет одну треть всей его территории. Огромные водные артерии, Обь, Иртыш и их многочисленные притоки, распределены по всей стране.

На беспредельные пространства растянулись непроходимые болота и заливные луга, превращающиеся в период половодья в одну сплошную массу воды.

Естественно, что рыболовство, получившее здесь еще с древнейших времен чрезвычайно широкое развитие, является основным занятием населения и в настоящее время.

Огромные запасы рыбы крайне разнообразны по своему составу. Здесь водятся лососи, щуки, окуни, нельмы, тугуны, сырки, щекуры, пыжьяны, ряпушки, максуны и др.

Большинство рыб составляют карповые, достигающие 49%, следом за ними идут щуковые — 23%, лососевые — 17%, окуневые — 5% и т. д.

Летний рыболовный сезон начинается в середине июня и продолжается до конца августа. В это время идет спад воды. Многочисленные сора (заливные луга), простирающиеся на многие километры, начинают освобождаться от покрывающей их воды. Вместе с ее спадом рыба выходит из соров. С началом хода рыбы наступает самое горячее время в работе хантэ и манси.

Рыбацкие артели уже заранее покидают свои зимние юрты переселяются на так называемые пески, т. е. места рыбного лова.

Здесь ставят они свои шалаши, выкладывают на улице глиняные печи, устраивают из дерна очаги, на которых устанавливают большие котлы, служащие для вываривания жира.

В некоторых местах люди даже и живут на воде, в специально устроенных, крытых для жилья, лодках-каюках.

Быстро скользя по реке на своих облазах, лодках-вер-

тушках, выдолбленных из цельного дерева, ставят рыбаки-туземцы свои многочисленные сети, заводят невода устанавливают поперек речек запоры.

Рыбный лов и раньше носил артельную форму; но только до революции рыболовная артель составлялась обычно из кулака, владельца основной части неводов и других снастей, и его сородичей-бедняков, попадавших в его цепкие лапы. Обычно весь улов делился по паям между участниками работы. Право на пай имели только взрослые мужчины, хотя наравне с ними в работе также участвовали и старики, и женщины, и подростки. Владелец снастей получал за пользование ими несколько паев.

Сейчас дело другое. Теперь повсеместно среди туземного населения создались простейшие рыболовецкие промысловые объединения, члены которых совместно владеют всеми средствами производства, распределяя между собой доход в зависимости от количества затраченного труда.

Лов начинает усовершенствоваться. Вместо старого, примитивного «запора» вводится нармысский чердак, требующий для работы с ним 12 человек, вместо 40.

Промысел хотя и медленно, но начинает механизироваться. В с. Смарове, близ центра округа, г. Остяко-Вогульска, организована Обская моторно-рыболовная станция.

На смену примитивному кустарному засолу рыбы является заготовка ее впрок на специальных, вновь выстроенных семи рыбозаводах, а также переработка ее в высокосортные консервы, для чего в Самарове построен большой рыбоконсервный комбинат, состоящий из сырьевого, консервного, рыбообрабатывающего, утилизационного, жестяно-баночного, бондарно-ящичного и лесопильного цехов, имеющий свою ремонтно-механическую мастерскую и большой гужевой, водно-механизированный и немеханизированный транспорт. Год от года возрастает продукция комбината, выражавшаяся за 1933 г. в сумме 751,6 тыс. руб. и достигшая за 1935 г. 1 628,7 тыс. руб.[1].

На смену скупщикам-купцам, грабившим и разорявшим рыбаков, создался государственный рыбный трест, имеющий своей задачей организацию производства в артелях, снабжение их снастями, солью и другими необходимыми материалами, помогающий туземцам в работе, содействующий росту благосостояния, росту зажиточности трудовых масс хантэ-мансийского населения.

---

[1] Там же.

Наравне с рыболовством, охотничий промысел занимает одно из основных мест в хозяйстве Остяко-Вогульского национального округа, на территории которого насчитывается 56 173,1 тыс. *га* охотничьих угодий. Главнейшими промысловыми видами здесь являются белка, горностай, лисица, соболь и выдра, причем первая особенно выделяется по своей промысловой продукции, достигая в ней 51,2—76,8% удельного веса.

Хищническая эксплоатация пушных богатств, имевшая место в дореволюционное время, вызвала значительный упадок охотничьего промысла на севере. Постановление СТО СССР от 31/X1931 г. наметило путь реконструкции охотничьего промысла северных окраин в форме организации охотничьих хозяйств и создания производственно-охотничьих станций (ПОС).

Проведенное в 1931—1933 гг. землеустройство уничтожило остатки вотчинного пользования разными видами угодий, распределив их для трудового пользования между колхозами и бедняцко-середняцкими хозяйствами. Дальнейшее развертывание колхозного строительства окончательно закрепило ликвидацию вотчинного права. Кроме того к настоящему времени в округе организовано 8 ПОС с занятой ими площадью охотничьих угодий в 13 743 млн. *га*.

На территории Остяко-Вогульского округа в прошлом водилось довольно большое количество бобров, сейчас почти совершенно истребленных.

Для сохранения, изучения и размножения бобра и соболя в 1930 г. был организован североуральский боброво-соболиный государственный заповедник, расположенный на площади в 800 тыс. *га* и насчитывающий в своих угодиях уже сейчас более 300 штук бобров. Следует отметить, что заповедником ставятся опыты скрещивания остяко-вогульского соболя с баргузинским, что должно в скором времени сказаться на значительном улучшении местной породы этого ценного зверька.

Одной из очень важных задач в работе на севере являлась организация торгово-заготовительных пунктов, наличие которых в корне подорвало бы всякие возможности для спекулирования ценной пушниной, для сохранения пережитков торговой эксплоатации туземного населения.

Развитие заготовительной сети шло по двум направлениям: открытие новых стационарных пунктов и организация сезонной разъездной торговли.

В округе в 1931 г. насчитывался только 171 стационар-

ный торгово-заготовительный пункт, тогда как к 1936 г. их количество возросло до 354.

Для работы в заготовительных органах начали выдвигаться лучшие колхозники-активисты, для подготовки которых создавались соответствующие курсы, выпустившие более 60 человек, из которых свыше половины — туземцы.

Соцсоревнование и ударничество входит в быт национального населения.

В последнем квартале 1935 г. соцсоревнованием было охвачено 75% всех охотников.

При поддержке передового русского рабочего класса и под руководством коммунистической партии, мудро и неуклонно проводящей в жизнь сталинскую национальную политику, культурно и экономически отсталая, ограбленная и заброшенная бывшая царская колония, Остяко-Вогулия, представлявшая собой еще недавно одну из самых диких и труднопроходимых стран тюрьмы народов, огромной Российской империи, Остяко-Вогулия начинает развивать свою промышленность, начинает постепенно приближаться к общему уровню других районов нашей великой родины.

Только при советской власти впервые в этой части северосибирской тайги построены заводы.

Создание промышленности в округе имеет громадное не только экономическое, но и политическое значение, создавая пролетарские кадры в этом отдаленном и отсталом районе.

«Национальное неравенство здесь до сих пор покоилось на исторически сложившемся экономическом неравенстве. Это неравенство выражалось прежде всего в том, что эти окраины России, находившиеся на положении колоний или полуколоний, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов.

Со всем этим неизбежно должна была столкнуться пролетарская революция на восточных окраинах, и ее первейшей задачей является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего планомерное насаждение промышленности на окраинах, путем переноса фабрик к источникам сырья» [1].

---

[1] Резолюция по докладу товарища Сталина на X съезде РКП(б) (цит. сб., стр. 421).

Ранее на территории нынешнего Остяко-Вогульского национального округа не было ни одного промышленного предприятия, тогда как уже сейчас создались консервный комбинат и 7 заводов по первичной обработке рыбы. Начинают эксплоатироваться большие лесные массивы округа. На смену заготовке и вывозу из края древесного сырья скоро явится возможность перерабатывать древесину на месте. На берегу Оби, в Белогорье, приступлено к строительству лесокомбината.

Таежные и тундровые просторы округа славятся своими колоссальными запасами различных сортов ягод: земляники, черники, голубики, морошки, брусники, клюквы. Ягодные ресурсы округа выдвинули на очередь вопрос об их эксплоатации, следствием чего явилась постройка в Нахрачах (Кондинский район) экстрактно-варочного завода.

В условиях отдаленности от крупных промышленных центров и разбросанности малочисленного населения округа, особое значение должна получить местная и кустарная промышленность, предприятий которой до 1934 г. здесь совершенно не было.

В 1934 г. организованы в Остяко-Вогульске кирпичный завод и столярно-слесарная мастерская, а в Березове — мастерская пошивки меховой одежды.

Кустарная промышленность округа, объединенная в системе многопромсоюза, дает в 1936 г. продукции на сумму 1 067,8 тыс. руб.

По отдельным отраслям производства эта сумма распределяется следующим образом:

Лесохимическое производство	54,1	тыс. руб.
Деревообделочное «	280,7	« «
Пищевое «	450,0	« «
Пошивочное «	132,6	« «
Слесарное «	64,7	« «
Гончарное «	17,7	« «
Стройматериалов «	68,0	« «

Значительная часть рабочих кадров округа занята в быстро развивающемся строительстве городов и новых административно-культурных центров.

О размере строительных работ в округе могут свидетельствовать данные о капиталовложении в них, достигающем за пять лет, с 1931 г. по 1935 г., суммы в 1 117,5 тыс. руб.

Характерно, что большая часть этих средств брошена на школьное (516,2 тыс. руб.) и лечебное (470,6 тыс. руб.) строительства.

Только в 1931 г. были начаты первые работы по постройке молодой социалистической столицы округа, города Остяко-Вогульска.

Пять лет назад, на правом берегу Иртыша, недалеко от его устья, близ старого села Самарова, шумела под ударами холодного северного ветра дремучая тайга.

Только редкий охотник заглядывал сюда, преследуя дичь, да ломал вековой валежник владыка лесов — медведь.

Только пять лет назад раздался впервые среди тайги удар топора; начали падать вековые, ветвистые исполины...

Сейчас от Самарова, через дремучий лес, проложена просека. При спуске дороги с горы, сквозь глухую чащу, вдруг открывается вид на широко раскинувшийся город.

В Остяко-Вогульске около 3 000 жителей. Правда, весь город деревянный, но в нем есть неплохие здания. Прежде всего бросается в глаза трехэтажный «Дом советов», перед которым раскинулся на площади сквер, убранный цветами. Вокруг этой центральной площади расположились все лучшие дома: звуковое кино и клуб, Дом народов севера, почтамт и др.

Всего в городе 98 построек, из которых 44 заняты под жилые дома.

В молодом центре уже успел создаться неплохой музей, среди разнообразных коллекций которого есть даже и уникальные вещи.

В городе чувствуется жизнь и кипит стройка.

Быстро растет красная столица свободного остяко-вогульского народа.

В условиях далекого севера исключительное значение имеет работа в области медицинского обслуживания населения.

Промышленники и чиновники при царском режиме завезли на север венерические болезни, широко распространившиеся здесь среди туземного населения. Первобытный образ жизни в дымном чуме, умывание в одной воде из общего берестяного корыта — «кушонки» и вытирание вместо полотенца тонкими стружками — «шпом», способствовали распространению трахомы и других глазных заболеваний. Употребление в пищу сырой рыбы имело своим следствием развитие разнообразных глистов.

Бывали года, когда от оспы и других эпидемических заболеваний вымирали целые районы.

На всю огромную территорию округа в 1913 г. было только две больницы, в Березове и Сургуте, и 5 фельдшерских пунктов.

С образованием Остяко-Вогульского округа здесь пришлось провести полную реорганизацию всей системы здравоохранения, вкладывая в это дело весьма значительные средства, ежегодно увеличивая их с 317,0 тыс. руб. в 1931 г. до 4 976,3 тыс. руб. в 1936 г.

За этот последний год расход в области медицинского обслуживания на одного жителя поднялся до 63 руб. 40 коп., тогда как до революции он колебался между 44 и 74 коп.

Развертывание лечебной сети по округу может быть наглядно представлено следующими данными:

Наименование	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Больниц	9	13	14	17	18
Фельдшерско-акушерских пунктов	18	36	56	62	63
Врачебн. пунктов	4	10	7	9	10

Кроме того в 1934 г. в г. Остяко-Вогульске был открыт туберкулезный диспансер, рентгеновский кабинет в Самарове и 2 зубоврачебных кабинета.

В трудных и тяжелых условиях приходится работать врачам среди туземного населения, пребывавшего на протяжении многих столетий на самой низкой ступени развития. Еще до самого последнего времени оно находилось под влиянием знахарей-шаманов, видевших во врачах своих «конкурентов», настраивавших туземные массы против медицинских работников. До 1935 г. туземные женщины решительно избегали какой бы то ни было медицинской помощи при родах. Только в 1935 г. впервые в больнице Казымской культбазы провели роды 12 националок и в Сосвинской больнице — 2 националки.

Это было целым событием. Женщины массами съезжались к больницам для того, чтобы лично убедиться в состоянии здоровья рожениц и новорожденных и посмотреть на смелых женщин, нарушивших вековой закон тундры.

Медленно, но прочно начинают теперь входить в быт туземцев и основные правила гигиены.

Бани перестают быть редкостью. Туземцы по своей инициативе начинают их строить даже в местах своего временного проживания. Так например, на р. Салыме хантэ Меляковы поставили баню на своем рыболовецком песке.

Правда, остальные жители Салыма сначала отказались помочь им в этом мероприятии, но вскоре, увидев пример Мелясовых, сами начали посещать их новую баню.

Стрижка волос, а равно и применение умывальников и зубных щеток распространяются все больше и больше. Так например, в юртах Манья (Саран-Паульского сельсовета) из 16 чумов умывальники имеют 12.

Санитарное обследование, проведенное Сосвинской культбазой, показало, что национальное население перестраивает свой домашний быт и интересуется чистотой. Если раньше санитарные комиссии числились на бумаге, то теперь они уже проводят соответствующую работу, организуя, например, соревнование на чистоту чума.

Следствием всех проводимых профилактических мероприятий явилось резкое сокращение инфекционных заболеваний, упавших с 3 001 случая в 1933 г. до 1 186 в 1935 г.

Подготовка новых медицинских кадров из среды туземного населения (в Остяко-Вогульском медицинском техникуме учатся 47 хантэ и манси) неизбежно должна будет содействовать закреплению авторитета лечебных учреждений и развитию доверия к ним в отсталых слоях туземного населения [1].

В еще более трудных условиях приходилось, а частично приходится еще и сейчас, развертывать школьную работу в туземных районах.

Вот например, очень характерная история борьбы, развернувшейся в юртах Лемпиных (на Салыме) в связи с открытием здесь школы.

Когда был поставлен вопрос об открытии школы на собрании салымских хантэ. Все, кроме одного Михаила Мелясова, стали возражать. Несмотря на это, в Лемпиных юртах в 1929 г. школа была открыта. Под нее арендовали избу, а общежитие устроили в доме у Ефрема Лемпина. Поехали по району вербовать детей, а родители их не пускают. Лемпинские ребята сначала в нее иногда ходили, а иногда нет, но постепенно заинтересовались и начали в школу бегать тайком от взрослых. Первую зиму училось только 7 человек.

Но вот у Михаила Лемпина заболела дочь. Призвали шамана Петра Лемпина. Шаман поворожил, поворожил и говорит, что нельзя было школу открывать, в этом все зло.

Вскоре девочка умерла.

---

[1] Весь вышеприведенный статистический материал заимствован из отчета Остяко-Вогульского окр. исполкома за 1931—1936 гг.

Тихон Рымов, также один из местных остяков, вдруг начинает всех уверять, что ему сон приснился, будто земля треснула, и дом, где школа помещалась, в реку упал.

Родители тогда начали детей забирать. Учительница писала обо всем этом в РИК, но туземцы не доставляли ее писем по назначению.

И снова пришлось начинать все дело сначала [1].

Теперь в Лемпине выстроено хорошее здание под школу и в ней учится большинство ребят.

В Ломтовожском туземном совете в 1933 г. шаманы-кулаки Хазумовы, Кучины и др. также систематически вели агитацию против школы. Они запугивали массы тем, что говорили о скорой гибели советской власти, говорили о том, что после этого всех учившихся в школе будут подвергать избиению.

Не ограничиваясь контрреволюционной агитацией, они, пробираясь тайком в интернат, устраивали в доме таинственные звуки, шорох и т. п., а сами пускали слух, что в школе появился шайтан. Этим запугивали и детей и родителей [2].

В подобных условиях ожесточенной классовой борьбы приходилось бороться за советскую школу.

И несмотря на все трудности, год от года быстро росла школьная сеть округа. В 1925/26 г. здесь было развернуто 19 туземных школ с 247 учащимися; в 1935/36 г. эта цифра возросла до 60 школ, в которых обучается 1 773 ребенка.

Сейчас начальной школой охвачено 57% детей хантэ и 65% детей манси.

За последние годы начинает распространяться и дошкольное воспитание с охватом на 1936 г. свыше 700 детей туземцев.

В округе уже имеется 25 национальных клубов, по глухим кочевьям, проникая в самые отдаленные уголки тайги и тундры, постоянно разъезжают 6 красных чумов, 1 плавучая культбаза, 29 кинопередвижек обслуживают округ.

С каждым годом все в большем и большем количестве выковываются свои, национальные культурные кадры, выпускаемые педагогическим техникумом, советской партийной школой, центральным институтом народов севера, различными курсами и другими культурно-просветительными учреждениями [3].

---

[1] По рассказам местных жителей.
[2] Отчет исполкома Остяко-Вогульского нац. округа.
[3] Там же.

Уже не так далеко то время, когда Остяко-Вогульский национальный округ, имевший до революции церквей и часовен в два раза больше чем школ, станет, наравне с другими районами нашей великой родины, округом всеобщей грамотности.

Темные и забитые царизмом народы — остяки и вогулы — начинают развертывать свою культуру, свою общественную и хозяйственную жизнь. Уже практика существования народов северо-западной Сибири при советской власти показывает, как и история других народов СССР, всю правоту великих слов товарища Сталина, сказанных им на VIII Чрезвычайном съезде советов.

«Отсутствие эксплоататорских классов, являющихся основными организаторами международной драки, отсутствие эксплоатации, культивирующей взаимное недоверие и разжигающей националистические страсти; наличие у власти рабочего класса, являющегося врагом всякого порабощения и верным носителем идей интернационализма; фактическое осуществление взаимной помощи народов во всех областях хозяйственной и общественной жизни; наконец, расцвет национальной культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию, — все эти и подобные им факторы привели к тому, что изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства»[1].

Хантэ и манси, под руководством великого вождя народов товарища Сталина и коммунистической партии, при братской помощи и поддержке русских рабочих и крестьян, быстро перестраивают свою жизнь, год от года становящуюся все более и более радостной, зажиточной и истинно счастливой.

---

[1] И. Сталин, Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов. Партиздат, ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 16.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Оглавление

	Стр.
Предисловие	3
Древнейший период истории народов северо-западной Сибири	5
Изменения в хозяйстве народов северо-западной Сибири, происшедшие к началу XVI в.	12
Развитие обмена с соседними народами	16
Завоевание северо-западной Сибири Новгородским княжеством	20
Социально-экономический строй народов северо-западной Сибири к началу XVI в.	23
Борьба Москвы с Новгородом за право колониального грабежа народов Сибири	32
Владения Строгановых в Приуралье	36
Поход Ермака в Сибирь	40
Народы северо-западной Сибири под властью царизма в XVI—XVII вв.	43
Развитие торговли в XVI — XVII вв.	49
Рост социального расслоения среди народов северо-западной Сибири в XVI — XVII вв.	54
Классовая борьба и освободительное движение против царизма в XVII в.	60
Распространение христианства и церковный произвол	68
Организация управления в XVIII—XIX вв.	76
Захват угодий русским кулачеством	80
Торговая эксплоатация	85
Рост классового расслоения среди туземцев	92
Состояние народного просвещения и здравоохранения	102
Ростки освободительного движения	105
Вымирание	110
Великая пролетарская социалистическая революция в тайге и тундре	114
Трудности социалистической стройки на севере	119
Север сегодня	122

Цена 1 руб.

Оптовая продажа: Москва, Блюхеровский пер., д. № 8, Главная контора Когиза „Парткнига".

Розничная продажа: во всех магазинах и отделениях Когиза.

Почтовые заказы посылайте в областные (краевые) отделения Когиза без задатка.